

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ

N1(127)

МОСКВА 2020

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2020. № 1. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан); д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
член-корр. НАУ А.А. Грищенко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н.,
проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.э.н., проф. М.В. Кулаков;
д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); академик РАН В.Л. Макаров;
д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета; д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов);
д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.ю.н. В.Ю. Стромов (Тамбов);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.ф.н., проф. Л.А. Тугов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына,
О.Б. Лемешенок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайт: <http://www.philh.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2020

Содержание

2020 (Главный редактор)	7
Часть I. Россия в координатах ударных перемен	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
На пульсе ускользящего времени	11
Концептуальная декларация	15
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Мир и Россия под ударными переменами: настоящими и грядущими	26
<i>Ю.М. Осипов</i>	
В ожидании разворота	32
<i>В.М. Кульков</i>	
Социально-экономические перемены: поводы и ориентиры	36
<i>А.В. Кузнецов</i>	
Россия и англосаксонский мир: проблемы конфронтации	43
Часть II. Философия хозяйства	
<i>А.Г. Войтов</i>	
Хозяйство: философия, философское основание теоретического познания, теория	55
<i>И. Василенко</i>	
О метафизике стыда на Украине	70
<i>В.Я. Иохин</i>	
Методологические аспекты цифровизации: философско-хозяйственный подход	76
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Философия хозяйства консервативного крыла германского протестантизма и появление имперского антисемитизма	85
<i>Т.И. Коптелова</i>	
Экономическая эффективность с точки зрения экологии: от ультраэкономики к органической парадигме хозяйства	96
Часть III. Экономическая теория	
<i>А.З. Новак</i>	
Польские дилеммы развития: что нужно инновационной экономике?	105
<i>Л.Б. Парфенова, Г.А. Королева</i>	
Алгоритмы как инструмент государственного патернализма	117
<i>В.И. Корняков, Н.А. Вахрушева</i>	
О тайне предельного роста отечественной экономики	128
<i>И.М. Теняков</i>	
Шумпетерианский экономический рост и его противоречия	140

<i>М.Ю. Чайков</i>	
Сокращение паразитных бизнес-процессов как значимый фактор повышения производительности труда и эффективности всей экономики в целом	151
<i>В.В. Бирюков</i>	
Экономическое развитие как системный процесс культурных и институциональных изменений.....	160
<i>Г.Н. Исмоилов</i>	
Динамика региональных уровней цен в России.....	176
Часть IV. Актуальная философия	
<i>А.И. Булгаров</i>	
К вопросу о метафизике: бытие или человек	187
<i>К.В. Молчанов</i>	
Кантианская, гегелевская и современная диалектики и программирование: диалектическая система логик, развитие логики и особые форматы современного диалектического познания	196
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Мышление и язык (речь) (тезисы).....	213
Часть V. Актуальная социология	
<i>А.Л. Андреев</i>	
Ленинские статьи о литературе и социальная диалектика марксизма	227
<i>Г.С. Широкалова, О.К. Шиманская</i>	
Историческая память & патриотизм	238
<i>А.А. Тарасов</i>	
Computare Hominis: к системам социального кредита (рейтингования)	251
Часть VI. Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Ай, да Гузев, ай, да... сын степей! (вместо рецензии)	269
<i>Н.И. Злыгостева</i>	
«Россия есть — Россия будет» (отклик на книгу Ю.М. Осипова «Обретение»).....	272
Научная жизнь	
<i>Е.С. Зотова</i>	
Концептуальная Россия в координатах мировых перемен	280
Анонсы	293
Наши авторы	296

Contents

2020 (Chief Editor)	7
Part I. Russia in Coordinates of Changes	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
On the Pulse of a Slipping Time	11
<i>The conceptual Declaration</i>	15
<i>Yu.M. Osipov</i>	
The World and Russia under Present and Future Shocking Changes: Modern and future.....	26
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Waiting for the Reversal	32
<i>V.M. Kulkov</i>	
Socio-economic Changes: Occasions and Guidelines.....	36
<i>A.V. Kuznetsov</i>	
Russia and the Anglo-Saxon world: Problems of Confrontation	43
Part II. Philosophy of Economy	
<i>A.G. Voitov</i>	
Economy: Philosophy, Philosophical Foundation Theoretical Knowledge, Theory.....	55
<i>I. Vasilenko</i>	
Ukraine: the Temptation by Europe	70
<i>V.Ya. Johin</i>	
Methodological Aspects of Digitalization: Philosophical and Economic Approach.....	76
<i>R.E. Sokolov</i>	
Philosophy of Economy in the Conservative Wing of the German Protestantism and Emerging of the Imperial Antisemitism	85
<i>T.I. Koptelova</i>	
The Eco-Efficiency: from Ultraeconomics to the Organic Paradigm of Economy.....	96
Part III. Economic Theory	
<i>A.Z. Novak</i>	
Polish Development Dilemmas: What an Innovative Economy Needs	105
<i>L.B. Parfenova, G.A. Koroleva</i>	
Algorithms as an Instrument of State Paternalism	117
<i>V.I. Korniyakov N.A. Vakhrusheva</i>	
On the Secret of the Ultimate Growth of the Domestic Economy	128

<i>I.M. Tenyakov</i>	
Schumpeterian Economics Growth and its Contradictions	140
<i>M.Yu. Chaikov</i>	
Reduction Parasitic Business-Processes as Significant Factor of Increase of Labor Productivity and Efficiency of all Economy as a Whole.....	151
<i>V.V. Biryukov</i>	
Economic Development as a Systemic Process of Cultural and Institutional <i>Change</i>	160
<i>G.N. Ismoilov</i>	
<i>Dynamics of Regional Price Levels in Russia</i>	176
Part IV. Actual Philosophy	
<i>A.I. Bulgarov</i>	
To the Question of Metaphysics: Being Or Man	187
<i>K.V. Molchanov</i>	
Kantian, Hegelian and Modern Dialectics and Programming: the Dialectical System of Logic, the Development of Logic, and the Special Formats of Modern Dialectical Cognition	196
<i>A.Y. Gorbachyov</i>	
Thinking and Language (Speech)	213
Part V. Actual Sociology	
<i>A.L. Andreev</i>	
Lenin's Articles on Literature and the Social Dialectics of Marxism.....	227
<i>G.S. Shirokalova, O.K. Shimanskaya</i>	
Historical Memory & Patriotism.....	238
<i>A.A. Tarasov</i>	
Computare Hominis: Towards Social (Scoring) Systems.....	251
Part VI. Reviews and Responses	
<i>Yu. M. Osipov</i>	
Yes Gusev, Yes... Son of the Steppes! (Instead of a Review).....	269
<i>N.I. Zlygosteva</i>	
«Russia is — Russia Will Be» (Response to the Book by Yu.M. Osipov «Finding»).....	272
Scientific Life	
<i>E.S. Zotova</i>	
Conceptual Russia in Coordinates of World Changes	280
Anounce	293
Our Authors	287

Год на дворе 2020-й, как раз тот самый — двадцать второй для нашего журнала, пережившего не более, не менее, как два десятилетия бесперебойного существования, успевшего не только опубликовать сотни замечательных текстов, но и утвердить в сознании высокообразованного класса факт наличия уникального, пусть всё еще массовидной ученой общественностью и не слишком признаваемого, новейшего знания-размышления — философии хозяйства.

Если в обычной гуманитарной науке, включая и сдавшуюся на милость сей науке философию — так называемую научную философию, любое обобщающее утверждение, кроме некоторых чисто или бесспорно фактологических, подлежит не просто сомнению, но и альтернативному отрицанию, ибо речь в такой науке идет о не очень-то, строго говоря, научных объектах — тех же сознании, социуме, культуре, вообще всякой человеческой экзистенции (объектах, не схватываемых вполне и адекватно наукой, тяготеющей по обыкновению к фактологической, понятийной и теоремной точности, никак не свойственной самому объекту рассмотрения — гуманитарному миру), то в философии хозяйства всё обстоит значительно не так, ибо она, относясь к объекту как к полному метафизической тайны, мало того, что избегает точно-научной о нем мифологии, но дает максимально возможное адекватное о нем представление, просматривая насквозь целиком — в пространстве и во времени; в парящей вышине, в залежной глубине и в изменчивой феноменально-событийной сердцевине; фактологически, феноменально и ноуменально (сущностно, смыслово); материально, идеально и сакрально; в плодотворном единстве онтологии и гносеологии, когда первое задает второе, а не наоборот.

В итоге на пути и на основе философии хозяйства возникает не просто целостное и не просто мировоззренческое (не сугубо исследовательское), а и акционно мировоззренческое представление, ибо реальность для философии хозяйства не просто то, что есть вокруг, но есть как нечто, сотворенное и творимое — Незнанием, Господом Богом, Софией, ну и, разумеется, Человеком.

Ничего в окружающей реальности нет мертвого, застывшего, навечно окаменевшего, а главное — ничего нет не творимого!

А ежели «не творимого», то значит и «не хозяйственного», а потому и нет вокруг ничего собственно не хозяйственного!

Отсюда и философия хозяйства как не просто мировоззренческая философия, а как философия мирозданческого, божественного и человеческого творения мира, жизни, человека, экзистенции, всего земно-космического бытия!

Не слабо, правда?!

И всё это и в самом деле возможно: и мир возможен, и мир как хозяйство тоже, и философия хозяйства возможна, и мир как философия хозяйства тоже!

Что ж, столетняя философия хозяйства (уже как постнаучный феномен!) вместе со своим двадцатилетним журналом (не ограничивающимся ни наукой, ни даже философией), как и журнал «Философия хозяйства» со своей вековой философией хозяйства, на бескомпромиссном ныне суду у исторического времени и у бытийной ситуации, сложившейся в мире и в той же России, даже и у той ситуации, что сложилась сегодня в Московском университете, где постнаучная философия хозяйства как раз и возникла — аккурат в 1912 г. благодаря усилиям С.Н. Булгакова, где она самовозродилась в 1980-е гг. после нарочитого многодесятилетнего забвения, где окрепла в 1990-е и утвердилась в 2000-е гг., где существует и даже весьма процветает, пусть и в вынужденном уединении, не без оперативного участия в сем процветании журнала «Философия хозяйства», пусть и не находящего в родном университете приличествующего ему формального наукометрического-де статуса, но зато находящего признание и поддержку у расширяющегося день ото дня думающего не только по-научному и не только традиционно по-философски, а и по-новому метафизически, перспективного для страны и мира интеллектуального сословия.

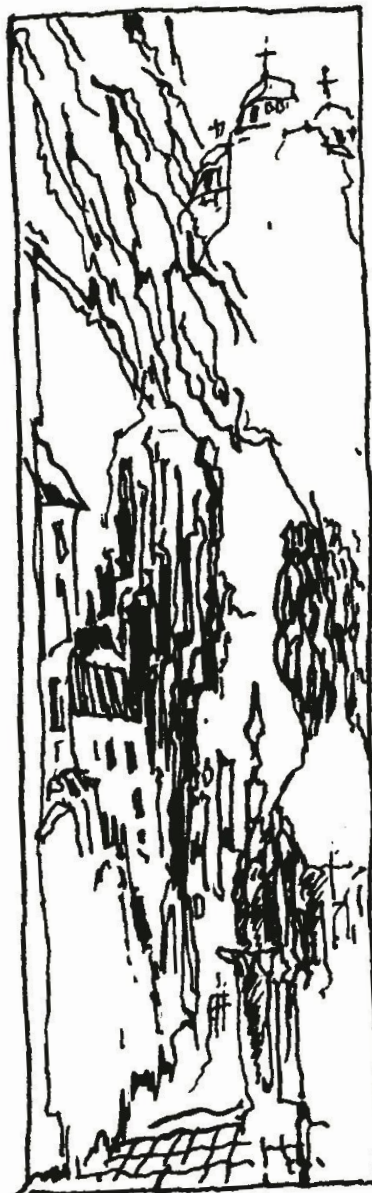
Что ж, исповедимы пути Господни!

«Встать, господа, Суд, знаете ли, идет!»

Главный редактор

I

**РОССИЯ В
КООРДИНАТАХ
УДАРНЫХ
ПЕРЕМЕН**

Ю.М. ОСИПОВ

На пульсе ускользящего времени*

Аннотация. Реально действенная сила метафизической мысли, облеченной в новый интегративный, метаонтогносеологический концептуализм: опыт трехдесятилетней практики и трех последних (2017—2019) лет.

Ключевые слова: философия хозяйства, метафизика, новый интегративный метаонтогносеологический концептуализм, Россия, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Центр общественных наук, лаборатория философии хозяйства, Академия философии хозяйства.

Abstract. The really effective force of methaphysical thought covered by a new integrative, methaontognoseological conceptualism is an experience of three-decade practice and three last years (2017 - 2019).

Keywords: philosophy of economy, metaphysics, new integrative methaontognoseological conceptualism, Russia, Lomonosov Moscow State University, Center of Social Sciences, Laboratory of Philosophy of Economy, Academy of Philosophy of Economy

УДК 327, 330
ББК 65в, 66

Ученое сообщество, сложившееся вокруг Центра общественных наук при МГУ (ныне Научный совет «Центр общественных наук МГУ»), и лаборатория философии хозяйства экономического факультета МГУ исповедуют наряду с общепринятыми научным и философским подходами к восприятию, трактованию и прогнозированию социохозяйственной реальности особого рода гносеологический подход, который можно обозначить как *интегративный метафизический концептуализм*, сопрягающий, с одной стороны, текущий концептуализм самой реальности, или *онтологический концептуализм*, а с другой — адекватный этому онтологическому

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. На пульсе ускользящего времени // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 11—14.

концептуализму *гносеологический концептуализм*. В сердцевине последнего не просто метафизика, а *новая метафизика*, восходящая, несмотря на свою генетическую связь с традиционной метафизикой, к постнаучному и в известной мере к постфилософскому воззрению на *гуманитарный онтос*, или *человеческое бытие-историю*, где как раз более всего *метафизиса*, чем *физиса*, как и на *гуманитарный гнозис*, насквозь пронизанный идейно-духовным метафизисом и склоняющийся всего более не к *физике* (науке и научной философии), а к *метафизике*, уже намеренно преодолевающей доминирующий в нынешней интеллектуально-просвещенческой среде физикалистский подход к гуманитарной реальности, отчего не просто к метафизике, а именно к *новой метафизике*.

Не ставя здесь цели сколько-нибудь полного раскрытия самой новометафизической гносеологии, требующей не так образовательного преподнесения, как размыслительного и переживательного вхождения в ее сферу, не говоря уже о попадании в ее сингулярный метасмысловой центр — источник метазнания, обратимся сходу к практической роли обозначенного нами новометафизического концептуализма, выстраиваемой одновременно в четырех ипостасях: 1) *концептуального мониторинга текущей реальности*; 2) *концептуального осмысления являющейся реальности*; 3) *концептуального провидения реальности, ее движения в будущее*; 4) *концептуального проектирования желаемых в реальности перемен*.

Если для гносеологии применение таких понятий, как концепт, концептуальность, концептуализм, вполне на уровне нынешней интеллектуальной культуры допустимо, то применение аналогичных понятий для имманентной характеристики объективной реальности требует некоторого пояснения. Имеет ли реальность свою концептологию? Да, имеет, ибо бытие-история реализует свои смыслы быть и твориться, отчего оно подтверждено некоторой, пусть далеко не во всем ясной и понятной человеку, смыслологией, а точнее, вследствие своей во многом алогичности, а то и бессмыслицы — *метасмыслологии*. Некая качественная данность бытийно-исторической метасмыслологии и есть концептология реальности, или же ее — реальности — концептуализм, лучше бы сказать — *метаконцептология* и *метаконцептуализм*. Отсюда и возможность интегративного метафизического онтогносеологического концептуализма, о котором речь.

Вышеупомянутое ученое сообщество вот уже три десятка лет ведет метаконцептуальное слежение за текущей реальностью — мировой и российской, имея кое-какие фундаментальные разрешения, оценки, предвидения и проективные пожелания. Утверждать, что сие ученое сообщество *присутствует* со своим интегративным концептуализмом в текущей онтогносеологической реальности, *участвует* в ее реализации, не представляется возможным, а вот сказать, что сие сообщество *отсутствует* как источник объективирующей мысли в текущей онтогносеологической реальности, ее *не творит*, никак уж нельзя!

Самоуверенно вроде бы, но что поделать, ежели *это* так: не во всех, быть может, деталях, но все содеянное сообществом — мониторинговое, оценочное, предвидимое и даже кое-что проективно желанное — и в самом деле не только соответствует реальности, ей достаточно адекватно, но и странным образом оказывает на реальность — хотя бы на ту же российскую — какое-то, пусть и не прямое, но... *влияние*.

Нет, конечно, реальность в целом вовсе не та, какой бы хотело ее видеть данное ученое сообщество, да и она — реальность — вовсе не обязана следовать представлениям сего сообщества, но не реагировать на кое-какие концептуальные интенции сообщества реальность почему-то тоже не может, пусть и реагировать по-своему, не так, как того хотело бы ученое сообщество, но все-таки, что важно подчеркнуть, не может не реагировать.

Тут вроде бы загадка: у размыслительного сообщества никакой формальной власти и практически действующих рычагов нет, а реакция реальности все-таки есть, следственно, у сообщества есть какая-то другая власть, как раз не формальная, хотя по-своему и действенная, а именно — *власть мысли*, причем метафизической в основе своей мысли, сопряженной так или иначе с «мыслью» самой реальности.

Бытие-история творится триедино: «ходом людей», «ходом вещей» и «ходом неизвестности», а при этом еще и двуедино: «ходом хаоса» и «ходом антихаоса», в результате чего выходит реальная метаконцептуальная реальность, в поток которой попадают и метасмысловые инъекции не так вовсе самоуверенного, как попросту уверенного в себе *метаученого метасообщества*: сообщество созидает мысль (понятия, разрешения, предложения), а мысль — эта как

уже *метамысль* — созидает реальность, которая по сути-то ведь *метареальность*.

Ноосфера, понимаешь ли!

Возьмем вместо долгих тридцати осознательно-творческих лет в истории указанного сообщества всего лишь последние три года, да и посмотрим на размыслительно-пожелательные интенции данного сообщества для той же России: «постреформенное социохозяйственное перестроение России посредством национального неодирижизма» (2017); «российский миттельшпиль как игра за национальный суверенитет и свое великодержавие в мире и как цугцванговая ситуация внутри страны — кризис пореформенного строя» (2018); «антикризисный постреформенный разворот и Россия в координатах ударных перемен» (2019).

И разворот, пусть пока всего лишь как поворот, таки случился — не в ожидаемом выборном 2018 г., а в 2020-ом, но ведь случился же, точнее — *начался*!

Да, легче всего заявить, что какое-то в себе уверенное ученое сообщество тут совершенно ни причем, а вот доказать, что сие сообщество и в самом деле тут ни причем вряд ли удастся, ибо в начале декабря 2019 г. оно заявляет, ничего не ведая о намерениях высшего российского правления, об ударных для России переменах, а через месяц, аккурат в январе 2020 г., кое-какие ударного свойства перемены таки наступают!

Парадокс, да и только!

Но нет, не парадокс тут и даже не мистика, а всего лишь *метафизическое метасмысловедение*, оно же и *интегративный онтогносеологический концептуализм*, позволяющее держать умственную руку на пульсе упорно от сей руки ускользающего, но таки не могущего избежать ее чудесного познавательно-коррекционного прикосновения, бытийно-исторического времени.

Вот так!

Международная научная конференция
**«РОССИЯ В КООРДИНАТАХ УДАРНЫХ ПЕРЕМЕН:
СОЦИУМ, ЭКОНОМИКА, ТЕХНОСФЕРА»**

МГУ, 4—6 декабря 2019 г.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

По итогам своей работы конференция находит целесообразным представить нижеследующую декларацию концептуального порядка.

1. Несмотря на достигнутые в нулевые и десятые годы XXI в. позитивные стабилизационные и развитийные результаты, включая и заметный рост жизненного уровня населения, текущая социохозяйственная ситуация в Российской Федерации не дает поводов ни для морального удовлетворения, ни для большого делового энтузиазма, ни для массового жизнеутверждающего оптимизма. Возникший по итогам радикального, произвольного и немало при этом хаотического переделывания страны, ее социума и хозяйства, ее трудо-творческого потенциала, пореформенный социохозяйственный строй в России, оказавшийся поспешно, компрадорски и эксплуатационно встроенным в мировой глобализм и намеренно заточенным по преимуществу на безудержное частно-капиталистическое и финансово-административное присвоение, явно испытывает в настоящий момент уже свой собственный, немало и тупикового характера, *системный кризис*, концентрированно проявляющийся, по крайней мере, во-первых, в резкой социально-экзистенциальной дисгармонии российского бытия, в чрезмерной, если не вопиющей, между слоями, группами, коллективами, регионами и вообще гражданами страны дифференциации в имущественно-потребительских, а главное — в экзистенциальных возможностях по всему спектру людского жизнеотправления; во-вторых, в своеобразной экономико-производственной ситуации, когда ни вроде бы глухого застоя, ни при этом и бурного всестороннего развития, то бишь в фактической социохозяйственной *патоситуации*; в-третьих, в низкой эффективности, функциональной произвольности и деловой несостоятельности, а то и в какой-то вычурной менеджеральной безумности сформировавшегося в стране монструозного *мир*-правления, явно не чуждого разнузданному *пир*-правлению, оседлавшего и подмявшего под себя всё

жизнеспособие страны, весьма бесцеремонно и токсично его в своих интересах пользующего.

2. Кризис сей, может, и не слишком отчетливо выражен для не очень пытливого и лениво скользящего по бытийной поверхности глаза, но он, увы, есть и неуклонно, пусть во многом и подспудно, нарастает, угрожая перейти в куда более острую и несравненно доступную для наблюдения и оценочного суждения фазу. Даже ежели это пока не полноценный кризис, а всего лишь некий предкризис, то что из того — полноценный кризис, судя по тому, что в стране чересчур уж активно и упорно происходит, кажется, уже не за горами!

3. Указанный кризис пореформенного строя не переходит пока в острую, катастрофного характера, фазу как по причине нещадно и высокодоходно эксплуатируемого этим строем природо-трудового ресурсного потенциала страны, что служит для действующего строя основным гарантом его выживания и своеобразной для него подушкой безопасности, так и по причине относительно сносного, а то и весьма удовлетворительного, давно страной не переживавшегося, материально-имущественного положения значительной части российского населения, а также вследствие удачно рассчитанной правящим верхом экзистенциальной опоры, пусть и по преимуществу символической, на Россию как на национальную идейно-культовую традицию и на народный патриотизм как на органичное россиянам психо-поведенческое переживание, что вызывает идейно-эмоциональное доверие населения к наличествующей власти и поддерживает надежду на скорые и внушительные позитивные перемены в жизнеотправлении страны, в системе ею управления.

4. Однако обратиться символически к России, ее идее, как и культивировать символический патриотизм — одно, а всерьез идти навстречу России как к самобытному и стойкому во времени историческому феномену и как к реально действующему идейно-смысловому концепту — совсем другое. Вот тут как раз и наблюдается заметное концептуальное и деловое расхождение между, с одной стороны, пореформенным строем, весьма зараженным манковым глобо-западнизмом и заряженным по функциональному пореформенному вектору на безмерное частное присвоение, а с другой стороны, собственно Россией — на словах вроде бы признаваемой и даже на показ превозносимой, а на деле — старательно эксплуатируемой и втихую переделываемой под глобозападные, постмодерновые стандарты. Ну а все, или почти все, несправедные и бедоносные достижения реформ

остаются при этом если не в целостности и сохранности, то уж в достаточном воспроизведении.

5. Между пореформенным строем и глубинной исторической Россией не просто туго натянутое противоречие, но и если пока еще не бездна пропасть, то уж явно зияющая, вполне и разрывная, пустота, никаким идейно-политическим символизмом не заполняемая. Пореформенный строй не понимает, не воспринимает, да и попросту, судя по всему, не очень-то любит Россию, он ей субстанциально не ограничен, если попросту не чужд, а потому и более ее отвергает, чем полагает, а глубинная Россия, и впрямь во многом еще пребывающая где-то в навских глубинах бытия-истории, существует и выживает более вопреки, чем благодаря строю с его внероссийскими предпочтениями и во многом антироссийскими по сути своей деяниями, оттого и платя строю вполне естественным для такой ситуации от себя отчуждением.

6. Однако реальность еще сложнее, ибо, стремясь с некоторых пор (хотя бы с рубежа нулевых и десятых годов текущего века) к частичной функциональной самостоятельности посреди глобализированной и фактически приватизированной Западом во главе с США планеты Земля, правящая Россия вынужденно вступает в острое противоречие с западным глобализмом, считающим себя не только благодетелем оставшейся от СССР России, но и ее примерным экзистенциальным патроном, если вообще не имперского пошиба бесспорным хозяином, отчего между глобализмом и глобализированной, но тяготеющей хотя бы к относительной автономии в глобальном мире Россией завязалась сначала как бы подспудно тлевшая, а затем и все более разгоравшаяся борьба, быстро перешедшая к самой что ни на есть настоящей войне, пусть и гибридной, и гуманитарной, и даже новой холодной, но все-таки — к *войне*! Глобализм упорно наступает на Россию, а Россия с не меньшим упорством защищается, не преминув при этом отвечать иной раз и ударом на удар, а главное — вынуждена предстать перед ударной необходимостью проведения ударных (читай — мобилизационных) внутри себя управленческих, структурных и функциональных перемен, часть из которых уже взяли на себя ВПК с армией, российская Арктика, энергетический и аграрный сектор, кое-какой отечественный хай-тек. Война — эффективный стимулятор ударных перемен!

7. Однако ситуация в стране и в мире еще более сложная: хорошо вроде бы воспринимать передовой-де и прогрессивный-де

глобозападнизм, но вместе с его восприятием и к нему подстраиванием является вдруг совершенно экстраординарное противоречие между, с одной стороны, взращенным глобозападнизмом и вовсю им внедряемым на планете *античеловеческим антимиром*, а с другой стороны, все еще бытующим на планете *всё-еще-человеческим миром*. Уместно заметить, что в идейной подпочве наступающего на планету антимира сидит заядлый вирусоподобный *антигуманизм* с характерными для него токсичной *антикультурой* и патогенной *антицивилизацией*, а в орудийно-практическом аспекте — *ультрано-вый технологизм* (он же *ультра-технологизм* — нейро-кибер-генно-нано-цифро-психо-технологизм).

8. Всё это вестерногенное помрачение не только затрагивает Россию и ее население, а воистину их подавляет. Искажает и раздрает. Антимир, о котором речь, — не просто новый компонент мира человеческого, который, как какое-нибудь модернистское искусство, можно было бы и потерпеть, а его — этого мира человеческого — поглотитель, заместитель и погубитель, гораздо более действенный, страшный и эсхатологически опасный, чем то же, к примеру, геостратегическое межгосударственное соперничество на планете или та же никогда не прекращающаяся борьба между правящими верхами и недовольными ими низами в любой из так называемых цивилизованных стран. Здесь не что-нибудь, а грозное ударное нашествие, не очень, быть может, в идейно-смысловом плане адекватно воспринимаемое и не очень, как кажется, вроде бы для текущей жизни вредоносное, наоборот, очень даже в обыденном ракурсе привлекательное, немало вроде бы и по жизни полезное, однако для человечества эсхатологически воистину судьбоносное, причем вовсе не так с позитивным, как с вполне себе негативным знаком, отчего нельзя не обратить внимания либо на возможность полной трансгрессивной победы антимира на уже немало вибрирующей и даже конвульсивно вздрагивающей Земле с явлением на ней уже полного — и остаточного! — постчеловека (античеловека), либо на возможность все-таки кое-какого укрощения всё-еще-человеком сего экстраординарного антимировского нашествия на Землю и на возможность продолжения на Земле человека как человека. Как тут быть нынешней России: ударно биться за человека, что, увы, как-то не особенно пока бросается в России в глаза, или же ударно бить по человеку, что как раз весьма рисуночно и проявляется в реформно-пореформенной стране? Вопрос!

9. Тут вполне уместно добавить ко всем обозначенным внешним для России ударным противоречиям и противостояниям неоднозначную картинку с сонмом не менее ударных для России ее внутренних противоречий и противостояний, в особенности между разными в России Россиями: 1) прежде всего *высшей России*, владетельной и ныне всю властвующей, идейно и культово в основе своей проглобозападнической, немало по сути, как издавна водится на Руси и в России, и антироссийской, баснословно богатой, гедонистической, вынужденно, без особого энтузиазма и уж тем более без большого альтруизма, управляющей доставшейся ей, а то и попросту ею прихваченной, высокодоходной страной, имея при этом целью, если удастся, переделать страну под западный, в культурном отношении весьма и колониального, стиля иноземный образец, не останавливаясь в своих переделочных деяниях ни перед коренной отечественной традицией, восходящей к незапамятным седым временам, ни даже перед той же свойственной России, подтвержденной веками и ныне весьма процветающей православностью; 2) *низшей России*, как раз в основе глубинной, ко вполне по происхождению уже реформной, униженной этой реформой и оскорбленной, кое-как выживающей, а то и уходящей шаг за шагом в небытие под неусыпным, вполне и феодално-колониального стиля, управлением со стороны господствующей в стране высшей России; 3) ну и *средней России*, более или менее по жизни успешной, спешествующей так или иначе высшей России — ведущей, но при этом и немало занятой эксплуатацией России и ее трудового населения, в целом весьма довольной своим материально-потребительским положением, но весьма при этом неудовлетворенной из-за своей подчиненности высшей России, тягловой от нее нагрузки, общей бытийной нестабильности и экзистенциальной неуверенности, отчего и мечущейся между Россией, неРоссией и внеРоссией (заграницей), не очень-то видящей перед собой и для себя перспективную будущность.

10. Между всеми тремя вышеуказанными Россиями неизбежное, пусть и немало скрытое, почти что и безмолвное, даже не слишком пока и осознанное, экзистенциальное напряжение, более взаимоотноталкивающего, чем взаимопротягивающего порядка, лишь усиливающее внутрироссийское разделение на триаду не сходящихся между собой России, никак не способствуя при этом их патриотическому единению в контурах действительно суверенной и реально субъектной великой державной России.

11. Но и это не всё: наряду с отмеченными тремя Россиями существует, касаясь, хоть и в разной степени, всех этих трех России, еще одна Россия — *Россия молодая*, как раз та самая, которая возникла уже в пореформенной России, причем как уже новороссийский и новомировский феномен-продукт — неопределенная, раздробленная, разноликая, подвижная, вибрирующая, немало и мечущаяся, ищущая своей роли, своего места и своей доли в современном российском бытии, очень уже по своей смысловой сути, ментальности, манере поведения, по языку и даже внешнему физическому облику *другая*, как бы и не наследственная, пожалуй что, и оторванная от родимой почвы, вроде как и «не своя», со своей особой субкультурой, всю уже втянувшаяся не то что в новый глоботехнотронный мир, но и в мир весьма уже по качеству *иной* — виртуальный, не почвенный, не земный, смотрящая на бытие, на историю, на весь всё-еще-земный мир как на мир не просто устаревший, но и Земле, не говоря о Космосе, уже и не нужный, — пусть и меньше знающая, чем старшие поколения, менее интеллектуально развитая, но зато умеющая ловко манипулировать в своих интересах и к своей выгоде любым из широко доступных ей функциональных и технологических знаний, как раз та самая новая Россия, которая никому, даже и самой себе, доподлинно не известна и из которой может выйти в итоге очень всякое, тоже никому и ей самой не известное, совершенно и неожиданное, но в любом разе вполне себе судьбоносное, даже и роковое. Сия новая Россия — самоуверенная, гордая и непреклонная — вряд ли вполне признает пореформенную Россию за «свою», «нашу», «родную» и плавно войдет в нее органичной ей частью, скорее окончательно и бесповоротно погруженная в электронно-цифрную среду и вооруженная ее новейшими технотронными, а вовсе не гуманитарными алгоритмами, юная Россия будет отрицать сию наличную, уже для нее и безнадежно устаревшую, Россию, делая это при случае и вполне радикально: сначала чисто идейно — по-базаровски, а потом, глядишь, и весьма действенно — уже по-ленински, а вот ради какой-такой *иной* России, да и России ли вообще — вопрос, да еще какой вопрос!

12. Как ни прокручивай в сознании воображаемую картину нынешней пореформенной России — социально вовсе не единой, хозяйственно не целостной, поведенчески не консолидированной, тем более уж экзистенциально не гармоничной, хотя и вроде бы заново становящейся, поднимающейся, укрепляющейся, развивающейся,

картина сия не только не дает гуманитарного удовлетворения, не только не подтверждает морально-деятельской уверенности в настоящем и будущем страны, не только не вызывает приступа гражданского и просто человеческого доверия к пореформенному строю и присущему ему правлению, но и бьет беспощадно по самой вере в Россию — как в непреходящую, безальтернативную и дорогую каждому россиянину бытийно-историческую ценность, вызывая шанс и риск безумного, в чем-то и для кого-то вполне и простодушного, отрицания России как России — этого особого сакрально-экзистенциального феномена и приоритетного места бытования человека — того же россиянина — на Земле, не говоря уже о месте его — россиянина — подвижнического спасения. Да, прошлой, вполне себе и мученической, святости у страны, именуемой Россией, предостаточно, а где ныне разлив в ней уже вовсе даже не мученической, а попросту самой что ни на есть обыденной, но при этом такой необходимой, человечности, где?

13. Итак, судьба России в России как под ударами открыто и скрыто воюющего с ней враждебного контекста, что хоть и не радостно, но и не сильно страшно, так и в тисках и под прессом не слишком ей органичного пореформенного социохозяйственного строя с его, мягко выражаясь, странным правлением, смотрящим на Запад и Западу в культурно-деловом плане угождающим, что тоже не очень радостно, но зато и заметно страшнее. Судьба России в России еще и под давящим влиянием ультрасовременных миромасштабных, но при этом не просто ультрановых, а уже и *иноновых* — *иномировских*, следственно, и *антимировских*, ударных перемен, включая и технотронную дегуманизацию человечества и его бытия, способных не оставить камня на камне от всё-еще-зёмного, то бишь и всё-еще-человеческого, бытия со всей его накопленной и отфильтрованной веками не только материальной, но и духовно-идейно-ментальной культурой. Отсюда Россия, ее адепты, сторонники и попутчики, оказываются в небывалом в зёмном бытии-истории противоборстве как с наступающим на нее и весь мир ударным антимиром, грозящим тотальной нивелировкой и нуллификацией всего на Земле человеческого — вплоть до полного погружения человечества и вместе с ним России во вселенскую пустоту, так и с внешним имперо-колониальным натиском на Россию враждебного ей контекста по вектору «Запад—Восток».

14. Но и это не всё: Россия борется как бы и с самой собою, подвергаясь, во-первых, воздействию на себя доставшегося ей по роковому случаю пореформенного строя, а потому ему по ходу своего вынужденного при нем бытия стойчески ради жизни сопротивляясь, жаждая при этом, пусть и не слишком, быть может, явственно, но уже достаточно осмысленно, ударных *пост*-реформенных, а потому и *про*-российских перемен, так и, во-вторых, что особенно важно, оказавшись в тяжком противоборстве между если не традиционной, то хотя бы существующей в настоящем времени базисной, если не классической, Россией, и будто бы новой, постмодерновой, вполне и искусственно-надстроенной *псевдо*-Россией — безыдейной, безморальной, механической, бесчеловечной. Отсюда не безмятежный вовсе покой в России, а напряженная, пусть по преимуществу и скрытая, но уже заметно чувствуемая, переходящая в импульсивную тряску, экзистенциальная дрожь всего российского странового пространства, способная вызвать, если своевременно не принять масштабных перестроенческих мер, и кое-что более выразительное, мало того, что конвульсивное, но и вполне себе разрывное — как всегда самое вроде бы невероятное и, разумеется, как водится, совершенно внезапное.

15. Да, люди, в особенности элиты и правительства, но при этом и народы, и людские массы, тот же электорат, творят бытие-историю, но важно иметь в виду, что бытие-история и сама себя творит, как и творится не слишком обычно замечаемыми, но весьма действительными, скажем так, иномирными силами, пусть наукой и совсем уж «здравыми умами» не признаваемыми, но что из того — неизвестность тоже всюю участвует в выделянии человеческого, или зёмного, бытия-истории, да и как, заметим, участвует — сильно, масштабно, убойно! И все это важно иметь в виду: и деяния человеческие, и «ход вещей», и вмешательство неизвестности, как раз для того, чтобы, совершая расчетливые-де деяния, учитывать не слишком от них зависимый «ход вещей», или сам-себе-поток реальности, приспособлявая к нему совершаемые человеком деяния, а в случае явления чего-то внезапного и невероятного, того, что вроде бы не может быть никогда, но что всегда непременно-таки происходит, иметь возможность, не теряясь, не паникуя и не пряча голову в песок, немедленно на сие нежданное происшествие мобилизационно отреагировать. Здесь управление вершится в условиях не просто неопределенности, а и кое-каких неодолимостей, которыми как раз и

переполнены нынешние мировое и российское пространства, отчего управление вдруг бесшумно переходит или же, наоборот, с завидным треском проваливается в... *неуправление!*

16. Тот же советско-социалистический эксперимент, обретший в конце концов сталинский формат реализации, должен был вполне заслуженно сойти с бытийно-исторической арены — факт! — но сойти он мог по-разному и с разными последствиями. То, что реально произошло на рубеже 1980—1990-х гг. и в последующие годы, не означает своей стопроцентной неизбежности, хотя и означает при этом, что избежать сего исторического происшествия, раз уж оно тогда таковым случилось, было тем не менее нельзя. Вот такая тут случается диалектическая загогулина! То, что Россия имеет сегодня, или то, что с Россией ныне происходит, — результат всего сразу: и яростных сознательных деяний, и приглушенного «хода вещей», и совсем уж скрытых от глаз и умов людских неотвратимых интенций глухой неизвестности. Это так, и со всем этим не поспоришь! Да, сложно тут управлять и действовать, архисложно, почти что и невозможно, но не идти же вперед вслепую, наобум, пока сама экзистенция, ведомая и из противного России зарубежья, куда-нибудь на свой лад, или же разлад, не вывезет. Такого подхода бытие-история никому из властителей и топ-управленцев не прощает! Так или иначе, но всегда нужен выверенный курс, нужны надежные ориентиры, нужен текущий мониторинг всего происходящего, да не только всего факто-феноменального, но и глубинно-потенционно-интенционного, тот самый мониторинг, попытка которого как раз и предпринята в меру метафизических прозрений на страницах сей актуальной воззренческо-ориентационной декларации.

17. Несколько алармический, как может показаться, характер представленных выше оценочных и рекомендательных суждений обязан не так показу и анализу текущей событийной реальности, в которой как раз не то что алармического, а сверх всякой меры тревожно кричащего повсюду хватает, как обнаружению формирующихся в глубинах реальности смысловых завязей и порождаемых ими скрытых судьбоносных интенций, которые мало того, что противоречат управленческой, присвоительной, творческой и вообще всей экзистенциальной зёмной обыденности, но несут в себе заряд таких невероятных, внезапных и по-своему «чудесных» перемен, о которых текущая и повсюду занятая собой обыденность не то что не подозревает, а даже и помыслить всерьез не может. Отсюда и нескрываемая

озабоченность метафизически обустроенного сознания относительно не слишком; может быть, пока заметного, но настойчиво накатывающего социо-экзистенциального неблагополучия.

18. Идти упорно против течения бытия-истории не то что трудно, а попросту бессмысленно, и хотя плыть по бытийно-историческому потоку куда как легче, зато в перспективе можно роковым образом просчитаться, — *вполне и навсегда!* Как тут быть? Тут важен практический, окормляемый метафизикой, софиасофией и той же философией хозяйства, *концептуализм*, позволяющий не только видеть видимое, а и зреть незримое, провидеть подспудное, прозревать неизвестное. Искусство тут управленческой навигации среди хаоса, неизвестности, тотального отовсюду сопротивления и разного рода там и сям вырастающих коварных засад!

19. И что же тогда для нас — актуальных россиян? А вот что: ориентир для России — *сама Россия*, разумеется — Россия как, пусть и полный сакральной тайны, концепт; навигатор — концепт правления, сориентированный на концепт России и на концепт ее глубинного народа; корректор — состояние, настроение и чаяния народные; сигнализатор — национально сориентированный гуманитарный топ-интеллект; реализатор — национальная, но при этом национализированная, действующая не ради себя, а ради России и ее населения, управленческая система. В наличии ли и действии ли все это в нынешней пореформенной России? Разве лишь частично и в весьма малой степени. Отчего уже и вопящая о себе потребность в срочном развороте российского бытия к *России как России* — под давлением, посредством и на путях *постреформенных* перемен, вполне себе и *ударных!*

20. «Россия — наш общий дом!» — вполне приемлемое утверждение, от которого идут и другие, вроде таких, как «Наши», «Свои», «Родные», а также «Социальность, Справедливость, Солидарность», ну и «Единство в Разнообразии» или «Многообразие в Единстве», как и, разумеется, — «Гражданственность, Государственность, ИмперIALность». Ежели свобода, то для всего, в ней нуждающегося, но свобода, укрощаемая общностью, общим интересом, общим делом, совместностью, общежитием, которые ведь тоже нуждаются в свободе, уже в своей. Приоритет общего начала над частным, однако не отрицающий вовсе частного начала, его вполне и полагающий, но при этом и умеривающий. В общем — *цветущая сложная целостность*: признаваемая, поддерживаемая, обороняемая, открытая для

внешнего мира, но с контролируемым входом и регулируемым выходом. Крепость!

21. Чуть ли не призрак тут тоталитарного социализма? Нет! Здесь всего лишь образ *России как России* — социальной, справедливой, солидарной! Утопия? Не совсем, ибо историческая Россия, даже и нынешняя — вновь становящаяся, поднимающаяся, образующаяся — вовсе не утопия, даже в тенетах ориентированного на Запад пореформенного режима, вынужденного при всей своей прогрессивной-де нероссийскости считаться с Россией, к ней приспособляться, даже весьма ловко с нею заигрывать. А всё почему? Да всего лишь потому, что метафизически, кармически, экзистенциально и стратегически Россия куда как реальнее пореформенного режима, в стране российской на время краткое самовольно и самодовольно угнездившегося. Недаром же когда-то прозвучало вдруг в критический момент от стен сакрального Кремля: «*Братья и сестры!*». Что же тогда предпочтительнее: вопиющее неравенство, несправедность, разделение, раздор, диссипация, энтропия, суицидная смерть или все-таки единение, самоутверждение, стойкость, уверенность, новая жизнь? Вот он — жуткий императив: «*Или Россия как Россия, или невзрачная на месте России гибель!*», — разве не так?!

Автор текста Ю.М. Осипов

Ю.М. ОСИПОВ

**Мир и Россия под ударными переменами:
настоящими и грядущими***

Аннотация. В мире и в России идут тектонические перемены, которые уже не назовешь просто эволюционными, ибо это перемены радикально революционные — ударные, делающие мир и Россию настолько другими, что впору говорить о трансгрессивном скачке во что-то совсем уже иное — неведомое и тревожное, постчеловеческое и постбытийное. Правда, шансы у человека остаться человеком, а у мира и России остаться миром и Россией все-таки есть, отчего понять кое-что нужно, ужаснуться, отпрянуть, найти дорогу, спастись! Удастся ли, — последние ведь вокруг времена?!

Ключевые слова: мир, Россия, человек, человечество, тектонические перемены, апокалиптика, кризис, телеология, эсхатология, иное.

Abstract. There are tectonic changes in the world and in Russia which are not just evolutionary but are radically revolutionary, shocking, making the world and Russia so much different that it is necessary to talk about a transgressive step into something quite different, unknown and disturbing, posthuman. However, a person have some chances to remain a person and the world and Russia still have their to remain a world and Russia and, therefore, we need to understand something, to be frightened, to break away, to find a way and to escape. Will it be possible in these last times?!

Keywords: world, Russia, person, humanity, tectonic changes, apocalyptic, crisis, teleology, eschatology, the other.

УДК 327, 330
ББК 65в, 66

Всем уже хорошо известно, что мир земный и Россия в его составе радикально ныне меняются, причем настолько скоро и сильно, что в пору говорить даже не о трансформации мира и России в нем,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Мир и Россия под ударными переменами: настоящими и грядущими // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 26—31.

а о сáмой что ни на есть трансгрессии — не просто об обновлении зéмного объекта, а о переходе его в нечто качественно иное: о превращении знакомого человеком мира через нашествие на сей мир не чего-нибудь, а... антимира в какой-то иной... э-э... пока что и не знаемый, то ли мир, то ли что-то попросту немировое, может, и в некий постмир, а той же знакомой России через нашествие на нее того же антимира и, разумеется, вкупе с ним антиРоссия, во что-то тоже совсем иное, пожалуй что, не просто уже построссийское, а и постмировое.

На бытийной поверхности идет крутая ломка сложившегося за послевоенное время и малость успевшего поторжествовать на вершине своего могущества глобализированного во главе с имперскими США и с империальным Западом в своем остоле мироустройства (от глобального мира к партикулярному с образованием ряда миров — субмиров — с соответствующими каждому из них имперского пошиба центрами), а по сути же идет, как минимум, рождение нового по форме и качеству планетарного мира и, как максимум, мучительное преобразование мира зéмного в мир, надо полагать, уже и неземный, если не случится его выпадение обратно в исходную бездну (пустоту).

Так или иначе, на планете имеют место вполне себе ударные — с той или иной степенью ударности — перемены, причем не просто перемены мира, эволюционно идущие от самого мира, а перемены, ниспадающие на мир от... э-э... какого-то ниоткуда.

Происходящее всего труднее и даже всего невозможнее понять хорошо образованному по-университетски научному уму, но зато гораздо легче осознать уму метафизическому, тоже немало образованному, но иначе, не по-университетски, а то и вопреки университетам, как раз тому уму, который не исключает великой и решающей роли в бытии человечества как зéмной неизвестности (относительной трансцендентности), так и внезéмной Великой Неизвестности (абсолютной трансцендентности).

Мир человеческий и вместе с ним Россия настолько ныне отделились, или отданы, интегральной неизвестности (зéмно-незéмной), что судьба их уже вовсе не в человеческих руках и людских головах, а, скажем помягче, метачеловеческих, как и металюдских, хотя уже и не в руках и не в головах, а попросту в ведении неведомых, но очень уж действенных, сил — неких неявных транссил.

Наряду с общепланетарным переустройством мира и участием в этом процессе России, неукротимо разворачивается кое-что другое и куда как более важное — нейро-кибер-генно-нано-цифро-технетронная с участием психо-это-троники переделка не просто жизнеотправления человечества, а и самого по себе человека, грозящая явлением на месте собственно человека некоего уже не наследного ему, а его просто замещающего, постчеловеческого существа.

Любое ныне просматриваемое будущее уже и не будущее как таковое, а некое постбудущее, тесно сопряженное не с чем-нибудь, а с... не-будущим (отсутствием будущего), и не только потому, что будущее, как обычно, неведомо, а и потому, что его как содержательно насыщенного и наследственно продолженного уже попросту может и не стать.

Жизнь человеческая, конечно, продолжается и, возможно, будет еще какое-то время продолжаться, но, во-первых, уже без надежного, пусть и весьма воображаемого, будущего, а во-вторых, в каком-то ином субстанциальном выражении, может, совсем и не в плотском, следственно, не в витальном, а в каком-то поствитальном, том же, к примеру, «лучистом» (по Э.К. Циолковскому).

Таков общий превращенческий фон, на котором и работают всюду ударные перемены, отрицающие не одно лишь текущее устройство мира, но и его субстанциальную смысло-сущностную начинку, причем вроде бы хомогенные перемены — от человека, но при этом явно уже и какие-то метагенные, чуть ли и неземные, идущие уже не от человека.

Перемены тут не только и не столько выражаются в изменениях самой реальности, сколько в инициационных ударах извне и сверху по этой самой реальности, в тем самых измененческих ударах, которые буквально выбивают из мира и человека — удар за ударом — всё мирочеловеческое, либо выделявая из мира и человека что-то никому ныне неведомое, экстремально новое, либо всего лишь эсхатологически замещая мир и человека в нем зияющей впереди пустотой.

И что же Россия со своим глубинным народом и неглубинным населением, включая и его — население — *топ*-сегмент, состоящий из разного рода пореформенных владельцев российской экзистенции?

Да, и в России ныне потрясающее любое воображение имущественно-экзистенциальное расслоение на разные России: от

сверхбогатой, вполне по духу и чуждой родной стране, *ино*-России, немало и *анти*-российской по бытийным ориентирам и образу жизни, так сказать — *евро*-России, до едва сводящей концы с концами, не имеющей никакой ясной экзистенциальной перспективы, *падо*-России, находящейся как бы в родной, но вовсе не отеческой, низовой резервации, а между этими двумя крайними Россиями лихорадочно благоденствует некая срединная Россия — *мезо*-Россия, в которой всего понамешано, но так или иначе удачливого, сытого, преуспевающего.

Однако число Россий в нынешней России не ограничивается указанными тремя, есть и еще одна приметная тройка Россий, заслуживающая быть особо выделенной.

Во-первых, есть Россия владетельная и властная, господствующая, как раз та самая, которая образовалась в ходе и по результатам революционных 1990-х гг., причем не так даже собственно Россия, ее органичная часть, как некое присутствующее в России, ею управляющее и ею алчно питающееся инородное тело, лишь вынужденно, неохотно и по-барски неуклюже с Россией считающееся.

Во-вторых, есть прямо противоположная Россия, коренная, она же и глубинная, низшая, подмятая под высшую, к тому же и во многом неумолимо уходящая, так сказать — возрастная, обманутая и обманувшаяся, униженная и оскорбленная, лишенная не то что богатства с уважением, но даже и приличествующего бескорыстным труженикам материального достатка и заслуженного морального удовлетворения. Это в основе своей недоуменно молчащая Россия, удрученная, тихая, хотя и мистически в своем неподвижном безмолвии грозная.

В-третьих, есть еще одна Россия — молодая, так сказать — *юве*-Россия, но тоже весьма отверженная, как раз та самая, что не находит ни своего ведущего места в разрешении российской экзистенции, ни своей доли в национальном богатстве родной страны, которая, может, и готова быть в России, работать в ней и ей служить, но которая вовсе не готова рабски или вассально служить непонятно откуда взявшимся лукавым хозяевам России, ее фактическим захватчикам, — и хотя сия Россия в целом помалкивает — до поры, но это Россия, безусловно, протестная. Интересно, что эта Россия, народившаяся уже при реформно-пореформенном режиме российского бытия, его — этого бытия — атрибутивное сыно-дочернее достояние, в среде которого вовсе не слабаки и какие-то неудачники, не

маргиналы и не бедняки, и уж, тем более, не одряхлевшие «совки», а вполне себе по-современному подготовленные и по-новому мыслящие молодые люди — со своими потребностями, претензиями и требованиями — и вовсе не только в аспекте занятости, жилья и материального благополучия, а в плане иной жизни, иных к ней экзистенциальных подходов, иных перспектив, иного будущего, всего того, что никак, судя по всему, не предположено возникшим и будто бы даже укрепляющимся в России пореформенным мироустройством.

Зато уж какой России в современной России нет, так это России общежитейского гражданского единения, социально-экзистенциальной гармонии, даже и реального, устраивающего население страны, цивилизационного порядка, не говоря уж об исчезающих теньях справедливости, взаимности, того же товарищества.

Если выдавить из себя символическую экзистенциальную триаду для российской современности, то получится что-то вроде этого: «Произвол, хаос, страх!».

Нам, конечно, тут же возразят, что, мол, хотя это всё и есть, но никак не доминирует, на что мы в свою очередь ответим: «Спросите у людей любого социально-экзистенциального поколения, сословия, региона, города, деревни, даже и самых успешных, удачливых, довольных и чуть ли не натужно счастливых, и получите вполне трафаретный утвердительный ответ, ибо почвы твердой ни у кого в стране нет, опоры надежной нет, доверия ни к чему и ни к кому нет, уверенности ни в настоящем, ни в будущем, ни даже в прошлом нет, ну и веры в Россию нынешнюю почти уже нет, исключая, конечно, веру глубинного народа в свою глубинную, почти что уже и мифическую, Россию».

Хлебы, пусть и не для всех в потребной мере, в стране есть, зрелища всякие есть, пустышек разных прельстительных хватает, но... правды нет, правды, а на непрерывной, чуть ли уже не сакрализованной лжи ведь ничего здорового, крепкого и долговечного не построить.

Так что радикальный разворот России к России и ее народу действительно потребен — всесторонний и круговой, тот самый ударный разворот, который только и способен вывести страну хоть и не к абсолютному, но все-таки к единению, равным образом, пусть и не к солнечному, но все-таки животворящему будущему — общему для всех без исключения насельников России.

Пойдет ли на такой разворот нынешняя пореформенная власть? Вряд ли! Так что впереди, видно, не так даже застой, а некое закамouflированное под передовое развитие экзистенциальное прозябание, хотя всякое контрпродуктивное промедление, как известно, смерти подобно, надеемся, смерти все-таки не самой по себе России — как раз глубинной!

Действовать надо, действовать — в ударном *пост*-реформенном ключе! Иного России сегодня не дано! Причем не выдумывая ничего для России умозрительного, тем более, беря бездумно что-нибудь этакое из чужеземного, вроде той же наукометрии, а вдумываясь в Россию, ища в ней самой ориентиры ее движения вперед, не пренебрегая ни научно-техническим прогрессом, ни той же электронной цифровизацией, но следуя при этом самой что ни на есть законной для России экзистенциальной триаде: «Россия, человек, народ!».

Слабó, конечно, слабó свершить такое для убежденных в своей прельстительной правоте глобалических по духу и лишь вынужденно по виду национальных реформистов, но бытие-история имеет свои предпочтения, не говоря уже о предпочтениях мира иного, — так лучше учесть сии таинственные предпочтения и им, по возможности, следовать, чем пренебрегать ими и им безрассудно и самоубийственно сопротивляться, не так ли?

О-о, ударный разворот — как ты ныне потребен и как ты сегодня невозможен!

До поры, разумеется!

Ю.М. ОСИПОВ

В ожидании разворота*

Аннотация. Разворот, о котором речь, есть разворот России к России, или россиезация России, что можно проделать через переход от пореформенного образа страны к постреформенному.

Ключевые слова: Россия, разворот, реформа, постреформа, социология, политология, историософия, философия хозяйства.

Abstract. The reversal is reversal of Russia to Russia or россиезация of Russia which can be done with the transition from a reform country's state to a postreform one.

Keywords: Russia, reversal, reform, postreform, sociology, political science, historiosophy, philosophy of economy.

УДК 327, 330

ББК 65в, 66

Россия в ожидании разворота, а коли так, то какого же разворота, к чему?

Если все-таки разворота, то, конечно, в виде радикально-программного деяния, способного отвернуть страну от если уж и не пагубного, то крайне (достаточно) все-таки опасного для нее движения в, мягко выражаясь, неверном направлении, а вследствие масштабности, если не гигантскости, задачи, то разворота с немалым выворотом — как раз всего того, что не просто вековечно держит Россию как страну-континент (и сегодня, надо заметить, тоже), а что делает Россию Россией — не Западом, не Востоком и даже не Евразией, а именно Россией, что только и может обеспечить России именно российское, а не какое-нибудь еще — настороженно сомнительное — будущее.

На первый и не слишком умный взгляд, такой разворот России к России носит лишь археокультурный, по преимуществу публично-фольклористический характер, что, собственно, на практике и допускается, да и то лишь частично, нынешним страновым правлением, ориентированным в целом куда угодно, но только не на Россию как

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. В ожидании разворота // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 32—35.

Россию, а ведь по сути сей разворот означает кое-что совсем другое, ибо речь тут идет о самом бытии страны, его способе, характере и образе, а потому и о существенном, по-своему и экстраординарном, бытийно-историческом деянии-событии, примечательном вовсе не старательно навязыванием России чего-то извне заимствуемого или же впопыхах и на легкие деньги придумываемого, а всего лишь допущением... *России в России*, выведением (как раз с выворотом) глубинной России из нави в явь, в общем — *россиезацией России*.

То и другое уже бывало в бытии-истории России: и навязывание ей не-России (не-Руси), и возвраты к России (Руси), причем первое сопровождалось обычно кризисами, потерями и катастрофами, второе, наоборот — стабилизацией, упорядочиванием, развитием, могуществом.

Последние исторические примеры того и другого: первого — большевистская революция, вдохновленная европейским лукавым замыслом и вполне себе поначалу антироссийская, и так называемая «рыночная реформа» 1990-х, тоже вдохновленная оттуда же — с Запада; второго — разворот к России того же большевизма, убедившегося в пагубности своих архиреволюционных деяний не только для страны, но и для самого себя, сначала военный и нэповский разворот, а потом и державный сталинский (пусть тогда был и не полный разворот к России, но он все-таки был!).

Сегодня, то бишь уже в XXI в., мы имеем вновь после разрушительно-присвоительной революции 1990-х гг. некий разворот... не так, правда, к собственно России, как попросту к российской стране, однако разворот сей, увы, не так собственно разворот, как некое его недоворотное и кривоватое подобие, оставляющее-таки страну в тенетах глобализма и во многом вне коренной России.

Такое положение, надо полагать, весьма устраивает нынешнее верховное правление вкупе с владетельными элитами, не слишком ориентированными не то что на глубинную Россию, но даже и на как таковую страну (а не всего лишь доходное пространство). Сия властно-управленческая позиция недальновидна и шатка, мало того, она реально угрожает и самому нынешнему устройству России, и ее правлению, ибо не только находится в опасном отрыве от страновой реальности, но и вынуждает эту реальность ко вполне оправданному противодействию.

Что же это за Россия такая, к которой необходимо ныне решительно развернуться властям, собственности и управления предрежащим (если захотят и смогут, конечно)?

Нет, не надо тут ничего ни научно, ни экспертно, ни даже философски формулировать: Россию ведь умом не понять, а вот сердцем почуять вполне можно, а потому надо всего лишь обернуться к России и стать к ней лицом к лицу, признать ее, ну и потрудиться основательно в ее пользу, в интересах ее народа, ради ее полноценной жизни, а не в угоду лишь всего и вся ныне в России предрежащим, ориентированным более всего, повторим еще раз, не на Россию, а на благословенный для них Запад.

Не так Россию умом постигать надо, как действовать в России с умом, причем с умом *своим*, а не колониально и чуть ли не подобострастно заимствованным.

Ориентиры бы сменить надо срочно, пока сами ориентиры, насладившись сверх краёв нынешней кризисно-тупиковой реальностью, не сменили бы самих ориентаторов.

Разворот к России, о котором речь, предполагает, конечно, движение не к какой-либо уже бывшей России, а ко вполне новой России — России XXI в., что означает не что иное, как развертывание в стране с учетом и на основе хорошо осознаваемых традиций особенно потребных для нынешней России содержательных вещей вроде развитой, не подлежащей сомнению, государственности, внутренней устроительной имперIALности, органического народовластия, общенародного гражданского служения, ненапускного массового патриотизма, людского братства, поведенческой праведности, распределительно-присвоенческой меры управленческой справедливости, взаимообусловленной многоэтничности и взаимоприемлемой многоконфессиональности, а главное — поддержание выработанной веками способности, с одной стороны, к взаимному и эффективному общежитию всех и вся на единой безграничной территории, а с другой — к общенародной защите сего общежития вкупе с безграничной территорией от любых внешних посягательств, а потому и созидания в стране в ходе свободного, но направляемого из волевого созидательного центра, жизнеотправления нового для России бытия, обусловленного, конечно, и фундаментальными императивами XXI в., восходящими к новому технологизму и обновляющемуся гуманизму — бытия целостного, трудового, производительного, высококультурного, творческого, безопасного и самоохранительного.

Хорошо сказать, да вот, как и кому это сделать?

Тут важно осознать всем страной российской предрержащим, что без новой России, обращенной к России как России, никакого не то что достойного, а вообще какого-нибудь приемлемого будущего у страны нет и не будет: нынешнее настоящее России очень уж упорно и мощно работает против ее собственного по образу и качеству будущего, очень!

Потребна радикальная смена управленческого курса как со сменой стратегического подхода к судьбе России, так и сменой самих топ-управленцев, — и никак не косметическая смена, она же и подмена, чем увлекается нынешнее верховное правление, а вполне себе органическая смена, ясно обозначенная и публично обоснованная — хотя бы через созыв и работу какого-нибудь Чрезвычайного Собрания Народных Представителей. Откровенный и вполне деловой разговор в масштабе нации давно уже назрел: ситуация в стране, при всей вроде бы стабильности и даже житейской привлекательности, настолько внутри себя аномальна и на деле крива, что выправить ее и нормализовать можно только через совместные усилия власти и нации, на что, заметим, нынешняя власть вряд ли просто так пойдет, хотя в перспективе оттого и неизбежно проиграет, но нам ничего другого не остается на данный исторический момент, как говорить об этом и говорить, это утверждать и к этому призывать, а... вдруг! Чудеса ведь бывают, да и ситуация в стране все более тупиково-кризисно обостряется и в неразрешении своем напряженно сжимается, ожидая внезапного разряджения, которого лучше все-таки не допустить, чем стать свидетелями этого внезапного ситуационного взрыва: подобное ведь не раз уже бывало и всегда приносило немало проблем, тягот и бед, как бы назло предшествовавших чьим-то затем напряжным, затратным, жертвенным и вовсе не всегда и не во всем позитивным победам.

Да, ныне явный ситуационный тупик — что правда, то правда! — но и из безнадежных тупиков находятся иной раз выходы, были бы желание и действие — большое, ответственное, ну и рискованное тоже!

Явятся ли сверху столь потребные российской державе перестроические деяния или нет — дело реальной истории, но также и людских на то устремлений: большой уверенности в позитиве тут, честно говоря, нет, но куда по жизни вообще без всякой на позитив надежды?!

Так что увидится!

В.М. КУЛЬКОВ

**Социально-экономические перемены:
поводы и ориентиры***

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении поводов для перемен в современной России, которые должны воплотиться, в конечном счете, в формировании новой экономической системы. Показываются опасность консервирования сложившейся в стране псевдосистемы и необходимость смены акцентов в экономической политике. Внимание привлекается также к необходимости изменений в экономическом образовании и в научной сфере, которые были бы адекватны имеющимся вызовам.

Ключевые слова: экономическая система России, псевдосистема, социально-экономические перемены, социальная и духовная ориентация, экономическая политика.

Abstract. The purpose of the study is to identify the occasions for the changes in modern Russia, which should be embodied, ultimately, in the formation of a new economic system. The danger of preserving the country's false system and the need for a change of emphasis in economic policy are shown. Attention is also drawn to the need for changes in economic education and in the scientific field that would be adequate to the existing challenges.

Keywords: Russian economic system, false system, socio-economic changes, social and spiritual orientation, economic policy.

УДК 330.34
ББК 65.013

Современная Россия нуждается в экономических переменах. Поводов к таким переменам в стране накопилось немало.

Первый и самый безобидный из них, постоянно провозглашаемый и тем не менее так и не способный до сих пор реализоваться — необходимость преодоления вялотекущей динамики, низких темпов экономического роста, которые ограничивают решение социально-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кульков В.И. Социально-экономические перемены: поводы и ориентиры // *Философия хозяйства*. 2020. № 1. С. 36—43.

экономических задач, приводят к нарастанию отставания от развитых стран. *Второй* — нерешенность задач структурной перестройки, технологического обновления, а в более широком и глубоком смысле — осуществления модернизации российской экономики, ее реального развития, способного предотвратить сползание страны на мировую обочину. *Третий* повод — социальный, связанный с неспособностью обеспечить даже простое поддержание благосостояния населения (при почти 5-летнем непрерывном снижении реальных доходов), а также социальную справедливость на фоне сохранения резких социальных контрастов, что разрывает общественные связи и в опасной степени подрывает социальную консолидацию общества, снижает доверие к власти. *Четвертый* повод — слабая выраженность масштабной и внятной идеологии развития, системного видения перспектив России, ясных и мобилизующих целеполаганий экономического, социального, духовно-цивилизационного, геополитического характера в их единстве: сформированные национальные проекты, при всей их важности и долгожданности, слишком сегментированы для этого и должны облекаться в форму более объемной, системной и концептуально выраженной стратегии (стратегического плана), свидетельствующей о качественно новом подходе к развитию страны. *Пятый* повод — современные мировые вызовы, проявляющиеся в деглобализации, кризисе мирохозяйственных отношений, нарастании геополитической напряженности, а также в новых технологических трендах (прежде всего, в цифровизации экономических процессов). Тем более с учетом того, какому давлению и санкциям подвергается Россия, обреченная, судя по всему, на долгое геополитическое одиночество.

Все названные поводы сошлись для России почти в одно время (как это бывает в условиях так называемого «идеального шторма») и требуют безотлагательной и комплексной реакции. В случае отсутствия таковой могут начать свое действие пока потенциально скрытые признаки системного кризиса. Непосредственной причиной («спусковым крючком») его реального появления может стать какой-либо сильный шок (геополитический, техногенный, обвал мировых энергорынков и т. п.), который воочию обнажит имеющиеся внутренние проблемы экономики и страны в целом.

Такое уже случалось в период кризиса 2008—2009 гг., когда резкое падение цен на углеводородное сырье вкупе с глобальными финансовыми потрясениями и замедлением мировой экономики

привело к негативным процессам в российской экономике, обнажив ее внутренние неустройства (структурные диспропорции, низкое качество роста, несовершенство институтов, деформации экономической среды, слабость экономической политики и др.), которые были завуалированы до поры в условиях благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры и, как следствие, масштабного потока нефтедолларов в страну, высоких темпов количественного экономического роста в «тучные» нулевые годы. Тот кризис носил преимущественно национальный характер, внешние же негативные факторы (о которых, как ни странно, говорили гораздо больше) сыграли, скорее, лишь роль «спускового крючка».

Несмотря на исторически изменившиеся обстоятельства, такая картина развития событий может повториться, приведя к серьезным негативным последствиям — причем не только узкоэкономического, но и государствообразующего характера. В таких условиях нельзя просто «плыть по течению», довольствуясь тем, что есть, и по-прежнему делая акцент на обеспечение финансовой стабильности в экономике, лишь корректируя политику — с откровенного курса на финансовый статус-кво на политику «оживления роста». Последняя находит свое отражение в финансировании национальных проектов, в периодическом снижении ключевой ставки процента, в возможном смягчении бюджетного правила и расширении разблокировки фонда национального благосостояния и т. п. Но при всей значимости указанных изменений экономической политики принципиальная суть подхода во многом остается прежней и недостаточно нацелена на осуществление масштабного и качественного прорыва, в котором сейчас нуждается российская экономика.

Новая экономическая политика должна опираться на более глубокие целеполагания, облекаться в более системную форму, сопровождаться комплексным стратегическим планированием. По большому счету, она должна базироваться на новой экономической системе, предполагающей качественные изменения в способах социально-экономического присвоения и хозяйственной координации, в характере воспроизводственных связей и институтов, в повышении степени самодостаточности национальной экономики. Другими словами, необходим переход к такой системе, которая бы, вбирая в себя прогрессивные тренды мирового развития и адаптируя их к условиям страны, соответствовала бы всей совокупности национальных условий, приоритетов и интересов. Иначе говоря, она должна быть

национально ориентированной, знаменующей собой «разворот от не-России к России» [5, 11]. Было бы большим упрощением свести такую перемену к переходу только к новой модели экономики и тем более к новой модели роста: при всем их значении здесь не обойтись без изменений, затрагивающих глубинные системные характеристики. Ей должна соответствовать и адекватная материально-техническая база, прошедшая глубокую модернизацию и способная обеспечить суверенное национальное развитие. Новая система должна отличаться и своей социальной ориентацией, способной вывести на более высокую степень консолидации российского общества.

Важно при этом оптимизировать сочетание технологической и структурной модернизации с социальными задачами. Интересна в этой связи модификация этого сочетания, проходящая сейчас в соседнем Казахстане, когда в последних выступлениях нового президента страны стали меньше, чем это было раньше, фигурировать материально-техническая тематика, акценты на прорывные проекты и т. п., а стало больше внимания уделяться таким «приземленным» социальным целям, как экономика простых вещей, рост доходов, комфортная среда проживания и другие «социальные перемены на благо людей» [1], более понятные для простого человека. Основания для такой коррекции акцентов, видимо, есть и в России, но только не надо забывать и геополитические реалии России, и другой статус, и амбиции страны, объективно обусловленные. И делать на это поправку.

Сама по себе коррекция экономической политики не сможет привести к эффективным результатам, если не будет опираться на обновление самой экономической системы страны. Сложившаяся в России экономическая «система» не способна стать основой прорыва и действенной политики: она неизбежно нивелирует все благие намерения и стратегии. При этом, несмотря на некоторые внешние системные признаки, она, скорее, является *псевдосистемой*, поскольку опутана деформациями как системными свойствами, не содержит в себе прогрессивную конструктивную ориентацию и слабо реализует национальные потребности, показывая свой хронически неконкурентоспособный характер. Между тем в стране имеется немало слоев и субъектов (в экономико-политической сфере, в сфере бизнеса, в медийно-культурной сфере и др.), которых устраивает сложившееся состояние дел и которые не готовы рисковать своим положением ради высоких целей. В связи с этим важно проявление политической воли

со стороны властных структур по осуществлению назревших изменений.

Тормозящим фактором указанных изменений является боязнь расстаться с либерально-финансовым вектором, худо-бедно обеспечивающим экономическую стабильность, боязнь сойти с проторенной финансовой колеи. При этом, насколько можно судить, опасаются и рисков альтернативного вектора, который может нарушить отмеченную стабильность и породить неуправляемые процессы, ввести экономическую и социальную жизнь в «штопор» из-за не вполне, как кому-то кажется, обоснованного и верифицируемого наполнения данного вектора. В итоге возникает своего рода идейный ступор: нежелание расстаться с апробированным (пусть и не идеальным) вариантом и боязнь выбрать другой, альтернативный. Сказывается и качество нашей так называемой элиты, значимая часть которой ставит личные и клановые интересы выше общенациональных, умиляется текущим благополучием; она вряд ли способна достойно и национально ответственно ответить на современные внутренние и внешние проблемы и вызовы. Новую национальную элиту надо готовить, а для этого надо перестраивать в том числе и систему образования, и систему научно-аналитической работы.

Что касается последней, то следует обратить внимание на то, что в КНР поставлена задача открыть к 2020 г. до 100 национальных аналитических центров, усилия которых будут направлены на продолжение поиска китайского национального пути развития и обогащение его теоретической базы, имея в виду и усилия по адаптации иностранных учений к специфическим условиям Китая [2]. Это идет в рамках формирования «мягкой силы» национальной системы управления Китая. Важно и для современной России поддерживать такого рода центры, которые бы предметно занимались обоснованием национальной экономической и общественной системы страны, формировали бы общенациональную идеологию развития России, исповедовали бы национально ориентированный подход. О смысле, содержании и значении данного подхода автору уже приходилось высказываться в печати [3]. Указанный подход, наряду с другими составляющими (прежде всего, за счет привлечения неортодоксальных научных школ, включая и философию хозяйства), мог бы сыграть свою позитивную роль в формировании нового научного синтеза, который стал бы адекватной теоретической базой новой экономической системы России, а на ее основе — и новой экономической

политики. Важно, что оригинальные попытки такого синтезирования предпринимаются в российской научной среде [6]: они заслуживают поддержки и продолжения.

Если говорить об экономическом образовании, то главным здесь должна быть подготовка национально компетентных и национально ответственных экономистов. Мы должны нацеливаться на подготовку не либерал-экономистов (как во многом сегодня) и не социал-экономистов (как когда-то), а национально ориентированных экономистов, т. е. таких специалистов по экономике, кто приобрел современные экономические знания, является конкурентоспособным профессионалом, но при этом имеет широкий междисциплинарный взгляд, дорожит традициями российского общества, готов и умеет отстаивать национальные интересы страны. Именно такие экономисты могли бы пополнить здоровую часть национальной элиты, способную принимать участие в разработке концепции национального развития России.

Возвращаясь к параметрам новой системы, следует сделать акцент и на ее духовно-цивилизационные ориентиры, опирающиеся на традиционные российские ценности, которые в современных, более жестких условиях должны быть позиционированы более свежо, активно и инициативно, чем это делалось прежде, умело вписываться в новый контекст. В современном мире существует сильный запрос на здоровую систему ценностей, и наша отечественная система ценностей могла бы стать одним из заметных очагов такого притяжения. Это особенно проявляется в условиях набирающей силу цифровой трансформации экономики и общества, которая одновременно порождает как надежды, так и иллюзии, опасности, на которые автор уже обращал внимание [4]. В координатах цифровизации и других современных технологических трендов все более четко просматриваются различия между двумя моделями мирового развития: технологической и социально-духовной или, по выражению Ю.М. Осипова, между «хай-техносом» и «идейно-духовным хомосом» [5, 17]. Россия по своим историческим и социокультурным основаниям всегда тяготела к духовно ориентированному варианту. Эта тяга может объединить многие общественные слои и силы — причем разных стран, ориентированные на социализацию и здоровые ценности. Но, прежде всего, следует полноценно утвердить такую модель в самой России.

Страна нуждается в экономических переменах. Эти перемены должны быть глубокими и системными. Они должны сочетать в себе как собственно экономические, так и неэкономические стороны в их взаимосвязи. Они должны отражать не узкие интересы крупного бизнеса или политических кланов, а подлинные национальные интересы страны.

Литература

1. *Ертысбаев Е.* «Созидательные перемены на благо людей»: как Токаев меняет Казахстан: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.informburo.kz/mneniya/ermuhamet-ertysbaev/>.
2. *Комиссина И.* Китай взял курс на создание «мозговых центров» со своей спецификой: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.riss.ru/analytics/>.
3. *Кульков В.М.* Пространство и содержание национально ориентированного подхода в экономической теории // Российский экономический журнал. 2013. № 2. С. 70—97.
4. *Кульков В.М.* Цифровая экономика: надежды и иллюзии // Философия хозяйства. 2017. № 5. С. 145—156.
5. *Осинов Ю.М.* Российский разворот: от не-России к России и от цифромании к человеку // Философия хозяйства. 2019. № 6. С. 11—21.
6. *Рязанов В.Т.* Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетея, 2019. 436 с.

References

1. *Ertysbaev E.* «Sozidatel'nye peremeny na blago lyudei»: kak Tokaev menyaet Kazakhstan: [Elektronnyj Resurs]. URL: <https://www.informburo.kz/mneniya/ermuhamet-ertysbaev/>.
2. *Komissina I.* Kitai vzyal kurs na sozdanie «mozgovykh tsentrov» so svoei spetsifikoi: [Elektronnyj Resurs]. URL: <http://www.riss.ru/analytics/>.
3. *Kul'kov V.M.* Prostranstvo i sodержanie natsional'no orientirovannogo podkhoda v ekonomicheskoi teorii // Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal. 2013. № 2. S. 70—97.
4. *Kul'kov V.M.* Tsifrovaya ekonomika: nadezhdy i illyuzii // Filosofiya khozyaistva. 2017. № 5. S. 145—156.

5. Osipov Yu.M. Rossiiskii razvorot: ot ne-Rossii k Rossii i ot tsifromanii k cheloveku // *Filosofiya khozyaistva*. 2019. № 6. S. 11—21.

6. Ryazanov V.T. *Sovremennaya politicheskaya ekonomiya: perspektivy neomarksistskogo sinteza*. SPb.: Aleteiya, 2019. 436 s.

А.В. КУЗНЕЦОВ

Россия и англосаксонский мир: проблемы конфронтации*

Аннотация. Рассматриваются непопуляризируемые основы англосаксонской модели капитализма: 1) перераспределение сверхдоходов через систему налогообложения; 2) монопольная организация промышленности; 3) незыблемость авторитета государства; 4) субсидиарный принцип финансирования регионов; 5) централизация управления глобальными финансовыми потоками. Раскрывается противоестественная сущность англобализации как процесса выхлачивания социальных и духовных основ развития человечества. Показываются сложности, возникающие в связи с идентификацией участия человека в процессах создания ценности в современных условиях. Обсуждаются фактически нанесенный ущерб и потенциальные потери от встраивания России в матрицу ценностей англосаксонского глобализма. Принцип ноосферного хозяйства противопоставляется принципам капиталоцентричной финансомики. Обоснована необходимость создания новой социально-экономической теории восхождения от человека глобального к человеку духовному.

Ключевые слова: англосаксонская модель капитализма, англобализация, интернет, социальная инженерия, финансомика, Россия, ноосфера, переход от человека глобального к человеку духовному.

Abstract. The article considers the not popularized foundations of the Anglo-Saxon model of capitalism: 1) the redistribution of excess profits through the tax system; 2) monopolistic organization of industry; 3) the

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кузнецов А.В. Россия и англосаксонский мир: проблемы конфронтации // *Философия хозяйства*. 2020. № 1. С. 43—52.

inviolability of the authority of the state; 4) the subsidiary principle of regional financing; 5) centralized management of global financial flows. The unnatural essence of anglobalization as a process of emasculating the social and spiritual foundations of the development of mankind was revealed. The difficulties arising in connection with the identification of human participation in the creation of value in modern conditions were shown. The actual damage and potential losses from embedding Russia in the matrix of values of Anglo-Saxon globalism were discussed. The principle of noosphere neo-economics is brought in contrast with the principles of capital-centric finansomica. The necessity of creating a new socio-economic theory of transition from the global man-made man to spiritual man was substantiated.

Keywords: Anglo-Saxon model of capitalism, Anglobalization, the Internet, social engineering, finansomica, Russia, noosphere, the transition from global man-made man to spiritual man.

УДК 330
ББК 65в

После разрушения советского строя Россия была встроена в англосаксонскую модель капитализма без адекватного понимания, принятия и применения ключевых механизмов управления этой моделью. О каких механизмах идет речь?

Во-первых, это *перераспределение доходов через систему налогообложения*. Если вспомнить, как Великобритания начинала восстановление своей экономики после Второй мировой войны (когда эта страна по масштабу экономических разрушений был сопоставима с современной Россией), то это было развитие, основанное на высоких налоговых ставках. Например, в Великобритании налоговые ставки на доходы наиболее состоятельных индивидов составляли свыше 90%. И сегодня британское правительство изымает в пользу государства 45% с доходов физических лиц, превышающих 150 тыс. ф. ст. в год (12 млн р.), в то время как доходы ниже 12,5 тыс. ф. ст. (1 млн р.) вовсе не облагаются налогом.

Во-вторых, вся англосаксонская экономика, начиная с елизаветинских времен, построена на принципе промышленных монополий, обеспечивающих контроль над воспроизводственными процессами. На современном этапе *монопольный принцип организации британской промышленности* подтверждается существованием

огромного количества правительственных и неправительственных регуляторов, контролирующих производство. К примеру, сегодня в Великобритании действует 25 правительственных департаментов, 20 неправительственных департаментов и 3 автономные администрации, связанные с Северной Ирландией, Шотландией и Уэльсом. Их работу сопровождают 391 агентство и общественных органов, 79 высокопрофессиональных групп и 12 государственных корпораций. В одном только финансовом секторе действует 41 регулятор. Кроме того, из правительственного списка исключены регулирующие органы, не обладающие публичным статусом, такие как Группа по слияниям и поглощениям и бухгалтерские торговые ассоциации. Что касается последних, то по состоянию на 31 декабря 2017 г. в шести основных аудиторских регуляторах, действующих в Великобритании и Республике Ирландия, числилось 360 124 профессиональных бухгалтеров, что составляет почти 12% от их общемирового количества, несмотря на то, что на экономику Великобритании и Республики Ирландия приходится около 3—3,5% мирового ВВП. Это самое большое число профессиональных квалифицированных бухгалтеров на душу населения в мире — больше, чем в остальных странах ЕС вместе взятых [12, 11—14].

В-третьих, это *негласный запрет на подрыв авторитета государства* (монархии). Можно критиковать правящую партию, премьер-министра, но подвергать критике само государство — значит преступить невидимую запретную черту. Например, в крупнейших сетевых книжных магазинах Лондона практически нет переводной литературы, кроме избранных произведений классиков, которые в большинстве своем дают положительную оценку британской политической системе либо критикуют устройство других стран и цивилизаций. Переводная литература присутствует в университетских библиотеках, но ее практически невозможно найти в публичных местах. Таким образом поддерживается имидж страны как неоспоримого мирового лидера в создании эталонных знаний и систем ценностей, а также в их глобальном продвижении.

В-четвертых, это *субсидиарный принцип финансирования регионов*. В англосаксонской модели нет такого понятия, как разделение доходов на душу населения по административному делению. Например, в США, которые первыми заимствовали англосаксонскую модель от своей бывшей метрополии, 40 из 50 американских штатов являются дотационными, т. е. размер фактических выплат из

федерального бюджета в этих штатах превышает размер их налоговых платежей. Основную финансовую нагрузку несут штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси и Массачусетс, которые, например, в 2017 г. выплачивали в виде налогов в федеральный бюджет на 73 млрд дол. — больше, чем из него получили [11, 13]. Такая система позволяет поддерживать во всех американских штатах приблизительно одинаковый доход на душу населения. Великобритания и вовсе является наиболее централизованным в мире государством, где центральным правительством взимается около 95% от общей суммы налоговых поступлений. В Соединенном Королевстве расходы на душу населения в регионах (графствах) в среднем на 20% ниже, чем в Лондоне — одном из самых богатых городов планеты.

Необходимо напомнить, что СССР был великой державой до тех пор, пока распределял существенную долю доходов центра — РСФСР — в пользу союзных республик. В 1989 г. размер косвенных дотаций на душу населения, распределяемых из центра союзным республикам, составлял: Литовская ССР — 997 р., Эстония — 812, Молдавия — 612, Латвия — 485, Армения — 415, Казахстан — 399, Грузия — 354, Киргизия — 246, Таджикистан — 220, Белоруссия — 201, Узбекистан — 128 р.. В Армянской ССР, Эстонии, Грузии потребление на душу населения превышало уровень РСФСР от 2,5 до 3,5 раз [10, 3]. Не исключено, что именно эти дотации и являлись той ценой, которую приходилось платить за сохранение советской «империи» и статус второй державы мира.

По данным Банка России, финансовые ресурсы, выведенные из России после распада СССР за рубеж, уже превысили триллион долларов США, что значительно превышает размеры субсидий, направляемых в советские республики. При этом очевидных успехов России в глобальной экономике, сопоставимых с советским периодом, не наблюдается. Россия давно не является второй державой мира и вынуждена довольствоваться неопределенной перспективой вхождения в пятерку крупнейших экономик мира (и то не в рыночных ценах, а лишь по паритету покупательной способности).

В-пятых, это *централизация управления глобальными финансовыми потоками*. Великобритания вместе с США создали институциональный каркас мировой финансовой системы, включающий центр-периферийную модель мирового рынка капиталов, систему международного резервирования, контрциклическую политику поддержки системообразующих финансовых институтов, офшорные

финансовые центры, рынки евровалют, международные стандарты финансовой отчетности и прочее. Устанавливая «правила игры» посредством неформальных институтов, Соединенное Королевство вместе с США контролирует приблизительно две трети операций, совершаемых в различных сегментах мирового финансового рынка. Таким образом контроль над глобальными финансами представляется некой формой финансового неоимпериализма, посредством которого в пользу англосаксонского мир-системного ядра происходит перераспределение прибылей, создаваемых в глобальных цепочках добавленной стоимости другими странами [2].

Асоциальная сущность англобализации

Сегодня большинство стран мира в той или иной степени на подчиненных началах вовлечены в глобальное воспроизводство англосаксонской модели капитализма. Таким образом, англобализация — это процесс встраивания человечества в унифицированную матрицу универсальных норм и стандартов поведения с целью установления тотального контроля над мировым сообществом в интересах англосаксонской капиталократии (англосаксонского мир-системного ядра) [3].

На уровне «суверенных» государств англосаксонские нормы и стандарты распространяются на все сферы социального взаимодействия, например, в политике продвигается модель представительного правления, в экономике — рыночного фундаментализма, в юриспруденции — независимого судопроизводства, в информационной сфере — сетевого пространства интернета, в быту — массового потребления, в производстве — корпоративной культуры, в науке и образовании — космополитизма и т. д. Все эти модели являются продуктом англосаксонской социальной инженерии.

При помощи Голливуда, интернета и СМИ англосаксы создали информационную завесу, препятствующую пониманию рукотворных истоков англобализации. В искусственно созданном интернет-пространстве в сознании глобального индивида агрессивно насаждается представление, что современный мир в силу *объективных* причин балансирует на грани распада и разложения. Механизмом создания информационного хаоса в мире выступает глобокапитализм — проводник жажды наживы, которая представляется единственным путем спасения от возрастающей психотропной пандемии и социальной энтропии, овладевших человечеством.

В рамках англобализации формируется вертикально интегрированная, жесткая, иерархическая структура построения общества на основе тотального неравенства и национальной дискриминации в форме англосаксонского неошовинизма с двумя титульными нациями — американцами и англичанами и всеми остальными, не имеющими права на изучение собственной истории и развитие национальной культуры, языка, традиций и прочего.

Система ценностей англобализации основывается исключительно на материальном успехе, который выражается размером доходов, величиной финансовых активов, владением недвижимостью, принадлежностью к родовым кланам и т. д.

Не в последнюю очередь доходы, активы, недвижимость — возбудители алчности. Алчность — синоним человеческого отчуждения, расчеловечивания. На самом деле не велика разница между стеклянной бижутерией, на которую индейцы обменяли свои богатейшие земли, и гаджетами, на которые современный человек обменивает свое право на жизнь, свободу и развитие.

Независимо от того, беспокоится ли некий субъект о повышении своего рейтинга в списке миллиардеров «Forbes» или об увеличении быстродействия своего гаджета — все это культивация подложных ценностей, форма трансформации человека-творца (человека-слова) в человека-программу (человека-цифру).

Англобализация сужает жизненное реальное пространство человека до виртуального пространства интернета. Уход в виртуальное пространство интернета отключает разум, диктует жизнь по шаблонам написанных программ, исключая творчество. Даже игра в шахматы с компьютером — следование программе с заранее прописанным результатом.

Сегодня искусственно создаваемые условия вынуждают людей в массовом порядке переезжать в крупные города, а в будущем человеку вполне может грозить полное заточение на выделенной индивидуальной виртуальной «жилплощади» интернета. При этом выход в реальную жизнь в пределах городской «сафари-среды» может быть сопряжен с существенными рисками для жизни (поскольку в англосаксонской модели абсолютизированной власти, основанной на материальном успехе, обычный малоимущий человек не обладает никакими правами и свободами, а цена его жизни стремится к нулю).

Таким образом, англобализация — это синтез дарвинизма и мальтузианства в прогрессирующей форме — цивилизованные джунгли, где нет места одухотворенному человеку.

Следует подчеркнуть, что исходный этап англобализации, основанный на неограниченном предложении финансового капитала, фактически завершен. Всепроникающий финансовый капитал невероятно распалил в человеке жажду наживы (стремление к удовольствиям), окончательно разделил общество на имущих и нищих и низвергнул его в полуживотное состояние. Долгосрочная цель англобализации — убить, уничтожить в человеке разумное (духовное), превратить его в биоробота полуживотного типа. Следует неутешительно констатировать, что Россия, включившись в англосаксонскую модель, способствует достижению этой цели.

От человека глобального к человеку духовному

На пороге XXI в. глобальный капитализм де-факто эволюционировал в высшую форму бытия экономики — *финансомику*, которая выражается в функциональном господстве денежно-финансового механизма над всеми хозяйственными, экономическими и социальными процессами. Понятие «финансомика» было введено в научный оборот профессором МГУ имени М.В. Ломоносова, президентом Академии философии хозяйства Ю.М. Осиповым [5].

Процесс создания стоимости в финансомике имеет мало общего с производством — она создается и определяется в сфере финансов при помощи экзотических инновационных финансовых продуктов и схем, которые выступают основными инструментами неэквивалентного обмена и проводниками социального отчуждения [7].

Финансомика направлена на максимизацию прибыли, однако прибыль не является составляющей социально-экономического развития, поскольку не инвестируется, а мультиплицируется и накапливается в виде офшорных активов. Таким образом усиливаются дисбалансы развития как на глобальном, так и на национальном уровне.

Финансомика преимущественно управляется искусственной мотивацией — страхом [6, 96]. Страхи у всех разные. У одних — страх потерять работу и кров над головой, у других — страх быть исключенным из списка миллиардеров «Forbes». Однако и у первых, и у вторых целью деятельности в том или ином виде является стремление заглушить свой страх. Отсюда финансирование и обслуживание всех непотребств современного жизнеотправления. Подложная

мотивация в виде страха генерируется в рамках современного технополиса с его айфонизацией и цифровизацией, вершащих миссию обмана.

Финансомика — иллюзия созидания. Продукт финансомики можно сравнить с гуттаперчевым мячиком, который всегда выскальзывает из рук и скачет в неизвестном направлении. В финансомике человек движим желанием, волей и предрассудками, но не разумом (духом), поэтому в этой форме экономики невозможно стать «лучшим», поскольку она изначально является мертворожденной формой бытия.

Россия выигрывает в «горячих» войнах, которые ведутся за завоевание территории, но существенно уступает, когда войны направлены на порабощение сознания. Результатами проигрыша России в «холодной войне» стали: 1) утрата территории в размере 5,3 млн км² (для сравнения площадь всего Европейского союза составляет 4,3 млн км²); 2) сокращение численности населения на 150 млн человек за счет отделившихся республик (что втрое больше, чем потери населения в Великой Отечественной войне); 3) выплата ежегодной дани победителю в размере 10% ВВП постсоветских республик. Однако поражение в текущей гибридной войне может превзойти все предыдущие потери, поскольку речь идет уже об угрозе исчезновения всей русской цивилизации.

Почему Россия проигрывает в «холодных» войнах? Скорее всего потому, что нет теории, способной объяснить асоциальную природу англобализации. Попытки создания политэкономии социализма в СССР провалились по той причине, что ее разработчики искали опору развития общества в материальной, а не духовной сфере. Однако волну политической экономии уже оседлали англосаксы, создав теорию глобальной политической экономии [4], которая по сути является еще одной версией научного обоснования англобализации.

Англосаксы — авторы всех промышленных, финансовых и информационных революций. Однако эти революции осуществлялись на уровне технологизации быта, а не одухотворения бытия.

Решение сложившейся противоестественной ситуации было предложено В.И. Вернадским в учении о ноосфере, единстве и разумности биосферы [1]. Принципы современной финансомики — разделение человечества (через конкуренцию) и власть над природой (через финансовые инновации). Принцип ноосферного хозяйства — неутилитарное взаимодействие человека и природы. Таким образом,

чтобы изменить господствующую в мире систему ценностей, нужно преодолеть стесняющие рамки техноцентричного быта и выйти в сферу человекоцентричного бытия, а для этого человеку необходимо измениться изнутри, обрести новую точку духовной опоры — на космизм [6], ноосферизм [8], софиасофию [9].

Литература

1. *Вернадский В.* Биосфера и ноосфера. М.: Книга по требованию, 2016. 573 с.
2. *Кузнецов А.В.* Россия и англосаксонский глобализм. М.: КНОРУС, 2019. 212 с.
3. *Кузнецов А.В.* Тайная власть британской короны. Англо-бализация. (Сер. «Игры мировых элит»). М.: Книжный мир, 2016. 288 с.
4. *Лемещенко П.С.* Глобальная политэкономия: учебное пособие / П.С. Лемещенко, И.А. Лаврухина. Минск: Мисанта, 2019. 414 с.
5. *Осипов Ю.М.* Финансомика // *Философия хозяйства*. 2000. № 3. С. 286—290.
6. *Осипов Ю.М.* Четверть века в походе за истиной. 25 лет Центру общественных наук при МГУ. 1990—2015. М.: ТЕИС, 2015. 365 с.
7. *Осипов Ю.М.* Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма). М.: ТЕИС, 2017. 318 с.
8. *Субетто А. И.* Ноосферизм как стратегия спасения человечества от экологической гибели и основа гуманитарного диалога цивилизаций на пути к Миру без Войн и Насилия: концептуальный доклад на заседании академического теоретического семинара «Марксовские чтения» в Институте философии РАН 27 сентября 2019 г. (Москва) и проект резолюции по этому докладу. СПб.: Астерион, 2019. 40 с.
9. *Шулевский Н.Б.* Софиасофия. М.: ТЕИС, 2017. 448 с.
10. *Шурыгин В.* «Во всем виновата Россия!» // *Завтра*. 2019. № 25.
11. *Schultz L., Cummings M.* Giving or Getting? New York's Balance of Payments with the Federal Government. Rockefeller Institute of Government. January 8, 2019: [Электронный ресурс]. URL:

<https://rockinst.org/wp-content/uploads/2019/01/1-7-19b-Balance-of-Payments.pdf> (дата обращения: 10.01.2020).

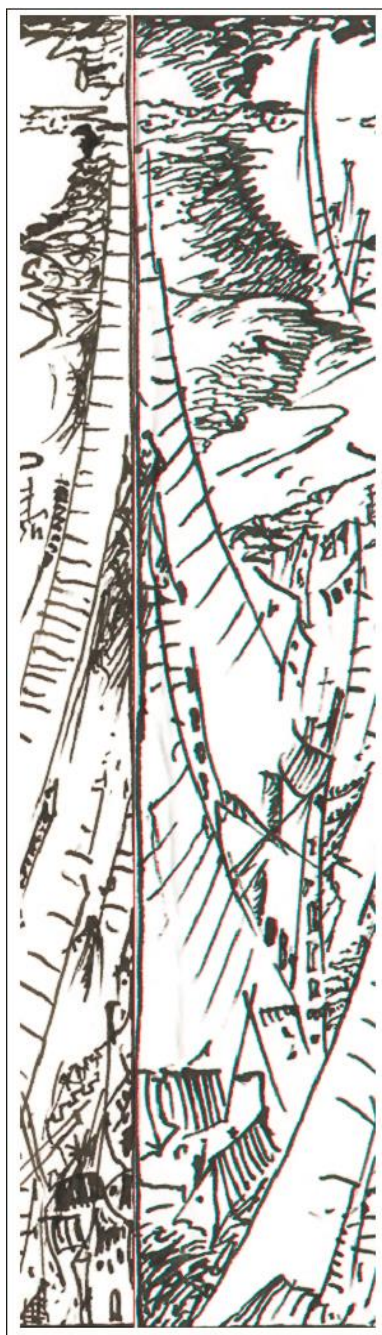
12. *Sikka P.* (ed.) Regulatory architecture to enhance democracy and business accountability. January 2019: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/331432153> (дата обращения: 10.01.2020).

References

1. *Vernadskij V.* Biosfera i noosfera. M.: Kniga po Trebovaniju, 2016. 573 s.
2. *Kuznecov A.V.* Rossiya i anglosaksonskij globalizm: monografija. M.: KNORUS, 2019. 212 s.
3. *Kuznecov A.V.* Tajnaja vlast' britanskoj korony. Anglobalizacija. (Serija «Igry mirovyh jelit»). M.: Knizhnyj mir, 2016. 288 s.
4. *Lemeshhenko P.S.* Global'naja politjekonomija: uchebnoe posobie / P.S. Lemeshhenko, I.A. Lavruhina. Minsk: Misanta, 2019. 414 s.
5. *Osipov Ju.M.* Finansomika // Filosofija hozjajstva. 2000. № 3. S. 286—290.
6. *Osipov Ju.M.* Chetvert' veka v pohode za istinoj. 25 let Centru obshhestvennyh nauk pri MGU. 1990–2015. M.: TEIS, 2015. 365 s.
7. *Osipov Ju.M.* Jekonomika kak est' (otkrovenija Zoila ili Sudnyj den' jekonomizma). M.: TEIS, 2017. 318 s.
8. *Subetto A.I.* Noosferizm kak strategija spasenija chelovechestva ot jekologicheskoy gibeli i osnova gumanitarnogo dialoga civilizacij na puti k Miru bez Vojn i Nasilija: konceptual'nyj doklad na zasedanii akademicheskogo teoreticheskogo seminaru «Marksovskie chtenija» v Institute filosofii RAN 27 sentjabrja 2019 goda (Moskva) i proekt rezoljucii po jetomu dokladu / A.I. Subetto. SPb.: Asterion, 2019. 40 s.
9. *Shulevskij N.B.* Sofiasofija. M.: TEIS, 2017. 448 s.
10. *Shurygin V.* «Vo vsjom vinovata Rossiya!» // Zavtra. 2019. № 25.

II

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

А.Г. ВОЙТОВ

**Хозяйство: философия, философское основание
теоретического познания, теория***

Аннотация. Марксистская версия трактовки хозяйства, экономики и рынка оказалась недостаточной. Неадекватен потребностям социально-экономического прорыва и сменивший ее экономикс. В связи с этим актуальны поиски возможностей развития — их основой может быть понимание фундаментальных оснований науки вообще и главной ее проблемы — теоретизации на основе философствования. Такой подход отстаивает парадигма общей экономической науки философия хозяйства. Ее развитие требует познания философии как науки и понимания единства и различия хозяйства, экономики и рынка. На основе такого подхода разработана версия общеэкономической теории как политэкономии XXI в.

Ключевые слова: хозяйство, экономика, рынок, наука, теория, методология, мышление, диалектическая логика, система экономических наук, политическая экономия.

Abstract. The Marxist version of their interpretation was insufficient. The economy, that replaced it, is not adequate to the needs of the socio-economic breakthrough. In this regard is urgent the search for opportunities for their development. Their basis can be only understanding of fundamental foundations of science in General and its main problem of 25 centuries — theorizing based on philosophizing. This approach defends the paradigm of General economic science philosophy of economy. Its development requires the knowledge of philosophy as a science and the basis for understanding the unity and difference of economy, economy and market. Based on this approach, was developed a version of their General economic theory as political economy of the 21st century.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Войтов А.Г. Хозяйство: философия, философское основание теоретического познания, теория // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 55—69.

Keywords: economy, market, science, theory, methodology, thinking, dialectical logic, system of economic Sciences, political economy.

УДК 11
ББК 65в

Философия хозяйства

Неадекватность потребностям современного общества классической политэкономии и экономикса общепризнана. Возникали разные подходы к их преодолению. Среди многих версий экономического инакомыслия существует *философия хозяйства* (философия экономики, философия политэкономии) как поиск творческого развития науки о хозяйстве. Такой подход базируется, с одной стороны, на обособлении науки и философии, а с другой — на признании особой креативности философии. Исходя из таких постулатов, исследователи стремятся создать альтернативу существующим доктринам экономической науки. Такой подход наиболее четко проявился в трудах представителей Серебряного века, особенно С.Н. Булгакова. В конце XX в. произошел ренессанс философской трактовки хозяйства. Наиболее представительной является концепция Ю.М. Осипова и созданной им Академии философии хозяйства. Но все это не поколебало мейнстрима экономической науки, а потому поиск возможностей ее развития продолжается.

Парадигма философии хозяйства — попытка порвать с догматизмом господствующих доктрин политэкономии и экономикса с тем, чтобы обеспечить развитие экономической науки. Возможно ли достижение этой цели? Да, при фундаментальном познании самой экономической науки, что является объектом философии, и при опережающем развитии познания сущности самой философии. В философии хозяйства главная идея — философия как средство теоретического объяснения хозяйства. Здесь надо ответить на вопрос: что такое философия? При этом недопустим поиск ответов с опорой на установившиеся догмы. Только креативная когнитивистская эвристика обеспечит научную инновацию — и теоретически объяснит хозяйство.

Что следует считать сущностью философии хозяйства и какое значение она имеет для плодотворного объяснения хозяйства? Ответы на вопросы зависят от фундаментального познания экономи-

ческой науки как социального феномена. В связи с этим для сохранения преемственности с философией хозяйства в творческом подходе к хозяйствованию следует найти адекватные ему интеллектуальные основания, что требует исследований специфики философии как общественного феномена. И на этой основе следует установить отличия теории от философии хозяйства. Разработка философии хозяйства должна все более сводиться к исследованию философских оснований познания хозяйства (философствованию о хозяйствовании), предполагающих все большую философизацию экономической науки в меру уяснения самой сути философии как социального явления. Тем самым исследования хозяйства упрутся в самую трудную проблему науки — философский ее проект — и в ответ на вопрос: что такое философия?

Философское основание теории хозяйства

За двадцать пять веков накопилось огромное философское наследие, непосильное для усвоения. И только случайные превращения жизни приводят к осмыслению ее проблем и направлений решения. Приходится осознать тот факт, что сегодня нет философии — ее подменили *филодоксией* (постклассической философией). Но провозглашать тот факт, что всемирная когорта институциональных философов стала филодоксами и камнем преткновения философии как орудия спасения общества, самоубийственно. В это не поверят философы, и не только, более того, посчитают идеи автора проявлением нездравомыслия или научного жульничества. Уклонение от осмысления данного факта следует считать конечной причиной современного кризиса экономической науки. Без его осознания не решить проблем современного хозяйства.

Истинной философией следует считать классическую философию как канон теоретизации всех наук. Она была главной версией философии до второй половины XIX в. Затем ее постепенно подменили филодоксией. В большом потоке философских публикаций нет осознания данного факта и тем более идей о необходимости ренессанса классической философии. Представителям всех наук нет оснований надеяться на то, что современные институциональные философы объяснят когнитивный, креативный потенциал философии и научат ему как технологии теоретизации своих наук с целью познания сущности объектов по аналогии с тем, как обеспечивают их математики техникой количественного измерения реальности. В

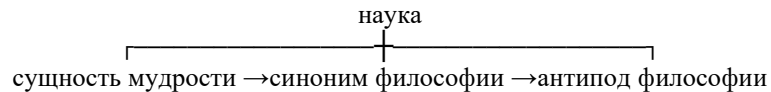
связи с этим исследователям всех наук важно самим беспокоиться о методологических основаниях своих поисков, прежде всего о технике сущностного понимания объектов познания. Такой подход сформировался давно и представлен множеством течений мысли — герменевтикой, эпистемологией, метанаукой, когнитивистикой, аналитикой, интеллектикой, визуальным мышлением, управлением знаниями и т. п. Не отрицая их обоснованности и когнитивных находок их представителей, следует обеспечить ренессанс классической философии, поскольку в ней накоплен основной багаж когнитивного наследия общества.

Известно много определений философии, по-разному объясняющих ее сущность. Но обычно ее кредо сводят к антисциентическому свободомыслию — возможности говорить обо всем, что существует, без усвоения наук. И сегодня господствует такой подход. Но все это — скудоумие филодоксии, не воспринимаемое не только общественностью, но и ее адептами. Филодоксия не востребована обществом, а без философии общество не выживет. Это применительно и к философии хозяйства, особенно написанной институциональными философами.

Оценивая современную философию, следует прежде всего иметь в виду, что ее представители разорвали преемственность с классической философией — наукой о науке и когнитивным канонном теоретизации наук. Историки философии констатируют переход в последнюю треть XIX в. от рациональной к иррациональной, постклассической форме философии, но не оценивают его адекватно как подмену философии филодоксией. Филодоксы игнорируют ее упоминание Сократом и осуждение И. Кантом, тем более ее последующий расцвет. Проблему филодоксизации философии следует считать самой большой проблемой современной философии, обоснованной непониманием сущности истинной философии. Как же возникла филодоксия?

В Древнем мире осознавали актуальность мудрости и признавали исследователей, ставших мудрецами, а в Древней Греции — всего лишь любителями мудрости, или философами, стремящимися стать мудрецами, но не являющимися ими. Осмысление научной природы мудрости произошло в Древнем Египте, а в Древней Греции стало основанием названия ее наукой. Древние греки называли такую науку *натурфилософией*. При этом слово «философия» использовали как синоним слова «наука», а затем все более как аль-

тернативу (антоним) науке. Концепции соотнесения понятий «наука» и «философия» представлены триадной моделью:

Основанием обособления ненаучного «философского» познания реальности были претензии философов на особую когнитивную креативность философии по сравнению с наукой. При этом они поразному раскрывают содержание специфики философии как антипода науки. Гносеологическим основанием их претензии было то, что наука все более детерминировалась когнитивными канонами, правилами, приемами, методами познания — прокрустовым ложем сущностного объяснения реальности, которое надо усвоить и уметь применять, а философы уклонялись от овладения ими и утверждали правомерность риторического свободомыслия. Так возникла филодоксия — альтернативные науке исследования всех объектов реальности. Такой подход к философии сегодня является главным, что можно осмыслить с помощью материалов российских и мировых философских конгрессов: большинство из них посвящены трактовке тех же самых объектов, которые исследуют представители науки. То же самое можно видеть и в философских трудах, выставленных на сайте [www/philpapers](http://philpapers) и т. п. При этом, если исследователи науки обычно с юности настраиваются на определенную сферу деятельности, проходят профессиональную подготовку, практикой накапливают опыт и становятся специалистами, то филодоксы избегают этого и часто меняют объект своих поисков, обвиняя при этом общество в невостребованности своих идей. Филодоксы готовы объяснять все что угодно, но только не когнитивную функцию философии. Филодоксизация философии широко распространилась с конца XIX в. В советской философии она господствовала в форме парадигмы «философских вопросов» наук, а сейчас — в форме частных «философий» практически всех объектов реальности, исследуемых наукой.

Филодоксия ушла от филологии, но не дошла до философии. Она не выполняет функции универсального метода всех, в том числе экономических наук. Провозглашая актуальность философии для всех наук и обычно признавая ее методологическое для них значе-

ние, филодоксы не владеют когнитивной функцией философии как наукой о науке и не могут научить других. Им присуще противоречие — признание актуальности философии для всех наук и отрицание ее как универсального конкретно-научного метода познания. Последнее даже признают научным жульничеством (см.: [7, 135]). С их точки зрения, таковыми являются отстаиваемые в данном тексте идеи. Как противостоять филодоксной парадигме философии?

Современная практика обучения философов не может не быть обучением филодоксии. Эту истину легко аргументировать учебными программами философских факультетов. Практика их обучения подтверждает истинность мысли Р. Декарта о том, что «...все меньше учившиеся тому, что до сей поры обыкновенно обозначали именем философии, наиболее способны постичь подлинную философию» [8, 305—306]. Основоположники философии обычно были разносторонними исследователями, что активизировало поиск ими философских оснований своих деяний.

Авторский подход к философскому основанию хозяйства возник в детстве на основе поучений отца-шахтера, бывшего энтузиастом философии и политэкономии. Важны и обстоятельства жизни — пребывание ребенком на оккупированной во время Отечественной войны территории, специфика деревенской жизни 1940-х гг., факты семейной жизни родителей и близких, собственная судьба. Все это стало основанием жажды познания и поступления на экономический факультет МГУ. Пять лет университетской зубрежки не привели к пониманию хозяйства. Споткнувшись об одну из ее проблем, автор исследовал ее десяток лет и защитил свою трактовку. Как исследователь системы управления экономикой в НИИ пытался понять суть и основания своей научной работы. Актуализации философского основания политэкономии послужило обучение студентов. Постепенно осмысливал ее философский аспект. Имела значение и смена парадигмы экономической науки на рубеже двух тысячелетий. Все это породило и постоянно поддерживало «жажду познания» философских оснований экономической науки. Кто не жил в наше время, тот не поймет значения поиска истины как основы личного бытия, понимания отцовского наказа — «любите науку как жизнь», «не ищите, а творите правду» и т. п. По-настоящему осознал проблему только тогда, когда стал обучать студентов экономиксу и истории экономической науки. Этот процесс не завершился с выходом на пенсию в 83 года. Все это время

был инакомыслящим (диссидентом) по отношению к господствующим трактовкам, что не позволило сделать карьеру, но открыло путь к пониманию главного условия выживания современного общества — философского основания теоретизации науки и его эвристического значения в качестве исходного фактора идеологии прогресса общества.

Сложность и масштабность проблемы в ее многоаспектности и необходимости использования междисциплинарного подхода — знания не только политэкономии, но и ряда прикладных и иных наук — психологии, педагогики, информатики, интеллектики, множества философских наук и т. п. Активизировала все это компьютерная эра, открывшая громадные возможности объективированию идей поиска. Компьютеризация — важный фактор ренессанса классической философии. Понять это можно с помощью оценки Ф. Бэконом значения письма: «Но исследование не может быть удовлетворительным иначе как в письме» [1, 60]. Но способы письма существенно различаются — рукопись, печатание на машинке и на компьютере (кумулятивный ряд: речь → текст → компьютерный). Компьютер на много порядков облегчает подготовку текстов, без чего невозможно четко сформулировать концепцию. Частный пример: при написании данного текста (11 страниц) работал с ним 76 раз и 64 часа, напечатав его десяток раз. Вне такой возможности не обеспечить четкого изложения собственных мыслей и реальность кредо философии Х. Вольфа — ради практической надобности.

Трудности освоения общеэкономической науки (политэкономии) заставили вести поиск средств ее понимания. В результате переболел когнитивными модами второй половины XX в. и вернулся к философии. При этом пришлось преодолеть господствующие заблуждения при ее трактовке: прежде всего понять сущность интеллекта и его место в психике людей, различие двух его форм — языка и мышления; разобраться в сущности мышления на примере математики, отвергнув ложную ее трактовку как языка; полвека осмысливать проблему методологии экономических наук; понять философию как науку о науке и главный элемент методологии экономической науки. Все это апробировал при обучении политэкономии студентов. Всю профессиональную жизнь изучал общую теорию управления экономикой («централизованное хозяйство»), без знания которого не может быть теории хозяйства; осмыслил тренд становления политэкономии как общеэкономической науки и про-

блему ее теоретизации; разработал ряд прикладных ее наук: материальные производительные силы общества (или общая теория техники), деньги, эффективность, собственность, генезис капитализма. Актуальным фактором была опора на визуальную формализацию процесса познания, возникшую на основе двух технических специальностей до становления политэкономом, и почти полувековое использование ее в педагогической практике. Данный аспект весьма актуален, но игнорируется элитой общественной, гуманитарной, экономической науки. Имело значение и увлечение учебным тестированием, которое акцентировало актуальность однозначной трактовки смысла слов. Выполнило свою функцию и участие в дистанционном обучении, требующим руководствоваться библейским принципом «многое немногими словами».

Альтернатива филодоксии — классическая философия как наука о науке. Понимание данного ее атрибута предполагает исследование ее фундаментальных свойств. Особенно важна системная трактовка психики людей и оснований ее развития. На ее основе только и можно определить когнитивную основу жизни современных людей: преднаука → наука → постнаука, и более конкретные их формы. При этом применительно к науке обособить три ее формы: опыт → доктрины → теории. Эти кумулятивные ряды показывают одновременно становление данных феноменов (ретроспективу), их современную структуру и основы будущего (перспективу). На этой основе можно объяснить научный заказ на философию как метод теоретизации наук, в том числе экономической науки.

Функция философии — обеспечить переход от доктрин к теориям, или становление теоретической науки. Она проявилась в разработке методов теоретизации наук, о прагматизме которых свидетельствуют геометрия Эвклида и другие факты науки. Но ей стала противодействовать постнаука. Без учета этого факта не понять современного общества, в том числе и теоретизации науки.

Теоретизация науки превращает ее в «сухие» тексты (по Гёте), стандартные высказывания на основе строго детерминированной лексики и методологии. Они понятны всем, но в полной мере только тем, кто усвоит диалектическую логику. Такому стилю объяснения противостоят филодоксы. Филодоксами обычно становятся златоусты, склонные к вычурным методам объяснения, использованию метонимий, гипербол, метафор, идиом и т. п., что делает их тексты привлекательными, но неопределенными. При восприятии их мыслей следует помнить предупреждение китайской мудрости — «бойся красиво говорящих». Их риторика иногда полезна для популяризации идей или акцента тех или иных аспектов науки, но таким способом невозможно объяснить проблемы современной науки и возможности их решения. А поэтому такие тексты не востребованы и обычно оказываются «холостым выстрелом». Это применительно не только к философии, но и к иным доктринам хозяйства. Их публикации не достаточны для использования обществом провозглашаемых в них идей. Для понимания законов идейных новаций актуальны мысли В. Петти и др., что позволяет адекватно воспринимать реакцию общественности на парадоксальные идеи.

Философия ранее была единой наукой. А сейчас ею является множество наук: общая ее теория как наука о науке и прикладные к ней история философии, диалектика и логика, когнитология, эпистемология и т. д. Общая теория философии объясняет возникновение научного познания, сущность науки и эволюцию ее форм, проблемы теоретизации, методологическую (теория познания) и гносеологическую (теория знаний) ее функции.

Теоретизацию наук обеспечивает непосредственно диалектическая логика. Она повышает уровень познания реальности. И это происходит даже тогда, когда человек не подозревает о ее существовании, но пользуется ее результатами в форме теоретического объяснения объектов. Рационально при обучении пояснять учащимся разные аспекты технологии диалектической логики. На основе такой практики обучения происходит переход к активному применению диалектической логики подражанием — аналогичным объяснением иных объектов. Рациональнее специальное опережающее обучение студентов методам диалектической логики. В будущей школе мышления интеллектуальные способности людей будут следствием системного обучения теоретической наукой представителями всех учебных курсов.

Азы диалектической логики можно усвоить за день с помощью «Уроков мышления» [12] или воспользоваться публикациями автора [2—6]. Затем следует осмыслить проблему соотношения языка и философии, математики и философии, проблемы методологии экономических наук. Для закрепления сущностного мышления рационально выполнить упражнения, а также изучить работы, написанные на основе диалектической логики, в том числе версии общеэкономических курсов: «Фундаментальная экономика» (1991), «Экономическая теория», ИЭУ, «Хозяйство, экономика, рынок» [6]. Все это позволит не только усвоить философию, но и овладеть технологией философствования.

Философское основание хозяйства показывает, прежде всего, атрибуты его теоретического объяснения, затем условия решения проблемы — становление системы экономических наук и актуальность для нее общеэкономической науки и ее объекта — единства хозяйства, экономики и рынка, композиция теоретического их объяснения и т. д.

Теория хозяйства

Постижение хозяйства начинается с преднаучного его восприятия людьми, а затем дополняется наукой, начиная с жизненного опыта. И сегодня большинство населения общества живет таким образом. Более содержательное знание хозяйства предполагает высшее образование, которое учит доктринальным формам экономической науки. Их много, но главным сейчас является маржинальный экономикс. Он изгоняет из общественного сознания признание актуальности общеэкономической науки. Общепризнаны его недостаточность, ограниченность, а поэтому многообразны поиски альтернативной версии, называемой политэкономией. При этом берется за основу версий и в определенной мере пересказывается «Капитал» Маркса. Такой подход не позволяет теоретизировать политэкономии. В связи с этим важно осмысление мнений о содержании будущей политэкономии с тем, чтобы создать ее на основе эклектики (в позитивном ее понимании), т. е. используя рациональные идеи известных версий экономической науки, в том числе экономикса.

При определении контента теории политэкономии следует учесть множество конкретных соображений. Они изложены в ряде трудов и практически применены в ее версии. Резюмируя, ограни-

чимся некоторыми из них. Прежде всего, следует констатировать тот факт, что сегодня в общеэкономической науке господствует постнаучная ее парадигма. К ней в определенной мере относится и экономикс, изгнавший политэкономия из учебных заведений и подменивший общеэкономическую науку прикладной. Далее, следует иметь в виду то, что политэкономия не просто экономическая наука, а общеэкономическая наука как введение в систему экономических наук. Ее создают, начиная с появления экономических школ и систематизации экономической науки, ее теоретизации Д. Рикардо и К. Марксом. Но рикардианский и тем более марксистский ее порок с точки зрения экономического мейнстрима XX в. привели к концу политэкономии — ее подмене прикладным маржинальным экономиксом. Господство мейнстрима экономикса объясняется не его достоинствами, а многими факторами, в том числе относительностью политэкономии «Капитала» Маркса — объяснением всего лишь «видимой руки» господствовавшего в XIX в. уклада.

Ахиллесовой пятой «Капитала» как общеэкономической науки является введенное Марксом название ее предмета — производственные отношения. Оно было не определенным у него и остается таковым (см.: [5]). У Маркса имеется ряд определений, и каждое из них относительно. Главным из них можно считать название им собственности. Но К. Маркс, как и его соратник Ф. Энгельс, не дал теоретического ее объяснения. Их последователи даже не осмыслили данного факта, что можно считать важнейшим фактором потери марксизмом идеологической значимости в XX в. И сегодня марксисты считают синонимами слова «собственность» и «имущество», признают существование собственности в первобытном строе и т. п. В целом нет теоретического объяснения собственности как социального феномена — ее сущности, значения, а поэтому недостаточно объяснение и вытекающей из нее системы отношений и т. п. (альтернативу см.: [6, гл. 3.4]). В то же время у Маркса имеются мысли, которые позволяют свести смысл производственных отношений к правовым отношениям людей как более развитой форме материальных отношений людей, возникающих вместе с появлением семей и производящей экономики и порождающих при возникновении государства собственность.

Другим недостатком «Капитала» считаем то, что он является, по Энгельсу, политэкономией в узком смысле слова — объясняет

только один аспект господствовавшего уклада своего времени, а не все хозяйство и его элементы — не только законы рынка, но и экономическую роль государства. Полноценная политэкономия должна теоретически объяснить единство хозяйства, экономики и рынка, в том числе «невидимую» (по А. Смит) руку (законы рынка) и «видимую» (экономическую роль государства). Она должна объяснить все элементы хозяйства, в том числе монополии, госсектор и т. п.

Аристотель писал о хозяйствовании и хозяйствах как специфике жизни людей. И экономическая наука возникла как наука о хозяйствовании. Но по настоящее время нет теоретического его объяснения, атрибутом которого является философское основание, прежде всего сущностное объяснение объектов познания. Вне диалектической логики невозможна теория хозяйства как система форм сотрудничества людей. Хозяйство состоит из разных форм сотрудничества: альтруистического (поделиться, подарить), эгоистических правовых отношений экономики (дарообмен) и наиболее развитого рыночного. Значение рыночных отношений людей может быть осмысленно только на основе единства «видимой» (роль государства) и «невидимой» (законы рынка) рук. И хотя уже Платон и Аристотель уделяли должное значение экономической роли государства, политэкономы в целом ее игнорируют или неадекватно объясняют. Они скрупулезно объясняют законы рынка и в целом игнорируют экономическую роль государства. Без адекватного объяснения последней невозможно разработать теоретическую общеэкономическую науку. Интерес автора к экономической роли государства начался с дипломной работы на ЭФ МГУ в 1963 г., последующих исследований системы управления экономикой в НИИ ЦСУ СССР и завершился политэкономическим ее осмыслением — монографией «Централизованное хозяйство. Общая теория управления экономикой». На этой основе и сформулировано объяснение роли государства в версии политэкономии XXI в. — «Хозяйство, экономика, рынок» [6].

И, наконец, самая трудная проблема не только «Капитала», но всей науки последних двадцати пяти веков, — теоретизация общеэкономической науки. Сегодня теорией называют любой текст, нормой является выражение «научная теория», что предполагает существование ненаучных теорий и т. д. Аристотель обособлял учения (доктрины) науки, а современные исследователи игнорируют их и тем самым не понимают проблемы теоретизации наук. Только

опережающая философская трактовка науки как множества определенных знаний является основой для выявления ее форм — опыта, доктрин, теории. На этой основе только и можно осознать проблемы теоретизации общеэкономической науки и значение «Капитала» как определенной формы теоретического объяснения предмета. Это предполагает опережающую разработку теоретической философии как науки о науке и ее диалектической логики.

Осмысление проблемы требует оценки философского аспекта (основания) «Капитала» — его достоинств и относительности. В таком случае не обойтись без преодоления многих установившихся заблуждений марксистов, прежде всего о создании Марксом своей философии, в том числе диалектики. При этом надо преодолеть также утверждение о том, что он просто использовал гегелевскую философию и т. п. В качестве альтернативы следует признать мысль исследователей, что Маркс, метафорически говоря, — ученик не Гегеля, а Рикардо (см.: [3]) и в определенной мере Прудона. Главное философское достоинство «Капитала» — его композиция сформирована не на основе философских требований, а по аналогии с трактовкой общеэкономической науки Рикардо и Прудоном.

В формировании композиции «Капитала», которую Маркс называл триумфом немецкой науки, следует учитывать его полемику с Прудоном, выраженную главным образом в «Нищете философии». Этот аспект нуждается в специальном исследовании и осмыслении. Прудон первым начал сознательно применять диалектический метод к объяснению общеэкономической науки. При этом он опирался не только на гегелевскую его версию, но и на широко распространенный в то время эволюционный метод науки, резюмировавшийся в последовательностях (рядах, архитектонике, сериях, композициях). Так написана им «Философия нищеты». Критикуя его подход, Маркс воспринял такой стиль диалектического мышления, что проявилось в его версии композиции кумулятивного ряда «Капитала»: товар → деньги → капитал. Другим фактором его композиции была его опора на политэкономия Рикардо, особенно исходного его понятия «стоимость». В итоге Маркс сформировал композицию «Капитала», а затем приукрасил ее гегельянской лексикой, что отмечали исследователи (см.: [11, 307—308]). Композиция «Капитала» проявляет диалектический метод объяснения, но Маркс не в полной мере осознал его технологию и ее основание — диалектику, а поэтому и не выполнил за четверть века своего замысла напи-

сать руководство по диалектическому мышлению. Только исходя из данного его замысла и многих идей Ф. Энгельса и В.И. Ленина можно выйти на проблему философского основания политэкономии и разработать версию философии как науки о науке и диалектической логики, что позволит положить их в основу теоретизации политэкономии как общеэкономической науки о хозяйстве, экономике и рынке и введения в систему экономических наук.

Более чем полувековые мои поиски понимания хозяйства привели к ряду ее версий, разработанных на основе выявленных элементов философской методологии экономической науки (см.: [2; 4; 5]). Но даже последняя из них указывает всего лишь направление теоретизации общеэкономической науки. Она предполагает единомыслие политэкономов на основе овладения диалектической логики и технологии философствования вообще и их вклад в развитие политэкономии XXI в.

Литература

1. Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1971.
2. Войтов А.Г. Диалектическая логика. Самоучитель мышления. 5-е доп. изд. М.: ИТК «Дашков и К^О», 2019.
3. Войтов А.Г. История экономических учений. Уч. пособие. М.: ИТК «Дашков и К^О», 2019.
4. Войтов А.Г. Наука о науке. Философия, метанаука, эпистемология, когнитология. 4-е доп. изд. М.: ИТК «Дашков и К^О», 2016.
5. Войтов А.Г. Проблемы методологии экономической науки. М.: ИТК «Дашков и К^О», 2019.
6. Войтов А.Г. Хозяйство, экономика, рынок. Политэкономия 21 века. М.: ИТК «Дашков и К^О», 2019.
7. Волков Г. Сова Минервы. М., 1985.
8. Декарт Р. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
9. Сычев Н.В. Философские аспекты политической экономики. Жуковский: МИМ ЛИНК, 2004.
10. Филиппов И.С. Понятие «собственность» в марксизме // Социально-экономическая теория Карла Маркса: реактуализация политэкономического наследия (К 200-летию со дня рождения Кар-

ла Маркса) / Под ред. С.Д. Бодрунова, А.В. Бузгалина. М.: Культурная революция, 2018.

11. Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция, 2018.

12. [www\miit-ief.ru](http://www.miit-ief.ru) \студентам\электронная библиотека/личная страница автора.

References

1. *Behkon F.* Soch.: V 2 t. T. 2. M., 1971.
2. *Vojtov A.G.* Dialekticheskaya logika. Samouchitel' myshleniya. 5-e dop. izd. M.: ITK «Dashkov i Ko», 2019.
3. *Vojtov A.G.* Istoriya ehkonomicheskikh uchenij. Uch. posobie. M.: ITK «Dashkov i Ko», 2019.
4. *Vojtov A.G.* Nauka o nauke. Filosofiya, metanauka, ehpistemiologiya, kognitologiya. 4-e dop. izd. M.: ITK «Dashkov i Ko», 2016.
5. *Vojtov A.G.* Problemy metodologii ehkonomicheskoy nauki. M.: ITK «Dashkov i Ko», 2019.
6. *Vojtov A.G.* KHozyajstvo, ehkonomika, rynek. Politehkonomiya 21 veka. M.: ITK «Dashkov i Ko», 2019.
7. *Volkov G.* Sova Minervy. M., 1985.
8. *Dekart R.* Soch.: V 2 t. T. 1. M.: Mysl', 1989.
9. *Sychev N.V.* Filosofskie aspekty politicheskoy ehkonomii. ZHukovskij: MIM LINK, 2004.
10. *Filippov I.S.* Ponyatie «sobstvennost'» v marksizme // Sotsial'no-ehkonomicheskaya teoriya Karla Marksa: reaktulizatsiya politehkonomicheskogo naslediya (K 200-letiyu so dnya rozhdeniya Karla Marksa) / Pod red. S.D. Bodrunova, A.V. Buzgalina. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2018.
11. Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция, 2018.
12. www\miit-ief.ru \studentam\ehlektronnaya biblioteka/lichnaya stranitsa avtora.

И. ВАСИЛЕНКО

О метафизике стыда на Украине*

Аннотация. В статье осуществляется попытка характеристики деятельности существующей политической власти на Украине в контексте моральной категории стыда. Показывается, что моральная деградация политической элиты формирует общественное сознание части граждан, ориентируя его на бесперспективное ожидание, а не на созидание. Разрыв вековых экономических, ментальных, культурных связей в угоду геополитическим интересам западных партнеров, выбора, оказавшегося «дорогой в никуда», обернулся социально-политической катастрофой. Осознание сделанного компрадорами предательства страны и народа не скоро станет условием экономического и социального подъема страны. Изменить ситуацию сможет не борьба с «русским миром», не декоммунизация, не русофобия, а трезвый прагматический анализ экономических и политических трендов современной цивилизации.

Ключевые слова: метафизика, стыд, цивилизационный выбор, мораль, политика, коррупция, культура.

Abstract. The article attempts to characterize the activities of the existing politici in Ukraine in the context of the moral category of shame. It is shown that the moral degradation of the political elite forms the public consciousness of some citizens, focusing it on hopeless expectation, rather than creation. The rupture of centuries-old economic, mental, cultural ties for the sake of the geopolitical interests of Western partners, the choice, which turned out to be the «road to nowhere», turned into a socio-political disaster. Awareness of the betrayal of the country and the people made by compradors will not soon become a condition for the economic and social recovery of the country. It is not the struggle against the «Russian world», not decommunization, not Anti-Russian sentiment, but a sober pragmatic analysis of the economic and political trends of modern civilization that can change the situation.

Keywords: metaphysics, shame, civilizational choice, morality, politics, corruption, culture.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Василенко И. О метафизике стыда на Украине // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 70—75.

УДК 32.019.5
ББК 60

Не так страшны ошибки, как их последствия.

Л. Ландау

К области метафизики, как известно, относятся известные каждому образованному человеку понятия Бога, души, свободы, духа, а также ценности морали: добро, зло, справедливость, честь и особенно стыд. Без него нет покаяния, а оно — основа совести и очищения от «свинцовых мерзостей жизни».

Со временем, когда страна Украина наконец-то (может быть) перейдет к главной ценности Европы — рациональному мышлению, здравому взгляду на себя и свою историю, будет мучительно стыдно, что страной манипулировали ограниченные, хитрые, презирающие свой народ люди, более циничные и беспощадные, чем даже самые жестокие оккупанты, которых было достаточно в истории Украины.

Стыд — категория морально-этическая, но с него и начинается человек. Украина, устыдившись горе-майдановской власти, доказала свое стремление к человечности на последних выборах в парламент, отвергнув дальнейший путь лжи, войны, нищеты и раскола страны. Но вопрос к тем восьми процентам, которые все же отдали голос за Порошенко и его «Европейскую солидарность»: вам не стыдно за свой выбор? Пусть есть родственники, пусть прислуга, пусть подельники, а остальные?

Можно объяснить и даже сквозь пальцы посмотреть на то плохое, что сделал Порошенко, но разве можно забыть и простить ему слова: «Это наши дети будут ходить в школу, а их дети будут сидеть в подвалах!» Какой нормальный человек может выносить такие приговоры детям? Даже если бы это были дети «страны-агрессора»? Хотя речь шла о детях Донбасса, т. е. о своих, украинских, детях.

Во все времена детей не приговаривали по той простой причине, что они неподсудны. Они — дети! Вряд ли в истории найдется кто-то, кроме библейского царя Ирода, который ради сохранения власти приговорил детей к избиению и смерти.

То же самое касается и детей Крыма. Каким нужно быть — даже не гадким, а подлым, гаденьким — чтобы перекрывать воду в

Крым, исподтишка радоваться, как такие же уродцы уничтожают высоковольтные опоры для подачи электроэнергии на полуостров?! Бессильна злоба, и отсюда — иезуитская месть. Похихикивать в кулуарах, когда распоясавшийся охлос, якобы представляющий народ, сажал неугодных оппозиционеров в мусорные баки, радоваться тому, что убивали просто за то, что человек имел другое мнение.

Разве не стыдно за президента своей страны, который, надев маску миротворца, в то же время отдавал приказы на постоянные обстрелы жителей Донбасса? Может ли нормальный человек, тем более в XXI в., когда все говорят о ценностях, так ненавидеть людей? Только мелкое, жалкое подобие человека («прореха на человечестве», Ф.М. Достоевский) могло, упиваясь властью, практиковать подобные вещи. А ведь в биографии — факультет международных отношений Киевского госуниверситета имени Т. Шевченко, служба в Советской Армии, крупный бизнес в России, многочисленные знакомства в европейском политикуме. Но все это оказалось «лавкой ненужных вещей» перед главным — деньгами! Как тут не вспомнить сентенцию К. Маркса о капиталисте, который ради прибыли в 300% не остановится ни перед каким преступлением? А для этого anything goes — «пригодится все» (П. Фейерабенд).

Еще относительно недавно все стыдились полуграмотного Януковича. А чем Парубий (и иже с ними) был лучше? Разве что в тюрьме не сидел. Причем он никуда не делся, снова в парламенте. Стоит ли заканчивать университеты, читать в подлиннике Шекспира, учить китайский язык и гордиться своей причастностью к ноосфере В.И. Вернадского, чтобы зависеть от административного шулерства, косноязычия и примитивного бормотания этого и ему подобных «плебеев политического труда». А какое достоинство имеют те люди, для которых Парубий и сегодня выступает в качестве Демосфена, а Вятрович — носителя «национальной совести»? Для них не стыдно снова быть с теми, кто вот уже скоро треть столетия постоянно врет о скором вступлении в Евросоюз, НАТО, о «цивилизационном выборе» и прочих вещах. Они ничем не отличаются от сказочников из недавнего «коммунистического прошлого», которое так и не стало будущим. Ведь на деле Европа так и не приблизилась, но зато каждый день росли цены, дорожали жизнь, «коммуналка», гибли люди на бессмысленной войне, закрывались предприятия. И главное — все больше и больше граждан, в основ-

ном молодых, сильных, перспективных, уезжали и уезжают из страны.

Не стыдно снова верить тем, кто считал и считает народ «массой»?! При таком отношении к народу только и можно было «втюхивать» бредни о «гиперлупе», о 50-ти аэродромах, которые через два года будут построены в стране, об украинских танках, которые скоро будут в Москве и Севастополе, и прочий бред, который не прекратился и сегодня.

Неужели не стыдно отдать голоса тем, кто, начиная с «эпохи» Ющенко, ничего не создал, не построил ни для страны, ни для народа? Но прославились строительством «Стены» между Россией и Украиной (деньги украдены), обещанными, но не построенными дорогами (деньги украдены), взятыми в МВФ долгами (деньги украдены). Не напоминает ли это хитрого жулика Корейко из «Золотого тельца» И. Ильфа и Е. Петрова, который энергично обещал, обещал, обещал, брал, брал, брал, воровал, воровал, воровал, но в итоге деньги исчезали, а очередная комиссия разводила руками на пустом месте? В нашем случае — это очередная власть, которая начинает как бы с чистого листа, а заканчивает «как все».

Неужели не стыдно вспоминать постоянно поющего с фальшивым лицом национальный гимн президента на каждом публичном и непубличном собрании и встрече? Хотя «Украина не вмерла» (первая строчка украинского гимна), но она умирала и умирает! Каждый день гибли (и гибнут) молодые ребята под пафосные заявления: «Герои не умирают!». Да, герои не умирают, но умирают дети матерей и отцов, мужья молодых жен, отцы малых детей, друзья. А сын Порошенко, кстати, отсиживался в Верховной раде, а дети других «воителей» и «ястребов» (как и они сами) занимали «теплые» места в разных госструктурах и учреждениях. Тысячи молодых ребят лежат на украинских кладбищах, но все те, кто послал их на убой, остались живы! И чувствуют себя весьма неплохо. Причем и дальше хотят воевать чужими руками и хорошо жить, но опять же за чужой счет. Сами-то умеют, как показали особенно последние пять лет, только разрушать, а также врать, обманывать и воровать. Они даже язык, который всегда был самым верным способом взаимопонимания, сделали «яблоком раздора» как в стране, так и за ее пределами.

Когда Третий рейх погибал под ударами Советской Армии, когда сотни тысяч и миллионы гражданских немцев умирали под бомбами союзнической авиации, народ в Германии начал сознавать,

чем обернулись факельные шествия и лозунг «Германия превыше всего!». На Украине же такие шествия с факелами пока «в тренде». Только вместо «Германии» звучит «Украина».

После разгрома и капитуляции немцы с ужасом вспоминали: неужели это были мы, великая культурная нация, которая поверила кучке полуграмотных фанатиков, лавочников и негодяев — тем, кто на крови, ресурсах и достижениях своего народа захотел стать всем?

Да, это была она, великая, культурная нация — философов, ученых, музыкантов, изобретателей, воинов. Нация, которой до сих пор стыдно, что поверила неудачливому художнику, бросившему свою неполноценность на весь народ, сделав его ответственным за свои преступления.

Восемь процентов — это не восемь человек, которые проголосовали за Надежду Савченко. Следовательно, опасность дальнейшей деградации Украины остается. Ведь не может «исполнитель» (исполняющий законы своих западных «заказчиков») быть созидателем.

Новая команда «Зе» и ее президент — результат осознания народом, что страна при всей прозападной риторике шла все-таки «не туда». Но пойдет она «туда» тогда, когда новому президенту станет невыносимо стыдно, что Порошенко и представители восьми процентов все еще в парламенте, все еще при власти. Но пока за эту самую команду стыдно. Трудно поверить, что эта — не имеющая опыта ни управления, ни культуры поведения, ни стратегического мышления — «команда» может что-то сделать.

Люди, получившие сомнительное, непонятное образование и дипломы «негосударственного образца», в современном «обществе знаний», креатива, интеллекта, по определению, не могут сделать не только что-то полезное, а вообще что-то делать.

Глядя на эту «команду», сложно поверить, что государство выйдет из ситуации стыда, нищеты и безумия. Ведь снова управляют временщики, люди без понимания, не вышедшие из своего «ту-совочного» прошлого, превратившего их в уже полузабытой «одобрямс». Причем они не хотят оттуда выходить! Зачем? Для этого нужно много работать, учиться. А у некоторых из них первая запись в трудовой книжке — министр. Или другие приятные должности, дающие главное — деньги!

Но это не все. Люди, бывшие до них у власти, посеяли грозу, которая дестабилизировала страну, привела к нищете, неуверенно-

сти, безразличию. И к буре — к тотальной коррупции. А ее-то «команда Зе» вряд ли сможет победить. Они хотят, похоже, не строить, а всего-навсего контролировать денежные потоки, стать теми, у кого они раньше были (и остаются) на побегушках. Коррупция не нужна тем, кто работает, созидает, строит. Но нужна тем, кто удачно попал во власть. И они спешат, торопятся — быстро продать все, что можно. Хорошо понимая, что никогда в дальнейшем уже не появятся в политике, тем более большой.

Если новый президент не осознает, какая на нем ответственность, это будет означать в итоге, что одно «шило» поменяли на другое. И неизвестно, какое лучше. Получается, как в мультфильме «Жил был пес»: «И зажил пес по-прежнему. Даже лучше».

...Вряд ли можно ожидать при таком раскладе поворота к лучшему. И, как прежде, люди снова будут терпеть и ждать — авось все уладится! Но не будет ли со временем мучительно больно, что наша прекрасная страна Украина, стала территорией, а не родной землей?! И все потому, что не было стыдно быть обманутым, не было стыдно быть глупым, не было стыдно слушать бесконечные обещания о скором вступлении в ЕС, заведомо зная, что там такие страны не принимают, не было стыдно быть бедным в богатой стране, разменяв комфорт и благополучие на ложь о «революции достоинства». Но будет поздно. А может, украинцы все же устыдятся и сохранят свою страну и себя?

... После отступления Наполеона из Москвы и катастрофы на Березине его маршалы на совещании называли причины поражения. Один — надо было идти на Санкт-Петербург, другой — надо было оставаться зимовать в Москве, третий — в Смоленске, четвертый — отступать по другой дороге. Выслушав их всех, Наполеон сказал: «Наша главная ошибка, которая стала причиной поражения — что мы вообще затеяли поход на Россию».

И здесь похожая ситуация: можно говорить, какими плохими (или хорошими) были Кучма, Ющенко, Янукович, Порошенко, сегодня — Зеленский, но главная ошибка — Украина не с Россией. И какие б ни были новые «команды», новые президенты, будущее Украины без России не просматривается. Ведь с «шестерками», даже американскими или соровскими, ни страны не построишь, ни войны не выиграешь. Ведь исполнитель владеет репродуктивным, а не творческим мышлением. А оно неконструктивно. Этим все сказано.

В.Я. ИОХИН

**Методологические аспекты цифровизации:
философско-хозяйственный подход***

Аннотация. В статье цифровизация рассматривается через призму парадигм развития человечества и места России в их противостоянии и противоборстве Слова и цифры. Делаются выводы об угрозах человечеству, связанных с использованием цифровизации силами зла с целью его расщепления на виды и последующего упразднения. Россия представлена как возможный оплот консолидации национально-традиционных сил мира на основе сохранения божественного миропорядка и преобразования человечества на пути восхождения к своему Творцу. При этом обращается внимание на острую необходимость перехода страны на национальные цифровые технологии и формирования суверенного киберпространства.

Ключевые слова: цифра, Слово, цифровизация, киберпространство, трансцендентность, расчеловечивание, эра, идеология, образование, экономика, планирование.

Abstract. The article deals with digitalization through the prism of paradigms of human development and place of Russia in their confrontation, and the struggle of Words and numbers. It draws conclusions about the threats to humanity associated with the use of digitalization by forces of evil in order to split it into species and its subsequent abolition. Russia is presented as a possible stronghold of consolidation of national and traditional forces of the world on the basis of preservation of a divine world order and transformation of mankind on the way of ascension to the Creator. At the same time, attention is drawn to the urgent need for the country's transition to national digital technologies and the formation of a sovereign cyberspace.

Keywords: digit, Word, digitalization, cyberspace, transcendence, dehumanization, era, ideology, education, economy, planning.

УДК 330.341.2
ББК 65.5

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Иохин В.Я. Методологические аспекты цифровизации: философско-хозяйственный подход // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 76—85.

Цифровизация, как нам представляется, выходит далеко за рамки решения некой очередной технико-технологической проблемы, так как с ней связаны различные аспекты как прорывов, так и угроз для человечества, вплоть до его самоликвидации, что роднит ее по своим последствиям с термоядерным коллапсом, только упакованной в «цивилизованную» форму. В связи с чем на ее поприще разворачивается духовно-культурное и политико-идеологическое противостояние традиционализма и так называемого прогрессизма.

Не затрагивая различные футуристические теории и разнообразные их вариации относительно человечества, в рамках рассматриваемой проблемы в обобщенном виде следует выделить две траектории его развития. Первая предполагает преобразование человечества на основе углубленного познания законов мироздания и человека на пути его возвышения и приближения к Богу. Движение в данном направлении требует укрепления трансцендентно-этических основ сознательно-смысловых форм жизнеотправления и жизнедеятельности человека и общества.

Вторая связана с мировоззрением «Новой эры» («Нью Эйдж»), или цифровой эры, которое сориентировано на изменение сознания человека и самой его природы с целью перехода к постчеловеку, обществу бесполов андрогиннов. По замыслу ее вдохновителей эта эра завершает собой цикл человеческого бытия на Земле в виде кастово-стратифицированного общества. Идеология «духовной элиты», или «элиты сверхлюдей», сориентирована на переформатирование сознания, психики, физиологии человека в направлении, с одной стороны, его «совершенствования», а с другой — его дегенерации и дегенерации с целью видового расщепления человечества и последующего избавления от ненужного «баласта».

Надо заметить, что истоки такого противостояния лежат в плоскости противопоставления Слова и цифры [7; 8]. Любая цифра, или цифры, или их комбинации, не может выразить смысл живого Слова, тем более Его замысел как творческого, созидательного начала. Если Слово выражает качественное, смысловое содержание тех или иных явлений и процессов, то цифра отражает те или иные количественные их параметры. Слово как исходный импульс всякого бытия несет в себе творческое начало, созидание и сам смысл этого бытия, тогда как цифра выступает в качестве всего лишь его функции, количественного выражения, исчисления уже бытийствующего, существующего, сущего. Однако цифра стремится стать

равной Слову и даже заступить на его место, несмотря на то, что производное не может быть равным исходному, изначальному. Но цифра полна надежд на сотворение некоего суррогата смысла, равно как и суррогатного его носителя.

Диалектика взаимодействия Слова и цифры отсылает нас к Началам, когда один из сотворенных Господом ангелов возомнил себя равным своему Творцу. Чем кончился бунт ангелов, пораженных гордыней, известно — адом. Но это было в начале Времени и на небесах, а на Земле происходит воспроизведение подобной духовной битвы, но в видоизмененной форме, когда силы зла стремятся использовать цифровизацию в качестве средства перестроения сознания, психики, физиологии человека с целью завершения его бытия, а силы добра сориентированы на творчество и созидание на основе познания окружающего мира и себя.

Несомненно, нарастающая сила знания требует от человека еще большего укрепления силы духа, морально-нравственной ответственности за последствия применения полученных знаний для рода человеческого. А это требует усиления трансцендентно-этических начал с их качественно-вербальным смыслом в разнообразных формах жизнеотправления и жизнедеятельности человека и общества.

Для этого необходимы прежде всего отторжение идеологии экономического империализма с его принципом «бытие определяет сознание» и закрепление таких сознательно-смысловых форм бытия, которые препятствовали бы вытравливанию божественного предназначения человека как творца и его расчеловечиванию, что предполагает формирование целостной государственной идеологии, укрепляющей национальные духовно-культурные основы развития страны. Тем более что президент В.В. Путин неоднократно заявлял о приверженности нашего государства традиционным национально-культурным ценностям.

От государственной власти требуется проявление политической воли по превращению России в центр консолидации мировых сил в противоборстве со всякого рода прогрессистами, цифровиками, IT-шниками, для которых благоприятным полем деятельности является бездуховное общество, человек, утративший силу духа и готовый беспрекословно повиноваться. Для этого они используют самые изощренные способы, чтобы ослабить и упразднить традиционные национально-культурные ценности, базирующиеся на боже-

ственных основах бытия человечества, навязать ему извращенную систему ценностей и превратить человека из субъекта управления в его объект.

Все это не означает, что необходимо противодействовать цифровизации как таковой. Напротив, она имеет огромное значение как объект познания и интереса человека в силу дарованных ему Господом талантов к творческому созиданию. Мы не призываем становиться цифровыми луддитами, но мы предостерегаем об опасности превращения человека в раба цифры и подчинения его сознания и разума инфернальным силам. Непременно необходимо усилить внимание к цифре как к объекту исследования с целью использовать его результаты на благо творчества и созидания.

В этом плане вызывает беспокойство начавшийся процесс «совершенствования» системы образования в нашей стране на основе внедрения всеохватывающей электронной (цифровой) школы, устраняющей живое духовно-эмоциональное общение обучающихся с обучаемыми, подменяющее оценку знаний ученика оценкой его личности, превращающей учащихся из субъектов знания в объекты управления уже с деформированной и видоизмененной психикой. Нельзя не отметить, что первым шагом в данном направлении стала программа перестройки советской системы образования, разработанная под эгидой Всемирного банка. Особый акцент в ней был сделан на ликвидации педагогических вузов, так как в них шел полноценный процесс формирования будущих педагогов на основе комплексного обучения, включающего в себя помимо самого предмета преподавания изучение психики ребенка, сознания, этапов его развития.

Теперь в стране без всякого на то законодательного основания вводится закамouflированная кастово-селекционная система обучения с ее стратификаций учащихся по критерию материального благосостояния их семей, от которого в прямой зависимости находится цифровой портфолио обучающихся, к тому же размещающийся в интернете и доступный дистанционно. Так что плакали новые «эдисоны» и «калашниковы». Поэтому следует приветствовать документ, подготовленный Общественной палатой и направленный в Генеральную прокуратуру, в котором раскрываются вредонос-

ность для образования и нанесение ущерба психическому и физическому здоровью детей проекта «Цифровая школа»¹.

Очевидно нам необходимо возродить русскую классическую школу, но на новой информационно-технической основе. Возвращение к ней в 1930-е гг. после разнообразных неудачных экспериментов продемонстрировало высокий уровень не только интеллектуальной подготовки учащихся, но и морально-нравственного воспитания в советской школе, что во всей полноте проявилось в годы тяжелейших испытаний Великой Отечественной войны, послевоенного восстановления разрушенного народного хозяйства, в невиданных прорывах в области космоса и создания ракетно-ядерного щита нашей Родины, до сих пор обеспечивающего национальную безопасность и суверенитет нашего государства.

Другим важным моментом рассматриваемой проблемы является национальная безопасность. Здесь следует продолжить логику президента В.В. Путина, воплощенную на практике в области геополитики, когда первоначально была обеспечена обороноспособность страны и только затем поставлена задача по ускоренному ее социально-экономическому развитию. Нельзя забывать, что в отношении киберпространства Россия, как и многие страны мира, оказалась «цифровой колонией» США. Не следует уповать и на международные организации типа ICANN (бутафорские структуры), тем более что США препятствуют заключению международного соглашения по кибербезопасности [3], а новая их Национальная киберстратегия предусматривает наказание непокорных стран как киберсредствами, так и инструментами экономического и политического давления, вплоть до применения войной силы [6].

Поэтому задача заключается в формировании цифровой среды национального пространства, базирующейся исключительно на отечественных цифровых разработках. Тем более что, согласно заявлению председателя Рабочей группы по созданию и развитию национальных и международных систем цифровой экономики С. Евтушенко, мы располагаем собственной технологией «Одант» (см.: [4]). Осуществляя цифровизацию, не следует проявлять по-

¹ В 2014 г. был принят документ ПАСЕ, в котором указывается на опасность цифровых технологий и электромагнитного облучения, особенно для детей. Во Франции уже принят закон, запрещающий использование Wi-Fi в детских учреждениях и требующий осуществления контроля.

спешность в использовании зарубежных технологий и элементной базы под предлогом «не опоздать на уходящий поезд». Один раз мы уже вскочили в «экспресс глобализации», который на самом деле оказался миражом логики намерений заокеанских гегемонов, но который для России стал фактором разрушения ее научно-технического и промышленного потенциала. Обеспечение национальной кибербезопасности не менее важно, чем наличие ракетно-ядерного потенциала, способного сокрушить любого агрессора.

Следующий важный момент цифровизации и связанных с ней «больших данных» связан с экономической сферой, так как она позволяет осуществлять планомерное развитие экономики в соответствии с требованиями реализации закона о стратегическом планировании социально-экономического и пространственного развития России на основе современных экономико-математических моделей [3]. При этом планирование на долгосрочную перспективу не мыслимо без среднесрочного, которое позволяет видеть горизонт экономического развития в рамках непрерывно переходящего (скользящего) пятилетнего плана, что позволяет своевременно вносить коррективы в процессы регулирования и управления хозяйственными процессами в соответствии с требованиями решения задач стратегического значения.

При этом киберэкономическая модель управления народным хозяйством должна сочетать в себе и директивные, и индикативные формы планирования, исходя из двухсекторного характера экономики — государственного и частного предпринимательства, которые сориентированы на производство соответственно общественных и частных благ. Первый сектор включает в себя оборонный комплекс и отрасли стратегического назначения, а также инфраструктуру и социальную сферу с ее образованием и наукой, здравоохранением и культурой. Второй сектор призван обеспечить производство товаров и услуг для удовлетворения потребностей населения, но при строгой регламентации, контроле и регулировании со стороны государства.

Причем любая модель социально-экономического развития страны должна исходить из необходимости учета духовно-культурной средой того общества, той нации, на территории которой она реализуется. А это требует таких форм и методов ее реализации, которые не вызывали бы эмоционально-культурного оттор-

жения и отвечали бы духовно-нравственным представлениям народа о жизнеотправлении и жизнедеятельности человека и общества.

В контексте рассматриваемой проблемы заслуживает внимания витальный подход к государственности, который по своему духу близок к русской ментальности и образу нашего эмоционального мышления и органически сочетает в себе трансцендентное, сознательное и бытийное, что позволяет избежать фрагментирования человека и общества, рассматривая их в полной целостности и неразрывном единстве [1]. При этом страна представляется в триединстве пространства, населения и власти, представленной государством, которое организационно упорядочивает пространство и жизнь населения. Для нашей страны — это геополитическое евразийское пространство, движущей силой формирования которого во времени выступает русский этнос, являющийся стержнем притяжения и концентрации силовых линий этнокультурной и социально-политической консолидации многочисленных народностей, народов, наций России и ближнего зарубежья.

Не останавливаясь на сознательном и бытийном моментах, обратимся к трансцендентности, или провиденциализму с его Божьим промыслом. Для нас, русских, — это покров Божьей Матери, оберегающий и спасающий Россию, который в теории витализма находит свое выражение в принципе «страна должна быть». Обращаясь к трансцендентной составляющей, мы хотим заострить внимание на том, что провиденциализм вовсе не предполагает пассивного ожидания того, что должно случиться. Да, ничего нельзя сделать с судьбой, роком, фатумом. Они неизбежны, но это не значит, что не следует проявлять активность и предпринимать какие бы то ни были усилия и действия.

Мы должны в полной мере осознать, что Божий промысел может воплотиться в реальную действительность только через деяния, поступки отдельных личностей, социальных групп, общества в целом или отдельных его сегментов. При чем Его выбор падает на те общественные силы, которые в состоянии обеспечить предначертание о спасении, сбережении России вне зависимости от наших представлений о «достойных» или «недостойных» перед Ним. Вполне возможно, что помыслы и деяния «недостойных» — как раз и предпочтительней, и лучше вписываются в общую канву Промысла.

Наглядным примером может служить великая смута начала XX в., когда Россия стояла перед выбором: монархия, буржуазно-либеральная республика или республика Советов во главе с большевиками-атеистами. Божий промысел заключался в том, чтобы сберечь Россию, сохранить российскую государственность, спасти ее народ. А если это так, то совершенно очевидно, как показали последующие события, что в стране только политическая власть большевиков в состоянии была осуществить невиданное преобразование России.

Именно только так называемый сталинский проект нового типа форсированной индустриализации страны позволил всего лишь за неполные три пятилетки превратить страну во вторую промышленную державу мира. Что касается коллективизации сельского хозяйства, всеобщего образования, всеобъемлющего здравоохранения, развития науки и техники, расцвета национальных культур и социально-экономического подъема всех республик, то все это — составные звенья все того же грандиозного, невиданного в мире индустриального проекта. Мало того, одновременно был сформирован дух высочайшего патриотизма, межнациональной консолидации и единства советского народа.

Это в общем и целом в дальнейшем позволило нам не только одержать Победу в Великой Отечественной войне над объединенной Германией континентальной Европой, но и сохранить свою государственность и создать вокруг страны буферную зону национальной безопасности, равной которой Россия никогда не имела. Можно сказать, что большевики стали для России своего рода «Савлом», который преобразился в «Павла»: от революции и разрухи к возрождению великодержавности, представленной Советским Союзом.

И последнее. Никогда нельзя забывать, что во взаимоотношениях с Западом, в каком бы формате он ни выступал и на каком бы этапе своего развития ни был (колонизации или цифровизации), Россия в его представлении является огромным «недоразумением», которое его «просвещенный» ум рассматривает как препятствие на пути установления своего господства, требующее его устранения. Россия для Запада всегда была, есть и будет запредельным искусом исправить «ошибку» истории, связанную с бытием этого «недоразумения».

В новейшей истории, когда происходят невиданного масштаба геополитические сдвиги [4], Россия в силу своей духовности, географического и геополитического положения становится центром притяжения всего евразийского пространства, даже с ее относительно слабой экономикой. В данном контексте хотелось бы добавить следующее. Если Москва — «Третий Рим, а четвертому не бывать», а «Всякий Рим приводит к Вавилону» (В.Ю. Винников), то для того, чтобы нашей столице избежать такой участи (к чему немало усилий прилагают как внутренние, так и внешние наши «доброжелатели»), очевидно, необходимо осознать, что наступила эра Водолея (знак России), требующая от нашей страны быть оплотом национально-традиционных сил мира, противостоящих начавшемуся процессу расчеловечивания и стремящихся сохранить божественный миропорядок.

Литература

1. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Высшие ценности Российского государства. М.: Научный эксперт, 2012. 624 с.
2. Ващекина И.В., Ващекин А.Н. Информационный обмен между уровнями иерархий в банковских, промышленных и торговых системах // Научное обозрение. Экономические науки. 2017. № 3. С. 51—59.
3. Глазьев С.Ю. Информационно-цифровая революция // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 1. С. 70—83.
4. Завтра. 2019. № 6.
5. Иохин В.Я. Формирование нового миропорядка и Россия // Современная Европа. 2018. № 6. С. 104—111.
6. Овчинский В.С. Новая стратегия кибербезопасности США // Стратегические приоритеты. 2013. № 4. С. 15—32.
7. Осипов Ю.М. Экономика и цифра: кто кого? // Философия хозяйства. 2018. № 3. С. 11—19.
8. Шулевский Н.Б. Технос и Сфинкс // Философия хозяйства. 2018 № 6. С. 27—47.

References

1. Bagdasaryan V.EH., Sulakshin S.S. Vysshie tsennosti Rossijskogo gosudarstva. M.: Nauchnyj ehkspert, 2012. 624 s.

2. *Vashhekina I.V., Vashhekin A.N.* Informatsionnyj obmen mezhdru urovnymi ierarkhij v bankovskikh, promyshlennykh i tor-govykh sistemakh // Nauchnoe obozrenie. EHkonomicheskie nauki. 2017. № 3. S. 51—59.
3. *Glaz'ev S.YU.* Informatsionno-tsifrovaya revolyutsiya // Ev-razijskaya integratsiya: ehkonomika, pravo, politika. 2018. № 1. S. 70—83.
4. *Zavtra.* 2019. № 6.
5. *Iokhin V.YA.* Formirovanie novogo miroporyadka i Rossiya // Sovremennaya Evropa. 2018. № 6. S. 104—111.
6. *Ovchinskij V.S.* Novaya strategiya kiberbezopasnosti SSHA // Strategicheskie priority. 2013. № 4. S. 15—32.
7. *Osipov YU.M.* EHkonomika i tsifra: kto kogo? // Filosofiya khozyajstva. 2018. № 3. S. 11—19.
8. *SHulevskij N.B.* Tekhnos i Sfinks // Filosofiya khozyajstva. 2018. № 6. S. 27—47.

Р.Е. СОКОЛОВ

Философия хозяйства консервативного крыла германского протестантизма и появление имперского антисемитизма*

Аннотация. В статье речь идет о консервативных социальных идеях, распространявшихся в Германии в конце XIX — начале XX в., и об их проводнике в лице Адольфа Штокера. В рамках Евангелическо-социального Конгресса (ЕСК) по мере его дальнейшей работы становилось все труднее вырабатывать решение социального вопроса, которое устраивало бы всех его участников. Кроме того, отсутствовала поддержка этой работы со стороны кайзера и церковного руководства. Вследствие этого консервативные круги, ведомые Штокером, организовали свой блок.

Ключевые слова: Адольф Штокер, немецкий консервативный протестантизм, социальный вопрос, социальное государство.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Соколов Р.Е. Философия хозяйства консервативного крыла германского протестантизма и появление имперского антисемитизма // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 85—96.

Abstract. The article will focus on conservative social ideas that spread in Germany in the late 19th and early 20th century, as well as on their guide in the person of Adolf Stoecker. The fact was that within the framework of the Evangelical Social Congress (ESC), as it continued working, it became increasingly difficult to develop a solution to the social question that would suit all its participants. In addition, there was no support for this work from both, the Kaiser and the state church. As a result, the conservative circles led by Stoecker organized their own bloc.

Keywords: Adolf Stoecker, German conservative Protestantism, social question, social state.

УДК 21
ББК 65в

Анализ идей консервативного крыла ЕСК стоит начать с описания личности его яркого представителя — Альфреда Штокера (1835—1909), которого описывают как человека веры и церкви². После отставки с должности придворного проповедника в 1891 г. он ассоциировал себя с церковью «Старопруссского союза». В духе традиционного лютеранства Штокер не демонстрировать свою веру публично, но пытался в корне изменить ситуацию социально-экономической нищеты, охватившую большую часть населения Германии вследствие процесса индустриализации. Способствуя созданию ЕСК, он пытался объединить интересы церкви и рабочих [3, 37; 4, 38 — 111].

Штокер считал, что государство должно делать все возможное для уменьшения нужды и нищеты своих граждан в духе традиционной христианско-патриархальной заботы. Кроме того, будучи протестантом, он требовал от города и церковной общины как от социальных институтов осознать свою ответственность перед народом и начать активно поддерживать нуждающихся. Иными словами, церковь должна была, с одной стороны, стать ходатаем за нуждающихся людей перед властью, а с другой — заставить общество проникнуться этой идеей, а именно, заложить фундамент нравственного общественного сознания через свою проповедь. Штокер

² Данной статьей автор продолжает серию публикаций, посвященных феномену Евангелическо-социального конгресса (ЕСК) как публичной платформы для обсуждения социального или рабочего вопроса [1, 57 — 65].

отстаивал это убеждение всю жизнь. У него было и еще одно церковное убеждение, которое он выражал в течение всей жизни. В начале своего пребывания на пасторском посту небольшого городка он считал, что социальная проблема может быть решена путем упразднения церковного института и развития института «Внутренней миссии», основанной в частности Йоханном Хинрихом Вихерном, которая изначально занималась воспитанием беспризорников. В 1871 г. Штокер писал о суверенитете церковных общин и построении их работы в соответствии с евангельской традицией общения верующих друг с другом. Согласно этой традиции, все христианские силы должны были собраться для борьбы со злом в форме нищеты. И делать это он предлагал под знаменем «Внутренней миссии». Однако вскоре, как мы увидим, он начал использовать другие средства для реализации своих убеждений [3, 38].

Летом 1874 г. Штокер стал четвертым придворным и кафедральным проповедником в Берлине, где он испытал первые заметные отклонения населения от протестантской традиции. Ситуация подогревалась введением гражданского статута 1 октября 1874 г. Детей не крестили, умерших не отпевали, а вступающие в брак не получали церковное благословение. Все это сильно беспокоило Штокера. Однако он твердо верил в то, что немецкая нация обладала глубоко скрытым христианским духом, который проявился в немецко-французской войне 1870—1871 гг. Такое положение дел заставляло его думать, что есть другой — злой — дух, который насильно перекрывает и подавляет хороший немецкий христианский дух народа. И с тем злым духом, который, как он верил, был воплощен в социал-демократии и либерализме, нужно было бороться [3, 39].

Изначально Штокер противостоял экономическому либерализму и свободному капитализму. Вместе с тем он боролся с интеллектуальным либерализмом в политике, прессе, культурной жизни, поскольку такой либерализм дистанцировался от церкви и христианства. Штокер клеймил либерализм из-за предлагаемого им мировоззрения независимости. Противодействовать ему Штокер пытался через основание «Центрального комитета социальных реформ на религиозной и конституционно-монархической основе» в 1877 г. Данное предприятие поддерживалось выдающимися экономистами того времени в лице Рудольфа Майера и Адольфа Вагнера, а также уважаемым пастором Рудольфом Тодтом. Наряду с этим интенсив-

но велись работы по созданию «Берлинской городской миссии», помогающей бедным, и в том же году Штокер взял на себя ее руководство. Его борьба с либеральной церковной политикой была направлена против секулярного подхода, выталкивающего церковь из публичного пространства с тем, чтобы создать в нем место, свободное от влияния церкви. А чтобы не позволить злему духу проникнуть в церковь, Штокер стал активным членом «Позитивного союза». Данный союз являлся теологически ортодоксальной ассоциацией, называемой также «Партией придворных проповедников», которая возглавлялась главным придворным проповедником Рудольфом Когелем [3, 39 — 40].

В глазах Штокера либерализм угрожал, подрывал и уничтожал все, что считалось фундаментальными ценностями, куда бы он ни пришел. Среди таких ценностей было сильное государство как авторитетная структура, гарантирующая социально-экономический порядок, и сословная структура общества; традиционные нравственные нормы общественной жизни в браке, семья, школа и образование; сотрудничество церкви и государства в отношении морально-педагогического контроля над гражданами; возможность придания трансцендентного значения жизни. Штокер делал либерализм ответственным за все негативные явления своего времени, а именно: эгоизм и приспособленчество, безнравственность и упадок веры, лишения и разрушения. Именно эти явления подготовили почву, в которой иудаизм, как считал Штокер, пустил свои корни со все поглощающими и разрушающими силами. Иными словами, либерализм Штокера представлял собой тотальный процесс всеохватывающих экономических, социальных и ментальных изменений, которые вышли на поверхность на пике развития индустриализации в Германии и с которыми следовало жестоко и бескомпромиссно бороться [3, 40].

Комитет социальных реформ и деятельность во «Внутренней миссии» были для Штокера явно недостаточны. Ему были нужны более сильные рычаги. Для Штокера это означало необходимость создания политической партии, чтобы вступить в борьбу на политическом уровне. Это произошло 5 января 1878 г., когда появилась Христианско-социальная рабочая партия, планировавшаяся как альтернатива социал-демократии. Немецкая консервативная партия, членом которой был Штокер, предпочла провозгласить неограниченную солидарность с социал-демократией, с которой связывалась

надежда на повсеместное и окончательное устранение всех доминирующих политических и экономических ограничений. Но Штокер не мог войти в ряды социал-демократической партии. После выборов в июле того же года, когда его партия собрала относительно мало голосов, он обратился к мелкой буржуазии и изменил название своей партии на «Христианско-социальную партию». Новая партийная программа включала создание профессиональных кооперативных обществ с обязательным членством для всех производителей, регулирование системы ученичества, затем внедрение промышленных арбитражных судов, обязательных пенсионных фондов для вдов, сирот, инвалидов и пожилых людей, а также установление фиксированной продолжительности рабочего дня, далее разработку фабричного законодательства, восстановление закона о ростовщичестве, введение прогрессивного налога на доход и налога на наследство. Штокер понимал, что в контексте немецкого протестантизма это было революционным шагом, так что он не сильно удивился нападением со всех сторон — как внутрицерковным, так и светским. Если некоторые идейные оппоненты Штокера подчеркивали религиозно-нравственную недопустимость политической деятельности для пастора, особенно для придворного проповедника, то все клирики и коллеги-богословы были единодушны в том, что партийная политика не должна быть задачей церкви и ее служителей [3, 40 — 42].

Когель дистанцировался от активности своих коллег, и в кратком докладе после создания партии Штокера от 25 марта 1878 г. указал на то, что каждый пастор уже через его служение и провозглашение Евангелия способствовал преодолению социальной конфронтации. Поэтому, по словам Когеля, церковь была реальной социальной силой, но экономические вопросы не относились к сфере ответственности пастора. Не без основания Христос не выступал в качестве судьи или распределителя благ, а апостол Павел не занимался детальным анализом рабства — центральной социальной проблемы своего времени. Когель заверял пасторов в том, что добросовестное выполнение ими своих обязанностей являлось действенным вкладом в решение социальных вопросов. Остальное должна была сделать «Внутренняя миссия». Случай Штокера был представлен как большое исключение. Когель пытался затенить политические цели своих коллег, характеризуя создание партии как чисто евангельские усилия. Стремление Когеля изолировать Што-

кера в лагере единомышленников последнего было укоренено в ясном понимании Когеля, что партии с требованиями нижних социальных слоев на своем знамени рано или поздно придется вступить в конфликт с ведущими социальными и политическими силами церкви Пруссии. Дальнейшая жизнь Штокера, включая тяжелые конфликты в 1890-х гг., в которых большая часть молодых богословов вместе с объединившим их Фридрихом Науманном рассталась со Штокером, подтвердила правильность предосторожности Когеля. Когель четко видел вещи, которые Штокер не понимал, а именно, что ради успеха своей партии Штокеру пришлось поколебать традиционные политические и социальные основы общества, а вместе с ними и церковный порядок [3, 42 — 43].

Штокер настаивал на своей позиции и защищал свой политический шаг. Он писал в статье под названием «Церковь и общественная жизнь», что церковь еще не нашла ответа на вопрос, что она должна сделать, чтобы вновь проникнуть христианским духом заблуждающиеся массы. Шаг за шагом Штокер пришел к выводу, что на вершине всех современных ему деструктивных тенденций, особенно упадка нравственности, были евреи. Бороться с ними как с совокупностью всех негативных проявлений в обществе казалось ему единственным правильным способом [3, 43 — 44].

19 сентября 1879 г. Штокер выступил с речью, озаглавленной «Наши требования к современному иудаизму» на публичном мероприятии своей партии в Берлине, ознаменовав тем самым начало его антисемитской пропаганды и борьбы, которая с того момента имела для него центральное значение. Иудаизм был для Штокера манифестацией всех злых сил того времени. Эти силы включали экономический либерализм вместе с капитализмом, затем политический либерализм, стремившийся разрушить общественный порядок, и, в конце концов, жаждущую революцию социал-демократию. Конечно, не Штокер изобрел антисемитизм. Не он первым инициировал его использование внутри церкви, равно как и после обвала конъюнктуры в 1873 г. и кризиса либерализма в последующие годы. Штокер обратился к этой теме только после консервативного разворота во внутренней политике, предпринятого Бисмарком, т. е. после разрыва рейхсканцлера с либералами и его перехода к подчеркнуто консервативному и осторожному социальному курсу. Штокер увидел в этой тенденции стопроцентное подтверждение своих идей,

поскольку давно заявлял, что либерализм должен был вызвать всеобъемлющую катастрофу [3, 44].

Развитие либерализма повлияло на консерватизм. Небольшой средний класс, простиравшийся до крестьян, был приведен в движение индустриализацией и экономическим кризисом. Социальные лишения и экономическая нищета, связанные со всеобщей неудовлетворенностью и потерей жизненных ориентиров, усугубляемые упадком традиционных норм и авторитета властей, привели к невиданной до тех пор поляризации этого слоя. Люди искали идеологию, которой могли доверять. И не случайно они обнаружили ее в антисемитской агитации, претендовавшей на то, чтобы ясно показать, в чем была причина страданий индивида. В итоге антисемитизм среди населения стал социальной теорией, согласно которой человек мог понять, что было хорошо, а что плохо [3, 44 — 45].

Политический консерватизм пытался использовать эти настроения и тенденции в своих целях. Старая консервативная политика, направленная на защиту аристократических прав, уже не была удовлетворительной. Нужно было завоевывать массы и сотрудничать с новыми, отчасти революционными силами. Антиеврейская кампания в сочетании с массивным объединяющим обществом национализмом делала антисоциалистические, антииндустриальные и антидемократические картины весьма репрезентативными. Штокер действовал в том же контексте. Он хотел привязать к себе пришедшие в движение группы населения и способствовать их социально-политическому ориентированию. В этих группах смешивались консервативные и современные, христианские и национальные, а также антисемитские элементы. Штокер провозглашал своим идеалом социальный и политический протестантизм, направленный на единство немецкого общества и его рехристианизацию. Это намерение он надеялся реализовать в альянсе с политическим консерватизмом, чтобы стабилизировать ведущую роль протестантизма под контролем церкви [3, 45].

Иудаизм во времена Штокера подрывал, с его точки зрения, ключевые основания и ценности, на которых покоился и должен был гармонично развиваться в дальнейшем имперский рейх. Этими ценностями были единство отечества, христианско-протестантские ориентиры и консервативный общественный порядок. На этом фоне Штокер говорил об антисемитизме не как о конечной цели. Он носил скорее функциональный характер в том смысле, что иудаизм

отражал картину, противоположную той реальности, к которой стремились национальное сообщество и христианская община. Чтобы реализовать это стремление, немцы должны были внутренне и внешне отойти от еврейских качеств, которые все немцы и немки без исключения носили в себе. Когда немцы вернутся к своей сущности, то негативное влияние мощного еврейского натиска исчезнет, — провозглашал Штокер в Берлине в 1881 г. Он утверждал, что иудаизм не знает никакой радости за отечество, никакой гордости за собственную нацию. Вместо этого он являет индивидуализм и космополитизм, и, исходя из этого, он намеривается похоронить национальную самобытность народов, поработить и эксплуатировать их материально и духовно. Штокер же пытался инициировать кампанию за укрепление национального сознания, которая должна была организовать немцев на пути к достижению их совокупного внутреннего объединения в новом рейхе, несмотря на религиозные и социальные противоречия. Для Штокера это было возможно, только если бы от иудаизма можно было отгородиться, а то и вообще выбросить его из немецкого общества [3, 45 — 46].

Штокер понимал национализм не как империалистический инструмент, но как метод объединения нации — внутренне-политически и исключительно консервативным способом. Он не был заинтересован в культуре, лишенной немецких и христианских элементов, поэтому сражался в его понимании с мощным еврейским натиском. Штокер постоянно с благоговением вспоминал о тысячелетнем симбиозе национальной и христианской культуры в Германии. Решающим для будущего своей страны он считал проникновение христианских оснований во все сферы общественной жизни. Уже в 1879 г. Штокер утверждал, что господство семитского духа означало не только духовное, но и экономическое обнищание немцев. Истинные и действенные немецкие и христианские добродетели, такие как брак, семья, образование и всеобъемлющее законодательство, должны быть защищены от такого доминирования и вновь введены в общество. Он считал честность, смирение, справедливость, порядочность и мужество неотъемлемыми чертами немецкого рабочего этноса и его экономического поведения. Штокер поставил вопрос ребром, чтобы евреи, живущие среди немцев, были готовы обучаться и участвовать во всех видах работы, как это делали немцы, будь то тяжелая и неуважаемая работа, ручная рабо-

та или работа на фабриках и в сельском хозяйстве. Но ничего больше он от них не требовал [3, 46 — 47].

Функциональный характер антисемитизма Штокера подтверждали его проповеди, в которых он редко и осторожно высказывался о евреях. Он не использовал библейские тексты для антисемитских атак, но атаковал социал-демократию. Штокер, конечно, подчеркивал, что Ветхий Завет канул в лету, и божественные пророчества больше не действовали только для евреев. Но эти и подобные заявления были предметом старых стереотипов христианского антииудаизма, и это было не главное в проповедях Штокера. Он выступал против последовательного антисемитизма, понимая, что это может коснуться и Ветхого Завета, и всего христианства. Антисемитизм Штокера был, с одной стороны, открыт для проникновения расистских антисемитских элементов, и со временем такой антисемитизм стал самоцелью для некоторых радикальных национал-социалистов. С другой стороны, он высказался против современного ему национал-социализма, полагая, что его объединяющая, но вместе с тем высасывающая самобытную культуру сила может трансформировать и разрушить другие ценности, как это было с богословским либерализмом [3, 47 — 49].

В своей политической кампании Штокер исходил из необходимости извлечения людей из реальности страданий и конкретных трудностей. В этом смысле он взял на себя ведущую роль в антисемитском Берлинском движении осенью 1880 г. Штокер описывал основной принцип и его партии, и Берлинского движения как заботу о народе на «макроуровне». Дело в том, что его христианско-национальные и антисемитские высказывания дошли до антилиберального, антикапиталистического и особенно антисемитского движения, состоящего в основном из мелких ремесленников среднего класса. Восхищение, которое он вызвал в первую очередь своими антисемитскими нападками, он называл кусочком немецкого возрождения. Действительно, в то время возрождались старые буржуазные ассоциации, создавались новые объединения, проводились массовые собрания. Многие теоретикам, в том числе Штокеру, казалось, что вернулись дни Реформации. Все те группы и ассоциации были связаны с материнской структурой под названием «Консервативный центральный комитет», который принадлежал опять-таки немецким консерваторам [3, 48].

Еще одним важным моментом является факт того, что Штокер был одним из немногих среди консерваторов, кто признал фундаментальный потенциал так называемого «женского вопроса» в процессе общественных трансформаций. Его деятельность в этой области простиралась от создания общественного форума в виде ЕСК и СЦСК для обсуждения проблем женщин в рамках социального протестантизма вплоть до приглашения первой немецкой женщины — социального политика Елизаветы Гнау-Кюне для доклада на Конгресс. До того, как это случилось, прусский имперский закон об объединениях с 1850 г. запрещал женщинам вступать в политические объединения или создавать какие-либо из них. Тем не менее ни создание «Всеобщей немецкой женской федерации» в 1865 г., ни основание «Объединения Летте» в 1866 г. не встретили значительных общественных протестов. Штокер поставил трудности, с которыми сталкиваются женщины, в целый ряд социальных проблем, которые должны были решаться церковной общиной в тесном сотрудничестве с монархией. Он сформулировал позицию, которую по своей сути также представляла социал-демократия в лице ее лидера Августа Бебеля, а именно, что женский вопрос являлся социальным вопросом, и, следовательно, последний включал первый [5, 53 — 54].

Лагерь социального протестантизма мог отреагировать на неустойчивое экономическое положение одиноких горожанок только благотворительными организациями и дьяконией. Социальная работа в области благотворительности с начала XIX в. была единственной узкой тропой, по которой женщины могли войти в среду общественной деятельности, ответственности и коммуникации. Если у них возникало желание выдвинуть либеральные политические требования, то они могли быть уверены, что им будут противостоять массивные социальные и религиозные элиты. Однако не так много женщин-протестанток имели амбиции религиозной или политической эмансипации. Поэтому многие из них вставали на путь благотворительности до последних лет существования имперского рейха. И если они это делали под руководством пасторов-мужчин, которые с удовольствием соглашались принять духовное руководство подобными благотворительными организациями, такие женщины находили полное одобрение в обществе. Кроме того, для ответственной женщины-христианки считалось честью участвовать в уходе за бедными, больными и заключенными [5, 56 — 57].

Консервативные круги, согласно докладам Штокера 1890-х гг., игнорировали профессиональные потребности женщин, указывая на возможность для них присоединиться к «дьяконическим домам». Но это не казалось для него подходящим, так как, с его точки зрения, это указание описывало проблему, а не решение. Чуть позже «Внутренняя миссия» подняла вопрос о дьякониссах. Дело в том, что дьяконические дома в последней трети XIX в. сталкивались с двумя проблемами: огромной нехваткой восприимчивых во время растущей потребности в них и отсутствием женщин из привилегированных слоев. Дьяконисса стала хорошей профессией для дочерей в основном клерков и чиновников на низкой должности или ремесленников и крестьян. Такая профессия давала женщине уверенность в будущем, но без карьерного роста. Это было особенно привлекательно на фоне демографического избытка женщин и относительной обеспеченности в старости. Кроме того, решение в пользу профессии дьякониссы обуславливалось наличием религиозных мотивов, которые не были чужды большинству женщин [5, 57].

Литература

1. *Соколов Р.Е.* Становление философии хозяйства Евангелическо-социального конгресса // *Философия хозяйства*. 2018. № 6.
2. *Grauvogel G.W.* Theodor von Waechter: Christ und Sozialdemokrat, ein soziales Gewissen in kirchlichen und gesellschaftlichen Konflikten. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994.
3. *Greschat M.* Sozialer Protestantismus und Antisemitismus: Adolf Stoecker // *Sozialer Protestantismus im Kaiserreich: Problemkonstellationen — Loesungsperspektiven — Handlungsprofile* / Hrsg. von Norbert Friedrich, Traugott Jaehnichen. Muenster: Lit Verlag, 2005.
4. *Rieske U.* Lutherischer Konfessionalismus und die Soziale Frage // *Sozialer Protestantismus im Kaiserreich: Problemkonstellationen — Loesungsperspektiven — Handlungsprofile* / Hrsg. von Norbert Friedrich, Traugott Jaehnichen. Muenster: Lit Verlag, 2005.
5. *Ueberschaer E.* Sozialer Protestantismus und Frauenfrage // *Sozialer Protestantismus im Kaiserreich: Problemkonstellationen — Loesungsperspektiven — Handlungsprofile* / Hrsg. von Norbert Friedrich, Traugott Jaehnichen. Muenster: Lit Verlag, 2005.

Reference

1. Sokolov R.E. Formation of Philosophy of Economy in the Evangelical Social Congress // Philosophy of Economy. 2018. No. 6.

Т.И. КОПТЕЛОВА

Экономическая эффективность с точки зрения экологии: от ультраэкономики к органической парадигме хозяйства*

Аннотация. В статье рассматривается экологическая составляющая экономической эффективности с позиции органической философии. Исследуется проблема сохранения и преумножения природного и культурного богатства отдельных регионов при осуществлении разнообразных этнических форм хозяйственной деятельности. Анализируется органическая парадигма хозяйства как возможность осознания и преодоления ультраэкономики. Исследуются ценностные и методологические элементы органической парадигмы хозяйства, а также ее значение для будущих поколений. Органическая парадигма хозяйства рассматривается как интеллектуальная основа для стратегического планирования экономического развития России, формирования «инновационно-традиционной» модели экономики, сохраняющей этнические традиции организации жизни и способствующей творческой реализации потенциала будущих поколений.

Ключевые слова: биогеоценоз, инновации, культура, наука, парадигма органической философии, органическая парадигма хозяйства, ультраэкономика, экология, экономическая теория, экономическая эффективность.

Abstract. The scientific article considers the ecological component of economic efficiency from the point of view of Organic Philosophy. The problem of preservation and multiplication of natural and cul-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Коптелова Т.И. Экономическая эффективность с точки зрения экологии: от ультраэкономики к органической парадигме хозяйства // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 96—102.

tural wealth of individual regions in carrying out various ethnic forms of economic activity is investigated. The Organic Paradigm of Economy is analyzed as an opportunity to realize and overcome Ultraeconomics. The value and methodological elements of the Organic Paradigm of Economy are investigated, as well as its importance for future generations. The Organic Paradigm of Economy is considered as an intellectual basis for strategic planning of economic development of Russia, formation of an «innovation-traditional» model of economy, preserving ethnic traditions of organization of life and contributing to creative realization of potential of future generations.

Keywords: biogeocoenosis, innovation, culture, science, Paradigm of Organic Philosophy, agriculture, Organic Paradigm of Economy, ecology, economic theory, cost efficiency.

УДК 330, 101
ББК 65в

Экономическое развитие России начала XXI в. неразрывно связано с решением следующих проблем: 1) достижение соответствия инноваций цифровой экономики реальным процессам хозяйственной жизни страны; 2) создание экономической системы, эффективной и актуальной в настоящее время и для будущих поколений. И для того, чтобы экономическое будущее России наступило, необходимо решить следующие задачи: 1) осуществить переход к продовольственной самодостаточности и повысить уровень жизни россиян; 2) обеспечить безопасность применения технологий и сохранение природного богатства территорий; 3) остановить депопуляцию коренного сельского населения и утрату этнических хозяйственных моделей; 4) добиться доброкачественности производимых продуктов питания, их пользы для современного и будущего поколений; 5) создать условия для успешного и безопасного взаимодействия сельского хозяйства и промышленности. Обеспечение безопасности агро- и техноценозов особенно важно для нашей страны, обладающей значительной территорией, способной через промышленность и сельское хозяйство воздействовать на климат планеты [5]. И это требует иного подхода к рассмотрению экономической эффективности сельскохозяйственной и промышленной деятельности. Так, соотношение получаемых результатов производства и трудовых затрат необходимо оценивать с позиции устойчивого эконо-

мического развития, сохранения и преумножения природных богатств для будущих поколений. При этом особенно важно грамотное экологическое сопровождение промышленного и сельскохозяйственного производства в конкретных биолого-географических и культурно-исторических условиях различных регионов нашей страны.

Полноценная экологическая деятельность не возможна без мировоззренческих установок, содержащих в себе представления о феномене жизни и законах живой природы, коэволюции человечества и биосферы [2, 85—87]. При этом возможно различное понимание важнейших экологических задач с позиции взаимоисключающих интеллектуальных традиций (западной — «механистической» — и восточной — «органической»), а также соответствующих им противоположных хозяйственных моделей (интенсивной европейской и многоукладной евразийской). Именно западная экономика, несущая миру «расплывчатый глобализм» и «нейрокиберцифровой ультратехнологизм», нацелена на внешние формы, коммерческую выгоду сиюминутных экономических отношений, выстраивает виртуальный мир хозяйственной деятельности, не имеющий ничего общего с реально существующими этническими хозяйственными моделями. Стремление к предельной изошренности, «тонкости» ради получения сиюминутной коммерческой прибыли — это один из признаков ультраэкономики, готовящей постэкономический и постчеловеческий переворот, «когда вся жизнь будет для цифры» [3, 22]. За цифрой здесь скрываются эгоистические интересы, безграничная жадность «экономической элиты», не замечающей реальную жизнь других людей. Унифицированность цифровой экономики не позволяет рассматривать самодостаточность и ценность отдельных этнических моделей организации хозяйственной жизни. Но конец любой унификации — это самоотрицание, на что направлена и ультраэкономика, появившаяся в «трансмеханистической» парадигме западной философии. Другие интеллектуальные традиции (например, органическая философия) еще сохранили некоторую долю оптимизма, способствующую противостоянию разрушающим началам ультраэкономики.

Обращение к природе (реальным биогеоценозам) и к живой культуре (этническим традициям) в парадигме органической философии дает возможность формирования альтернативного взгляда на экономическую эффективность (не с позиции коммерческой выгоды

и обмана «стоимости стоимости» [3, 14], а с точки зрения экологии природы и культуры. При этом достаточно глубоким представляется экологический анализ хозяйственной деятельности на основе методологии органической философии, создаваемой отечественными и зарубежными учеными, содержащей комплексный подход в понимании экологических проблем и экономической эффективности. Дело в том, что парадигма органической философии включает в себя согласованное взаимодействие инноваций в различных областях естественнонаучного, математического, социально-гуманитарного познания и дает возможность формирования органической парадигмы хозяйственной жизни.

Органическая парадигма хозяйства создается на основе принципа внешнего и внутреннего согласования теоретического и предметно-практического знания с целью его эффективного использования в различных сферах жизнедеятельности общества (экономической, политической, культурной). Внутреннее согласование — повышение эффективного взаимодействия отдельных дисциплин (управление интеллектуальными ресурсами) в решении хозяйственных вопросов. Внешнее согласование — интеграция знаний, полученных в процессе осуществления различных форм познавательной деятельности (наука, искусство, религия, реализация этнических традиций жизни в конкретном регионе). Органическая парадигма хозяйства формируется на основе комплексного подхода (рассмотрения целостной функциональности и целесообразности), что позволяет интегрировать все уровни и направления знаний, умений и навыков, необходимых для решения экологических вопросов и устойчивого экономического развития нашей страны [1, 174—176]. Так, реализация комплексного экологического подхода оценки экономической эффективности в органической парадигме хозяйства позволяет выделить следующие методы: 1) этно-экологический метод исследования производственной деятельности с целью повышения инновационной активности и экономической эффективности предприятий; 2) метод культурно-исторического и биогеохимического рассмотрения феномена жизни; 3) метод определения целевой детерминации будущего (особенно важен для обеспечения политического суверенитета и экономической независимости для будущих поколений); 4) метод формирования преемственности на основе возрождения исторической памяти, восстанавливающей органическую связь поколений (оптимизация интеллектуальных ресурсов

общества); 5) биогеоэкологический метод анализа параллельного развития этноса и природного ландшафта (ресурсосберегающие и «природоподобные» технологии).

Этно-экологический метод исследования производственной деятельности общества в органической философии формируется на основе пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева благодаря современным достижениям этнологии и экологии. Он позволяет определить возраст этноса, влияние биолого-географических условий на хозяйственную деятельность, а также степень проявления материальных и духовных потребностей людей (уровень «давления общества на ландшафт» и творческую (инновационную) активность — пластичность духовной культуры). При этом метод культурно-исторического и биогеохимического рассмотрения феномена жизни способствует успешной интеграции естественнонаучных и гуманитарных знаний в дальнейшем изучении законов развития живой природы и общества, без чего невозможна реализация комплексного подхода в изучении экономической деятельности. И здесь важен метод определения целевой детерминации будущего, сформированный на основе органической логики и такого ее закона, как закон одновременного действия двух детерминаций (причинной детерминации прошлого и целевой детерминации будущего), где именно цель развития будущих поколений выступает как первичное начало по отношению к проживаемому моменту настоящего. Определение целевой детерминации будущего особенно важно с точки зрения сохранения природного и культурно-исторического облика локальных территорий, а также при стратегическом планировании жизни целого народа на десятилетия и столетия вперед. Так, исходным интеллектуальным и этическим принципом в органической парадигме хозяйства является природо- и человеко-сбережение, т. е. сохранение естественных биогеохимических возможностей ландшафта и творческих познавательно-преобразовательных способностей личности. Именно творческие способности каждой отдельной личности и народа в целом являются основой инновационной активности во всех сферах жизни общества. И это также один из факторов, определяющих экономическую эффективность производственной деятельности. Здесь важно помнить и об экономической парадигме — государственном и общественном понимании экономических целей будущего, стратегическим планированием творческого развития хозяйственной деятельности [4, 21—22].

Метод формирования преемственности в органической парадигме хозяйства предполагает интеграцию естественнонаучных и гуманитарных знаний (возрождение духовных и хозяйственных традиций многих поколений жителей определенного региона). Данный метод опирается на глубокое исследование, понимание, принятие личностью и обществом истории своего рода (семьи), края, страны, что необходимо для формирования гармонично вписывающихся в природный и культурный ландшафт техно- и агроценозов. Данный метод позволяет рассматривать устойчивость этнической системы, а также решать вопросы безопасности и «природоподобия» техносферы, включая сельское хозяйство. А устойчивую экономическую эффективность будущего невозможно обеспечить без рационального использования природного и культурного потенциала каждого отдельного региона.

Таким образом, с точки зрения органической парадигмы хозяйства выводы об экономической эффективности тех или иных бизнес-проектов необходимо делать с учетом результатов мониторинга безопасности продукции растениеводства, животноводства, а также пищевой, легкой и тяжелой промышленности, экологического анализа используемых природных ландшафтов (влияния хозяйственной деятельности на здоровье населения, качество жизни и т. д.). И здесь не менее важно при оценке экономической эффективности учитывать возможность решения проблем утилизации отходов промышленных и сельскохозяйственных предприятий, а также информационную и культурную поддержку экологических проектов, их популяризацию, введение в контекст массовой культуры. При этом органическая парадигма хозяйства представляет собой не только особый способ понимания экономической деятельности, но и методологию, позволяющую сохранить природное и культурное богатство разнообразных регионов нашей страны. Органическая парадигма хозяйства — результат естественного развития интеллектуальных традиций, свойственных многим народам; такое видение экономической жизни, которое позволяет создать традиционно-инновационную модель экономики, в каждом отдельном регионе неповторимую, соответствующую биогеохимическим и культурно-историческим особенностям ландшафта. Экономика органической парадигмы многогранна — с различными этническими моделями хозяйства, поддерживается творческими силами своих создателей-народов (этносов), меняющаяся вместе с устремлениями и нуждами

новых поколений. Поэтому именно органическая парадигма хозяйства способна нас вернуть к реальным потребностям и возможностям, к ощущению хозяйственной жизни как неотъемлемой части духовного и материального бытия общества. И здесь органическая парадигма хозяйства противоположна ультраэкономике, уничтожающей, выводящей за поле реальности те самые производительные силы и производственные отношения, без которых невозможна жизнь общества вообще.

Литература

1. *Коптелова Т.И.* Логика органического как основа методологии изучения устойчивого экономического развития // *Философия хозяйства*. 2016. № 1. С. 172—178.
2. *Коптелова Т.И.* Природоподобие цифровых технологий в парадигме органической философии // *Философия хозяйства*. 2019. № 4. С. 83—95.
3. *Осипов Ю.М.* Ультраэкономика как высшая историческая форма экономики и верная предтеча постэкономики // *Философия хозяйства*. 2019. № 4. С. 11—23.
4. *Слепаков С.С.* Генезис парадигмы экономико-хозяйственной системы современной России: от выживания к развитию // *Философия хозяйства*. 2019. № 3. С. 18—27.
5. *Zimov S.A.* Pleistocene park: return of the mammoth ecosystem // *Science*. 2011. Т. 308. Р. 796.

References

1. *Koptelova T.I.* Logika organicheskogo kak osnova metodologii izucheniya ustojchivogo ekonomicheskogo razvitiya // *Filosofiya hozyajstva*. 2016. № 1. S. 172—178.
2. *Koptelova T.I.* Prirodopodobie cifrovyyh tekhnologij v paradigme organicheskoy filosofii // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 4. S. 83—95.
3. *Osipov Yu.M.* Ul'traekonomika kak vysshaya istoricheskaya forma ekonomiki i vernaya predtecha postekonomiki // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 4. S. 11—23.
4. *Slepakov S.S.* Genezis paradigmy ekonomiko—hozyajstvennoj sistemy sovremennoj Rossii: ot vyzhivaniya k razvitiyu // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 3. S. 18—27.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

А.З. НОВАК

**Польские дилеммы развития:
что нужно инновационной экономике?***

Аннотация. В статье представлены факторы и условия, которые могут обеспечить модернизационный успех Польши. Выделена роль промышленной и структурной политики на базе теории Новой структурной политики, автором которой является профессор Пекинского университета Джастин Ифу Линь, а также его сотрудники и ученые факультета управления Варшавского университета. На фоне сегодняшних вызовов представлены некоторые проблемы, возникающие на польском пути к инновационной экономике. Отмечено, что инновационный потенциал польской экономики нельзя сводить лишь к технико-экономическим процессам. Существуют также социальные и культурные обусловленности — например, общественный капитал, — в существенной мере предопределяющие способность экономики к созданию и внедрению инноваций.

Ключевые слова: новая структурная экономика, структурная политика, план ответственного развития, гиперглобализация, новая парадигма развития, инновационная экономика.

Abstract. The article presents the point of view related to the decisive factors and conditions that may determine the success of Poland's modernization. The role of industrial and structural policy is outlined, based on the theory of New Structural Economics, whose author is the Chinese professor Justin Yifu Lin of Beijing University and his scientific environment, including scientists from the Faculty of Management of the University of Warsaw. Regarding the challenges for a more innovative economy, some conditions and problems occurring on the Polish road to the absorption of innovative activities have been presented. It was found

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Новак А.З. Польские дилеммы развития: что нужно инновационной экономике? // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 105—117.

Перевод с польск. Д. Столярек (Варшавский университет).

that the building innovative potential of the Polish economy should not be reduced only to technical and economic processes. There are also social and cultural conditions. For example, social capital also largely determines the ability of the economy to create and absorb innovation.

Keywords: New Structural Economics, structural policy, Plan of Responsible Development, hyper globalization, new development paradigm, innovative economy.

УДК 338, 339
ББК65.5

Введение

Что может оказаться решающим для модернизационного успеха Польши? Шанс на этот успех заключается прежде всего в инновационности польской экономики — это общее мнение экономистов и политиков. Но как этого добиться? На нынешнем этапе развития нашей экономики кажется наиболее обоснованным поиск таких действий и принятие таких решений, которые соединят эффективную и конкурентоспособную рыночную систему с предпринимчивым государством, создающим возможность проведения структурных экономических преобразований. Проводимая до сих пор модернизация в промышленности, в существенной мере опирающаяся на копирование западных методов и технологий, дает лишь косвенное повышение конкурентоспособности польской экономики. Однако сегодня экономическое развитие должно проходить в большей степени путем достижения более высоких уровней в цепи создания добавленной стоимости продукта путем ускоренного изменения структуры экономики, в которой растущую роль должны играть секторы с самой большой эффективностью и уникальностью. С этой точки зрения востребована *новая структурная политика*, она становится реальным шансом на повышение инновационности польской экономики.

Новая структурная экономика: польская перспектива

Автором теоретической концепции Новой структурной экономики является профессор Пекинского университета, а в период 2008—2012 гг. главный экономист и заместитель президента Всемирного банка Джастин Ифу Линь. В своих исследованиях он уделяет внимание проблемам и барьерам развития, существующим во

многих странах с общественно-экономическим уровнем, подобным польскому, указывая на ловушки и помехи, на которые натываются быстро развивающиеся страны на пути укрепления прочного экономического роста, или шире — более справедливого общественно-экономического развития.

По мнению профессора Линя и его окружения (а также сотрудников факультета управления Варшавского университета), динамичное развитие требует органичной связи между рынком и государством, связи, заключающейся в том, что рынок эффективен только тогда, когда государство играет вспомогательную роль в преодолении отклонений в его функционировании. Развивающееся государство — неважно, сильное оно или слабое — может прагматично проводить политику, стимулирующую динамичный рост, даже несмотря на существующие недостатки в виде слабо развитой инфраструктуры и институтов [4, 137—138].

Линь не высказывается за значительное расширение контроля рынка государством и углубление простого интервенционизма. Однако он утверждает, что государство выполняет существенную, стимулирующую, регулирующую, продвигающую роль, облегчающую функционирование рынка, и тем самым является желательным, а иногда и необходимым условием прочного социально-экономического развития.

Ключевые рассуждения Линя и его сотрудников касаются экономического развития, проходящего в динамичном процессе. Это процесс постоянных технологических инноваций и модернизации промышленности. В таких модернизациях и усовершенствованиях важны первый игрок, первое движение. В ходе этого процесса возникают две проблемы, связанные с несовершенством рынка. Первой из них является внешний фактор, т. е. правительство должно создать стимул для первого игрока. Вторая — координация ради улучшения функционирования отечественных институтов и инфраструктуры, влияющих на транзакционные издержки и вероятность успеха первых игроков. Итак, кроме действенного рыночного механизма, необходимы правительство или его институты стратегического характера, играющие активную роль в помощи структурным преобразованиям [4].

Эти два условия — эффективный рынок и государство, облегчающее проведение преобразований — создают шанс для достижения компаративного преимущества и в более длительной пер-

спективе открывают всю экономику для мирового рынка. Устремление к компаративным преимуществам создает возможность получения финансовых излишков и приводит к росту инвестиций.

Линь и сторонники его теории также обращают внимание на качество политического класса. Стремясь к модернизации, политическое руководство многих стран использует стратегии, содержащие подбор разных политических рекомендаций, в том числе указаний и парадигм, которые должны гарантировать достижение экономических успехов. Из-за сложного характера модернизации развивающихся и догоняющих стран, а также из-за неодинакового понимания этих процессов политическим руководством часто следуют доминирующим экономическим и социальным идеям. Именно доминирующие, экономические идеи нередко формировали правовой порядок развивающихся стран (речь идет о концепциях так называемого Вашингтонского консенсуса, рекомендующего проведение приватизации, либерализации и дерегуляции экономики и резкое ограничение роли государства).

Проблема заключается в том, что при стремлении к модернизации доминирующая общественная и экономическая идея опиралась на ошибочное восприятие основных причин и погрешностей развивающихся стран и государств со средним уровнем развития. Многие экономические стратегии возникли под влиянием предыдущих поколений экономики развития, которые вводили в заблуждение политических руководителей и деформировали экономическую политику в этих странах. В результате правительствам не удалось сдержать обещания, что эти страны добьются таких же успехов, какие выпали на долю развитых стран. Принятые ими меры, наоборот, приводили к стагнации, частым кризисам и даже к катастрофическим последствиям для их экономик [5].

Лишь немногим странам в этот период удалось уклониться от влияния доминирующей экономической и социальной идеологии — примерами служат «восточноазиатские тигры» в 1960-е гг. и Китай в 1980-е и сегодня. Руководители этих стран не поддались чрезмерному влиянию доминирующих тогда теорий, кроме того, в период трансформаций применили прагматичный подход.

Этот экономико-социальный подход Линя и сторонников Новой структурной экономики сейчас сочетается с критическими раздумьями о состоянии экономик многих развитых капиталистических стран и шире — о состоянии глобальной экономики.

В поиске новой парадигмы развития

Председатель Польского экономического общества профессор Эльжбета Мончинска считает, что «в экономике имело место несколько отрицательных явлений под влиянием неолиберальной доктрины и доминирования неоклассического направления, характерного для рыночного фундаментализма, т. е. тезиса, что рынок все замечательно решает, включая этику. В связи с тем роль государства должна минимизироваться, как отметил Фердинанд Лассалл, хотя ошибочно это утверждение приписывается интеллектуальному отцу экономии и либерализма Адаму Смиту, государство выступает в роли ночного сторожа. Это означает, что государство отказывается от своей активной роли в формировании экономической и социальной политики. Вопрос необходимости изменений в экономике нарастает. Глобальный финансовый кризис в 2008 г. вызвал даже бунт среди студентов-экономистов на фоне расхождения между усваиваемой ими теорией и практикой. Студенты из Манчестерского университета во время одного из протестов даже говорили что-то такое: “Мы учимся, что экономика уравновешенная, рынок удаляет все неравновесия, тем временем разражается кризис — самый серьезный за послевоенный период — и никто в университете нам это объясняет. Что нам преподают на самом деле? — модели, диаграммы, математические зависимости, но не объясняют причин этих явлений. Если отождествляем развитие только с экономическим ростом, то ускользают от нашего внимания, например, две опоры: социальная и экологическая. Каковы последствия?” В трансформации во многих странах почти три десятилетия имели место социальные и экологические упущения. Сейчас в мире, не без оснований, появляются такие концепции, как безусловный основной доход...» [7].

Как существенно изменяется еще недавно доминирующая парадигма развития, свидетельствует присуждение Шведской академией Нобелевской премии по экономике в 2019 г. трем ученым — Абхиджиту Банерджи, Эстер Дюфло и Майклу Кремеру. Их наградили за экспериментальный подход к борьбе с бедностью. Эти ученые занимаются экономикой развития — анализируют, объясняют и показывают, почему страны развиваются разными темпами, почему одни общества эффективнее других и почему в одних неравенство в доходах растет, а в других — сокращается. Линь и его сотрудники, а также нобелиаты 2019 г. утверждают также, что финансовая по-

мощь от таких учреждений, как Всемирный банк, должна быть направлена на решение конкретных проблем в развивающихся и догоняющих странах, но способом, наиболее приспособленным к культуре, обычаям и законам страны, ее принимающей.

Шведская академия обратила также внимание на то, что «работа нобелиатов показала, как можно решить проблему бедности, задавая более четкие вопросы, касающиеся, например, образования, здравоохранения». Важна также активная роль правительств в тех странах, которые должны определять и разумно поддерживать индивидуальные социальные нужды. По мнению лауреатов Нобелевской премии, в прошлые десятилетия финансовая помощь в основном передавалась напрямую правительствам, которые должны были ее наиболее эффективно использовать, зная местные условия. Однако правительства развивающихся стран часто коррумпированы и не располагают экспертной базой, что приводит к расточительству фондов и углубляет неравенство в доходах.

Проблема неравенства в отношении имущества и доходов, или же равных шансов, которые люди получают уже на старте, не касается только развивающихся стран и тех, которые пытаются догнать высокоразвитые государства. Кристин Легард в своем первом выступлении после назначения на пост председателя Европейского центрального банка отметила, что страны еврозоны должны больше сосредоточиться на укреплении своих внутренних рынков, инвестиций в публичный сектор и выравнивании социального неравенства («инклюзивная политика»), чтобы справиться с вызовами глобальной экономики. Она призвала к укреплению европейского внутреннего рынка путем завершения выработки единого цифрового рынка, союза рынков капитала и единого рынка услуг, которые «являются составными элементами экономики будущего», как и необходимости завершения экономического и валютного союза. Говорила она также о «моменте шанса» для Европы, утверждая, что необходимо делать ставку на инновации и инвестиции, чтобы сохранить конкурентоспособность в продолжительной перспективе и тем самым ответить на глобальные вызовы структурного характера. По ее мнению, денежная политика могла бы достичь своих целей быстрее и с меньшим количеством побочных последствий, если бы вместе с ней другие политики государств и правительств ее поддерживали. Правительства стран еврозоны, например, должны проявлять общий

интерес к сохранению высоких уровней публичных инвестиций, которые сейчас ниже желательного уровня [3].

Сегодня трудно недооценивать роль государства в общественно-экономическом развитии. Эту проблему оригинально и творчески затрагивает профессор Мариана Мацукато в книге «Государство-предприниматель: разоблачая мифы об общественном секторе» [6, 70]. Во введении к польскому изданию этой книги польский премьер-министр Матеуш Моравецки обращает внимание на то, что политики наиболее развитых стран мира являются «сторонниками лесеферизма только на словах — в сфере экономической политики они сторонники активизма и участия государства в самых важных экономических процессах, в том числе в промышленной политике и политике поддержки предпринимательства» [8]. Моравецки убеждает, что мастерством современной промышленной политики является оптимальное взаимодействие государственного и частного секторов.

Большим достоинством книги Мацукато являются итоги проведенных исследований, подтверждающие, что государства, которые добились самого большого успеха, умело стимулировали инновационные процессы в экономике благодаря сотрудничеству государственных институтов и частного сектора. К примеру, Мацукато представляет неопровержимые доказательства, подтверждающие, что правительственными грантами пользовалась и Силиконовая долина, и многие технологические компании (например, Apple, iPod), ныне ведущие в области нанотехнологий, биотехнологий, фармацевтического сектора и др. Частные компании просто использовали государственные гранты, которые позволили им совершить переломные открытия, чтобы потом провести коммерциализацию с гигантской прибылью.

Что касается польских перспектив на фоне диагнозов, содержащихся в книге Мацукато, то стоит сделать выводы, касающиеся способов, характера поддержки и внедрения в пользу предпринимательства и инноваций польской промышленности и польских фирм, опираясь на опыт развитых стран мира, а также, в некоторой мере, на американский опыт.

Многие важные указания и рекомендации следует вывести из теорий и уже проверенного опыта, следующего из имплементации Новой структурной экономики. Польша сейчас ищет эффективные инструменты сохранения высокого экономического роста и сокра-

щения пробелов в развитии, прежде всего по отношению к странам Западной Европы. Одновременно стремится к более уравновешенному развитию и общественному одобрению проводимых реформ. В некоторой мере польским ответом на нынешние глобальные социальные и экономические вызовы является авторский План ответственного развития премьер-министра Матеуша Моравецкого, в котором отмечается важность объединения эффективной и конкурентоспособной рыночной системы с государством, поощряющим облегчение и поддержку структурным экономическим преобразованиям.

Вызовы для инновационной экономики

Чтобы Польша могла быстрее продвигаться в сторону наиболее развитых стран мира, необходим анализ внешних обусловленностей ее экономики. Польша в экономической сфере является составляющей международного порядка, созданного в условиях прогрессирующей гиперглобализации. Особенно в более продолжительный период ключом к стабильному и уравновешенному социально-экономическому развитию становятся системные действия в пользу повышения конкурентоспособности и эффективности фирм и в результате всей экономики путем *дифференциации инновационных подходов*.

Сложность, издержки и риск, которые возникают в процессе инноваций, определяют то, что государство становится важным субъектом в создании условий, способствующих появлению новых продуктов и бизнес-моделей. И вместе с тем не трудно уловить основные тенденции в инновационной политике многих ведущих стран мира [9, 597—598].

Необходимо отойти от нынешней модели проведения инновационной политики, опирающейся на одну фирму, в пользу модели, опирающейся на сотрудничество многих фирм, действующих во многих взаимодополняющих сферах предпринимательства. Все более распространенным становится образование кластеров новых технологий или консорциумов, в которых сотрудничество опирается не только на подобные научные или технологические уровни, но и на специфику местного рынка, с учетом культурного аспекта.

Регион все чаще становится местом интеракций, нужных для возникновения модернизационных процессов, а его особенности и специфический потенциал способствуют снижению инновационно-

го риска, облегчают усвоение разного вида знаний, создают возможность интерактивного обучения и обмена опытом.

Во все большей степени малые и средние предприятия, а также стартапы, поддерживаемые государством, будут в значительной мере участвовать в инновациях, ибо их главными движущими силами являются не только объем расходов на исследования, но их креативность и возможность использования высокого уровня развития точных наук, которые могут применяться отдельными людьми и относительно небольшими группами лиц. В связи с этим заметно повышение значения на рынке инновационных семейных компаний. (Однако упомянутая выше Мариана Мацукато утверждает, что малые, в том числе и семейные, компании менее эффективны, потому что они, как правило, плохо управляемы, проявляют меньшую склонность к риску и поэтому лучшими способами поддержки малым фирмам являются преодоление ограничений их входа на рынки, внедрение политики конкурентоспособности и противодействия лоббизму крупных фирм и их представителей.)

Нарастающие сложности, издержки и риски инноваций повлияют на то, что более ценными будут становиться связи между субъектами, выходящими за рамки обычных рыночных отношений. Речь идет о связи фирм с вузами, исследовательскими лабораториями, поставщиками консалтинговых и технических услуг.

Важным методом внедрения инноваций, направленным на создание новых продуктов и решений, становится концепция выработки спроса на инновации. Опирается она на лучшее понимание явных и скрытых требований, ожиданий и нужд потребителей и осуществляется путем создания действенных механизмов привлечения и использования информации, поступающей от потребителей, а часто — путем использования их идей и готовых решений.

Инновационная деятельность фирм в XXI в. не будет направлена исключительно на максимизацию прибыли, а в большей мере — на изменяющиеся нужды человека. Эти ожидания могут оправдать особенно малые и средние фирмы. Новой динамики следует ожидать от развития таких областей, в которых существенное значение будут иметь: так называемые зеленые технологии, медицинские технологии, информационные технологии, биотехнологии и нанотехнологии, роботизация и искусственный интеллект.

На уровень инновационности фирм и экономик во все большей мере будут воздействовать культурные факторы, традиции,

высокий уровень организационной культуры и модели экономического развития [9].

Опыт некоторых стран — США, Японии и Китая, — касающийся уровня и характера инноваций, позволяет отметить, что нет готовых и одинаковых рецептов на основные созидательные силы, обуславливающие успех инновационного потенциала. В упомянутых странах нередко выступают разные условия и механизмы создания инноваций как фактора экономического развития.

Польский путь к инновациям

Из этих новых тенденций, появляющихся в процессе гиперглобализации, Польша должна сделать правильные выводы. Сегодня польским ответом на нынешние вызовы являются концепции и их осуществление, содержащиеся в Плане ответственного развития, в котором на технологические и организационные преобразования, служащие попыткам повышения эффективности и конкурентоспособности, влияет (еще в недостаточной мере) новая промышленная и структурная политика правительства. Премьер-министр Моравецки в предисловии к польскому изданию вышеупомянутой книги М. Мацукато, говоря о роли государства-предпринимателя, констатирует: «Если посмотрим на инструменты, применяемые государствами, достигавшими самых больших успехов в поддержке своих фирм, заметим, что они используют в основном традиционные prerogatives государства в области экономической политики. Итак, среди инструментов заметим хорошо продуманную политику госзаказов, исправную политику финансирования грантов на исследования и развитие, эффективную налоговую политику, ответственную деятельность регуляционных органов и легкодоступное финансирование стратегических проектов государственными институтами развития» [8].

Завершая вступление, премьер-министр отмечает, что в нынешней модели развития надо также учитывать меняющиеся *социальные обусловленности*. Только инклюзивный и социально ответственный рост может оказаться «оплотом, на котором построим современную экономику, способную справиться с вызовами XXI в.». Этот аспект социальных обусловленностей в пользу инновационной стратегии в Польше заслуживает отдельного анализа.

Польша действительно должна справиться со стадией развития периода трансформации и обрести возможности развития эко-

номики, необходимые для преодоления исторически сформированного соотношения ВВП на душу населения, составляющего около 65% уровня ВВП стран Западной Европы. В нематериальной сфере этот контекст социальных обусловленностей, касающихся инновационного потенциала польской экономики, кажется ускользает от широких размышлений. На самом деле это чрезвычайно существенная составляющая экономической инновационности. Эта тематика появилась в публикации Гжегожа Йенджейчака и Генрика Стерничука под названием «Инновационность — польская проблема развития. Вдогонку за Западом в условиях отсутствия преимущественности». Авторы обращают внимание, в частности, на значение культурного капитала, утверждая что, «опыт отдельных случаев успеха, как и неудач, показывает, что нет единого рецепта культурного развития, но существуют культурные ограничения. Общества, в которых личности чувствуют связь с традиционалистскими ценностями и одновременно сосредоточены на идее выживания, при незначительном стремлении к самовыражению часто малоинновационные. Инновация является экспрессией отличия, и, чтобы его генерировать, люди должны чувствовать себя свободно в проявлении своих взглядов, даже если они являются меньшинством в обществе или конкретной группе на рабочем месте, и даже тогда, когда их ошибочность не подвергает автора насмешкам и остракизму» [2, 55].

Авторы также цитируют Инглхарта и Бейкера, которые утверждают, что экономическое развитие связано с перемещением от абсолютных норм и ценностей в сторону ценностей, которые становятся рационалистскими, толерантными, основанными на доверии и партисипации. В таком смысле Йенджейчак и Стерничук обращаются к ценностям, создающим так называемый социальный капитал.

Проблема соотношений между личностью и коллективом является предметом исследований многих социологов и политологов. «Социальный капитал здесь относится к таким чертам социальной организации общества, как доверие, нормы, связи, которые способствуют повышению жизнеспособности общества, облегчая координированные действия. Так же как и другие виды капитала, социальный капитал эффективен, создает возможность достижения определенных целей, которых не удалось бы достичь, если бы его не оказалось» [10, 258].

В Польше социальный капитал, необходимый для проявления новаторского, инновационного подхода, оказался на низком уровне. Понимание же политики как острого спора между главными политическими группировками ведет к глубокому, часто неотвратимому, разделению между не только отдельными лицами, но и общественными группами. Это ограничивает способность к проявлению столь желательного доверия — конструктивного взаимодействия членов общества, необходимого для расширения инновационных способностей.

Заключение

Обращаясь к ранее высказанным замечаниям, касающимся польского пути к росту инвестиций, инновационности экономики, надо констатировать, что нельзя исключительно сводить создание инновационного капитала польской экономики к экономическо-технологическим процессам или же к наиболее востребованным и даже необходимым, решениям в области промышленной политики, структурным решениям предпринимаемым государством или хозяйственными субъектами, в рамках модели развития. Существуют еще и общественные и культурные обусловленности. Социальный капитал в большой мере также предопределяет способность экономики создавать и развивать инновации.

Литература

1. Buera F.J., Shin Y. Financial Frictions and the Persistence of History: A Quantitative Exploration // *Journal of Political Economy*. 2010. No. 121 (2). P. 221—272.
2. Jędrzejczak G., Sterniczuk H. Innowacyjność-polski problem rozwojowy. Doganianie Zachodu w warunkach nieciągłości. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Wydziału Zarządzania UW (w druku), 2019.
3. Lagarde Ch. President of the European Central Bank (ECB) addresses the 29th Frankfurt European Banking Congress in Frankfurt, Germany, 2019.22.11: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecb.europa.eu>.
4. Lin J.Y., Nowak A.Z. Nowa polityka strukturalna w warunkach otwartej gospodarki rynkowej. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Wydziału Zarządzania UW, 2018.

5. *Lin J.Y.* Economic Development and Transition: Thought, Strategy and Viability. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009.
6. *Mazzucato M.* Przedsiębiorcze państwo. Obalić mit o relacji sektora publicznego i prywatnego. Poznań: Wydawnictwo Ekonomiczne Heterodox, 2016.
7. *Mączyńska E.* Wywiad dla // Obserwatora Finansowego. 2019. 18 now.
8. *Morawiecki M.* Przedmowa Mazzucato M., Przedsiębiorcze Państwo. Obalić mit o relacji sektora publicznego i prywatnego. Poznań: Wydawnictwo Ekonomiczne Heterodox, 2016.
9. *Nowak A.Z., Zalega T.* Makroekonomia. Warszawa: PWE, 2019.
10. *Putnam R., Leonardi R., Nanetti R.* Demokracja w działaniu: tradycje obywatelskie we współczesnych Włoszech. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy Znak; Warszawa: Fundacja im. Stefana Batorego, 1995.

Л.Б. ПАРФЕНОВА, Г.А. КОРОЛЕВА

Алгоритмы как инструмент государственного патернализма*

Аннотация. Принимая различные экономические решения на протяжении своей жизни, человек руководствуется собственными интересами. При этом выбор человека не всегда является рациональным. Цена неверного принятия подобного решения довольно высока: от него может зависеть благосостояние самого человека и членов его семьи. В ходе эволюции общества степень сложности принимаемых решений возрастает, как и риски, с ними связанные. Принимая то или иное решение, человек опирается на знания, накопленный опыт или алгоритм, который ему предлагает общество. Разработку наиболее значимых алгоритмов берет на себя государство, реализуя политику патернализма. Как правило, алгорит-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Парфенова Л.Б., Королева Г.А. Алгоритмы как инструмент государственного патернализма // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 117—128.

мы, формируемые государством, закрепляются законодательными и нормативными актами. Оценка последствий введения алгоритмов неоднозначна. Принято считать, что, снижая риски при принятии наиболее ответственных решений, государство, обеспечивает безопасность граждан и способствует росту экономической и социальной защищенности. При этом негативное воздействие алгоритмов на общество, как правило, не рассматривается. Считается, что оно невелико. Но, рассматривая отсроченный эффект воздействия на общество, такая оценка может быть скорректирована. В данной статье авторы предпринимают попытку проанализировать последствия введения алгоритмов участия в жилищном строительстве для экономической и социальной сфер жизни общества.

Ключевые слова: экономические решения, алгоритмы, государственный патернализм.

Abstract. Making various economic decisions throughout a person's life is guided by his own interests. At the same time, a person's choice is not always rational. The cost of incorrectly making such a decision is quite high: the well-being of the person himself and his family may depend on him. As society evolves, the complexity of decisions increases, as do the risks associated with them. When making a decision, a person relies on knowledge, accumulated experience or algorithm that society offers him. The development of the most significant algorithms is assumed by the state, implementing the policy of paternalism. As a rule, algorithms formed by the state are enshrined in legislative and normative acts. The assessment of the implications of introducing algorithms is ambiguous. It is common to believe that by reducing risks in making the most responsible decisions, the State ensures the safety of citizens and contributes to the growth of economic and social protection. At the same time, the negative impact of algorithms on society is usually not considered. It is believed to be small. But by considering the delayed effect of the impact on society, such an estimate can be adjusted. In this article, the authors attempt to analyse the consequences of the introduction of algorithms for participation in housing construction for the economic and social spheres of society.

Keywords: economic solutions, algorithms, state paternalism.

УДК 332.01; 33.024

ББК 65.9 (2Рос)-94; 65.9 (2Рос)-98

Человек на протяжении своей жизни окружен людьми. Взаимодействуя с ними, он приобретает разнообразный социальный опыт. Осуществляется процесс социализации личности. При этом указанный опыт, будучи субъективно осмысленным, оказывает влияние на формирование мировоззрения личности, ее поведение. Одновременно личность, вступая в различные социальные связи, реализует функции, наложенные на нее обществом. Но их реализация происходит с учетом опыта и знаний, накопленных личностью. Таким образом, результат деятельности личности в рамках ее социальной функции будет носить на себе отпечаток субъективно переосмысленного личностью опыта. Результат такой деятельности будет менять и все общество, в котором существует и действует данная личность.

Чем более высоко развито общество, тем большие требования оно предъявляет к личности в части ее знаний и навыков. Современное общество, находясь на достаточно высоком уровне технологического и информационного развития, предполагает, что любой член общества в состоянии решать вопросы, касающиеся обустройства жизни, приобретения профессиональных знаний и навыков, формирования имущества и т. д. Такая способность обеспечивается различными инструментами: изучением отдельных дисциплин, получением навыков, облегчающих решение поставленных задач, созданием алгоритмов. Последние весьма разнообразны и многочисленны.

Часто термин «алгоритм» ассоциируется у нас с чрезвычайно сложными операциями, связанными с большими объемами данных, мировой политикой и крупными бизнес-процессами (производствами). В то же время алгоритм — это всего лишь ограниченная последовательность шагов, которая используется для решения какой-либо задачи. Алгоритмы окружают нас в повседневной жизни и сопровождают практически любое наше действие. Все мы пользуемся различными алгоритмами, производя различные платежи безналичным путем, получая информацию через различные сервисы, регистрируя свои права на различные объекты, подтверждая свою квалификацию, осуществляя поиски работы и многое другое.

Алгоритмы различаются по сложности и продолжительности реализации. Они стали неотъемлемой частью жизни любого человека. «Понятие “алгоритм”» все чаще воспринимается как часть инфра-

структуры современного мира и едва ли — в качестве источника практической мудрости в повседневной жизни» [3, 10].

Слово «алгоритм» произошло от имени математика персидского происхождения аль-Хорезми (IX в.). Он являлся автором пособия по решению математических задач. Его книга называлась «Китаб аль-джебр ва-ль-мукабала». Современный термин «алгебра» произошел от части названия данной книги — «аль-джебр» [3, 10].

Алгоритмы создаются по-разному. Иногда человек самостоятельно формирует алгоритм на основе накопленного опыта как следствие многократного выполнения той или иной операции. При этом создаваемый алгоритм может быть приемлем только для него самого и неприменим для других людей. Примером таких алгоритмов могут быть алгоритмы выполнения различных видов домашней работы, планирования семейного бюджета, маршрута передвижения. В некоторых случаях алгоритмы создаются государством в лице различных структур государственного управления. Данные алгоритмы распространяют свое действие на общество в целом, т. е. задают последовательность действий для всех граждан и юридических лиц. Создание этой группы алгоритмов, как правило, продиктовано общественной необходимостью, а побудительной причиной выступает или стремление обезопасить общество от возможных негативных последствий неправильно совершенных операций, или необходимость создания минимальных гарантий безопасности для членов общества. По сути, речь идет об одном из проявлений государственного патернализма.

Под патернализмом понимают вмешательство третьих лиц в свободный жизненный выбор человека во имя его же блага [9, 43]. На уровне государства патернализм проявляется во вмешательстве в принятие гражданами решений по поводу своего благосостояния (в том числе по вопросам формирования и использования различных видов имущества). Сегодня патернализм — неотъемлемая часть государственной политики, реализуемой как в экономической, так и в социальной сфере. Стремясь «принести пользу» человеку, группе лиц или всему сообществу в целом, государство активно использует власть. Отдельные авторы высказывают мнение, что экономические агенты не могут правильно распознавать собственные интересы и действуют вопреки им [1, 94]. Сегодня исследователи все чаще обращаются к вопросу процесса осуществления выбора отдельного

лица с учетом оценки всех факторов, влияющих на выбор. Данные исследования фактически становятся теоретической базой современного патернализма.

Исследуя выбор потребителя, можно уверенно сказать, что не всегда экономические агенты действуют рационально. В этих условиях государство стремится создать некий «эталон поведения», цель которого — заместить нерациональные решения рациональными [1, 94]. Можно много спорить о том, оправдан ли патернализм с точки зрения эволюции общества, но в современных условиях отказаться от него уже практически невозможно. Вопрос стоит, как правило, об эффективности используемых практик современного патернализма, объеме государственного вмешательства в экономические и социальные процессы. Объемы вмешательства — отдельный дискуссионный пункт в современных исследованиях. Здесь также не наблюдается единства взглядов [4, 190; 7, 48; 5, 22].

Рассмотрим причины и последствия разработки и введения алгоритмов второй группы на примере изменения порядка реализации участия физических и юридических лиц в жилищном строительстве в РФ.

Жилищное строительство в Российской Федерации имеет ряд особенностей. Источниками финансирования выступают: собственные средства физических и юридических лиц (покупателей), средства строительных компаний и заемные средства банковского сектора. При этом собственные средства будущих собственников жилья составляют около 80% общего объема инвестиций [2, 1]. До середины 2018 г. они привлекались на основе договоров долевого участия.

Выбор строительной компании, рассмотрение условий договора долевого участия, контроль реализации строительного процесса требовали от будущих собственников жилья значительного объема знаний, навыков прогнозирования развития событий. Кроме того, процесс принятия решения и последующее заключение договора долевого участия сопряжены с значительным стрессом для человека. Склонность к необдуманным, рискованным и спонтанным действиям в ситуации напряженности и стресса — характерная черта потребительского поведения при заключении договора долевого участия и проведении ипотечных операций. Определяется это рядом обстоятельств:

- недоступностью части информации о реальном финансовом состоянии строительных компаний;
- инфляционными процессами в период строительства;
- возникновением непредвиденных расходов при заключении сделки с использованием ипотечного кредитования (например, комиссии, страхование жизни и здоровья заемщика);
- редкостью и сложностью проводимой операции для конкретного человека (для некоторых такая операция может оказаться единственной на протяжении жизни);
- высокой стоимости сделки (особенно в сравнении со среднемесячным доходом).

В условиях ограниченности финансовых ресурсов и при отсутствии стабильного источника средств большинство граждан совершают подобные операции не в тот момент, который является наиболее подходящим с точки зрения рыночной ситуации, а когда у них появляются деньги или доступ к ним. Существование механизма долевого строительства и ипотечного кредитования позволяют снять проблему единовременного внесения человеком всей необходимой суммы для приобретения жилья. Кажущаяся техническая легкость заключения сделки подталкивает потребителя к совершению операции без учета конкретных рыночных условий, сложившихся в отрасли в целом или отдельно взятом регионе.

Инструмент долевого строительства оказался весьма востребованным. Он дал возможность не только приобрести жилье с поэтапной оплатой его стоимости, но и создал новый вид заработка. Вкладывая деньги в долевое строительство на начальной стадии строительства, дольщик мог рассчитывать на прибыль в размере 20—40% от вложенных средств при последующей продаже готового жилья. Правда, условием ее получения является успешное завершение строительства.

О популярности данного инструмента говорит количество договоров долевого участия, заключенных в РФ на конец 2018 г. — более 1 млн. Общая сумма вложений с учетом первоначальных взносов по договорам 3,5 трлн р. [2, 3]. При существовавшем механизме финансирования участники долевого строительства вносили деньги напрямую на счета строительной организации. Последняя сразу же использовала их на текущие операции. Если в процессе строительства у компании возникали финансовые проблемы, то

возрастали риски невозврата денежных средств дольщикам. Право собственности на выстроенные квартиры участники долевого строительства получали только после сдачи объекта. Временной разрыв между подписанием договора и передачей готового жилья составляет от полугода до нескольких лет. По разным причинам не все начатые строительством объекты завершаются. По данным Минстроя РФ, более 800 объектов имеют проблемы с завершением строительства, нарушены права более 29 тыс. человек. При возникновении проблем «обманутые дольщики» вынуждены искать помощи для решения вопросов по своим договорам. Часть из них вынуждены искать дополнительные средства, чтобы достроить жилье самостоятельно. Иногда для решения подобных проблем используются средства бюджетов разных уровней.

В 2018 г. было принято решение о изменении схемы финансирования жилищного строительства гражданами [8]. Стремясь защитить деньги участников, государство разделило два процесса: процесс финансирования строительства и расчеты граждан со строительными компаниями. В качестве инструмента разделения этих процессов выступают эскроу-счета в уполномоченных банках. С введением нового алгоритма финансирования долевого участия меняется порядок доступа к средствам граждан для строительных компаний. При внесении средств дольщиками на эскроу-счета для строительных компаний появляется возможность кредитоваться в уполномоченном банке под строящийся объект. Доступ к деньгам дольщиков компания получает только после завершения строительства. Если стройка по каким-то причинам не завершена и объект своевременно не сдан, граждане имеют право потребовать возврата ранее внесенных на банковские счета средств.

Одновременно государство вводит ряд мер, обеспечивающих возвратность денежных средств граждан, их защиту от некоторых видов мошенничества. Среди указанных мер:

осуществляется контроль за целевым расходованием средств граждан (осуществляется привязка к одному строящемуся объекту) — у строителей исчезает возможность расходовать средства, полученные на возведение одного объекта на финансирование других строек;

- средства граждан на эскроу-счетах подлежат страхованию;

- государство вырабатывает ряд требований к строительным компаниям, занимающимся жилищным строительством (например, наличие собственного капитала в объеме не менее 10% стоимости строящегося объекта);

- система привязки эскроу-счетов к объекту препятствует повторной продаже квартир;

- невозможность внесения изменений в назначение помещений строящегося объекта в ходе строительства, что не позволяет использовать помещения цокольных этажей по собственному усмотрению строительной компании и др.

Последствия создания и введения в действие нового алгоритма следует рассматривать в экономической и социальной сферах в различных временных горизонтах. Эффект может наблюдаться как в краткосрочном, так и долгосрочном периоде.

Одним из результатов введения нового механизма финансирования является возрастание зависимости отрасли от банковского сектора. При этом у малых и средних по объемам производства строительных компаний немного шансов получить необходимое финансирование. Вряд ли банки откажутся от системы залога, а у указанных компаний небольшое количество привлекательного для банков имущества. Затраты строителей на возведение проектов неизбежно возрастут за счет процентных платежей за предоставленное финансирование. Следовательно, стоимость возводимого жилья для граждан — участников строительства также вырастет. В ряде случаев разрыв между ценой жилья для такого участника, вошедшего в проект на начальных этапах, и рыночной ценой будет незначительной. Никто не сможет дать гарантии, что она не будет достигать уровня рыночных цен или превышать его. Инвесторы, которые шли за прибылью от строительства и последующей продажи, начнут искать новые варианты вложений свободных средств. Привлекательность такого способа приобретения жилья резко снизится. Последствия для отрасли в целом не заставят себя долго ждать: спрос на жилье в строящихся объектах упадет, темпы роста производства в ближайшей временной перспективе снизятся. Тенденции в долгосрочной перспективе предсказать довольно сложно. Они будут складываться в большей степени под влиянием макроэкономических факторов.

Стремление создать дополнительные гарантии гражданам, участвующим в долевом строительстве, привело к запрету на внесе-

ние изменений в проектно-сметную документацию объекта. Большинство строительных компаний пользуются типовыми проектами, которые привязываются к конкретному земельному участку. В результате, в ходе строительства компании сталкиваются с различными проблемами технического и технологического характера, требующими внесения изменений в проектную документацию. А такая коррекция в соответствии с нормами закона становится невозможной. Таким образом, и завершение строительства, в свою очередь, будет невозможно. Строительство же по индивидуальным проектам, созданным под конкретный участок, удорожает стоимость квадратного метра.

В целом, по оценкам экспертов, на рынке будет наблюдаться рост цены квадратного метра на 20—40% [6].

Кроме того, законом предусмотрен возврат денежных средств инвесторов при срыве сроков сдачи объектов жилищного строительства в объеме фактического взноса. По сути, при средней продолжительности строительства в 1,5 — 3 года участники на протяжении данного периода финансируют банки под нулевой депозитный процент. Таким образом, выигрыш уполномоченных банков от введения новой схемы финансирования двойной: с одной стороны, создается колоссальная потребность в финансовых ресурсах, а с другой — предоставляются бесплатные финансовые ресурсы, которыми банки могут пользоваться практически свободно. Вероятность их востребования с экскроу-счетов до наступления сроков сдачи объектов ничтожно мала.

В социальной сфере вводимый алгоритм действует отсроченно. Первый эффект будет виден в течение нескольких месяцев. Но наиболее полно он проявится спустя годы. Связано это с особенностями тех социальных состояний, которые реализует человек в течение жизни: родитель, взрослый и ребенок. В состоянии родителя человек действует в соответствии с установками, полученными извне, прежде всего от родителей. Состояние взрослого не зависит от возраста человека. Оно ориентировано на критическое восприятие текущей реальности. Человек в этом состоянии ориентирован на получение объективной информации. Он не просто воспринимает результаты наблюдаемых процессов — а выявляет основные факторы, воздействующие на протекание процесса и его результативность, определяет основные риски и оценивает их. В состоянии ребенка работают побуждения, возникающие естественным путем.

Это состояние непосредственно связано с развитием творческой стороны личности.

В принятии эффективных экономических решений наиболее важны навыки, приобретаемые во втором состоянии — состоянии взрослого. Стремясь оградить членов общества от различных рисков и гарантировать им возврат ресурсов, задействованных в той или иной операции, государство «думает» за человека, предлагая ему единственно возможный вариант ее проведения. Необходимость оценки рисков и основных факторов практически отпадает или сильно снижается. Человеку, не обладающему всей совокупностью знаний и навыков, необходимых для совершения операции, следование предложенному алгоритму приносит несомненное преимущество. Он не совершает ошибок, которые с высокой долей вероятности могут привести к потере имущества в любой форме. Люди, обладающие необходимыми знаниями, могут использовать данный алгоритм для извлечения дохода выше рыночного, неоправданно рискуя при совершении операции. Высокий риск ничем не угрожает: государство создает алгоритм без учета обдуманного или необдуманного риска. В отсроченной перспективе это приводит к снижению экономической активности населения в целом и потере способности выявлять и оценивать риски при принятии решений.

К сожалению, данный эффект практически не принимается во внимание при разработке все новых алгоритмов. Жизнь в рамках заданных алгоритмов приводит к снижению способности нестандартно мыслить, а следовательно, замедляет развитие общества в целом. Поиск баланса между созданием механизма гарантий и стимулированием активности членов общества — одна из социальных, экономических и правовых проблем.

Литература

1. Багаутдинова Н.Г., Саркин А.В., Аверьянов Б.А. Концепция «нового» патернализма и ее реализация в рамках государственного регулирования экономики // Казанский экономический вестник. 2014. № 4 (12). С. 93—99.
2. Велесевич С. Банки вместо ДДУ: как новая схема продажи жилья изменит рынок новостроек: [Электронный ресурс]. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5a01cf9a9a794735447205df> (дата обращения: 19.03.2019).

3. Гриффитс Т., Кристиан Б. Алгоритмы для жизни: Простые способы принимать верные решения. М.: Альпина Паблишер, 2019.

4. Долгаева Е.И. Патернализм или эффективное государство: социальные ожидания населения // Регионология. 2013. № 4 (85). С. 185—196: [Электронный ресурс]. URL: <https://regionsar.ru/en/node/1199> (дата обращения: 05.11.2019).

5. Кара-Мурза С.Г. Государственный патернализм — цивилизационное измерение // Научный эксперт (научный электронный журнал). 2009. № 12. С. 16—24: [Электронный ресурс]. URL: http://www.marusrand.ru/text/Jornal12_2009.pdf (дата обращения: 19.03.2019).

6. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. М. 2018. 694 с.: [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/building/ (дата обращения: 19.03.2019).

7. Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е. Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // Журнал институциональных исследований. 2018. Т. 10. № 4. С. 38—56.

8. Федеральный Закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ: [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/ (дата обращения: 19.03.2019).

9. Чубарова Т.В. Патернализм в современном обществе: от продуктовых карточек до безусловного дохода // Общественные науки и современность. 2017. № 6. С. 43—54.

References

1. Bagautdinova N.G., Sarkin A.V., Aver'yanov B.A. Kontseptsiya «novogo» paternalizma i ee realizatsiya v ramkakh gosudarstvennogo regulirovaniya ehkonomiki // Kazanskij ehkonomicheskij vestnik. 2014. № 4 (12). S. 93—99.

2. Velesevich S. Banki vmesto DDU: kak novaya skhema prodazhi zhil'ya izmenit rynek novostroek: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5a01cf9a9a794735447205df> (data obrashheniya: 19.03.2019).

3. *Griffits T., Kristian B.* Algoritmy dlya zhizni: Prostye sposoby prinimat' vernye resheniya. M.: Al'pina Pabliher, 2019.
4. *Dolgaeva E.I.* Paternalizm ili ehffektivnoe gosudarstvo: sotsial'nye ozhidaniya naseleniya // *Regionologiya*. 2013. № 4 (85). S. 185—196: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://regionsar.ru/en/node/1199> (data obrashheniya: 05.11.2019).
5. *Kara-Murza S.G.* Gosudarstvennyj paternalizm — tsivilizatsionnoe izmerenie // *Nauchnyj ehkspert (nauchnyj ehlektronnyj zhurnal)*. 2009. № 12. S. 16—24: [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.marusrand.ru/text/Jornal12_2009.pdf (data obrashheniya: 19.03.2019).
6. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2018: Stat. sb. / Rosstat. M. 2018. 694 s.: [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/building/ (data obrashheniya: 19.03.2019).
7. *Rubinshtejn A.YA., Gorodetskij A.E.* Gosudarstvennyj paternalizm i paternalistskij proval v teorii opekaemykh blag // *ZHurnal institsional'nykh issledovanij*. 2018. T. 10. № 4. S. 38—56.
8. Federal'nyj Zakon «Ob uchastii v dolevom stroitel'stve mnogokvartirnykh domov i inyx ob'ektov nedvizhimosti i o vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federatsii» ot 30.12.2004 № 214-FZ: [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/ (data obrashheniya: 19.03.2019).
9. *CHubarova T.V.* Paternalizm v sovremennom obshhestve: ot produktovykh kartochek do bezuslovnogo dokhoda // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2017. № 6. S. 43—54.

В.И. КОРНЯКОВ, Н.А. ВАХРУШЕВА

О тайне предельного роста отечественной экономики*

Аннотация. Высокие темпы экономического роста непременно требуют соответственно высокого притока ресурсов, надежного ресурсного обеспечения. При этом такие ресурсы должна ро-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Корняков В.И., Вахрушева Н.А. О тайне предельного роста отечественной экономики // *Философия хозяйства*. 2020. № 1. С. 128—140.

дять сама экономика своим функционированием — это единственно надежный путь подъемного экономического движения. Но функционирование экономики — создание ею продукции, производительность труда. Значит, создание ресурсов для беспотолочного экономического роста, для роста производительности труда в основном, в главном совпадает с самим повышением производительности труда, точнее, осуществляется через тот же рост производительности труда. Следовательно, рост производительности труда как ресурсопотребление одновременно есть ресурсосозидание для этого самого потребления, или такой процесс, в котором потребление ресурсов сопровождается их созданием. Но в то же время ресурсосозидание и ресурсопотребление суть противоположности, в которых и предлагают разобраться авторы статьи.

Ключевые слова: экономический кризис, общественное воспроизводство, инвестиции, капитал, отрасли, труд, ресурсы, цена.

Abstract. High rates of economic growth inevitably require a correspondingly high inflow of resources and reliable resource provision. At the same time, such resources must give birth to the economy itself by its functioning. The authors show that this is the only reliable way to «lift» the economic movement. But the functioning of the economy is the creation of its products, it is the productivity of labor. This means that the creation of resources for «non-stop» economic growth, for the growth of labor productivity (as their main material conditions, prerequisites) basically coincides with the increase in labor productivity itself, or rather, is carried out through it, through the same increase in labor productivity. Consequently, the growth of labor productivity as a resource consumption is simultaneously a resource creation for this very consumption, or a process in which the consumption of resources is accompanied by their creation. But at the same time, resource creation and resource use are opposites, which the authors of the article suggest to understand.

Keywords: economic crisis, social reproduction, investment, capital, industries, labor, resources, price.

УДК 330.1

ББК 65.01

Где разгадка тайны. О наличии у отечественной экономики в ее нынешних структуре и функционировании объективного

непреодолимого потолка (верхней планки) бессмысленно спорить и гадать. Его уверенно-четко называют те, кто профессионально имеют дело с экономикой в целом, причем первые лица — например, глава Центробанка: «Экономика России не сможет расти больше 1,5 — 2% в год при отсутствии структурных реформ, а такую планку не удастся преодолеть даже при ценах на нефть на уровне \$100 за баррель» [3]. Иначе говоря, указанный потолок — данность, от чьей бы то ни было воли не зависящая и преодолимая только «структурными реформами» (какими именно, никто не раскрывает), по-видимому, значимо меняющими весь национальный экономический процесс и потому ликвидирующими указанный потолок.

Материальный же облик потолка не является тайной. Никто не скрывает, что надлежащего «запотолочного» экономического роста в стране нет по той простой, всем очевидной причине, что напрочь отсутствуют ресурсы этого роста, и прежде всего материальные ресурсы повышения производительности труда и увеличения инвестиций. То есть проблема преодоления потолка экономического роста — это реформа хозяйства страны, превращающая ее из ресурсодефицитного в ресурсозидующее и ресурсодостаточное.

И здесь нет иного пути, кроме как изучения, осмысливания реальной страновой народнохозяйственной действительности. Особенно же необходимо попристальной встать в траекторию послевоенного экономического развития и разобраться, когда, как и почему наша экономика стала ресурсодефицитной. Только тогда может быть надежно выяснено, из чего пророс-развился наш ресурсный дефицит, и станет понятнее, что же необходимо предпринять, чтобы закрыть, перекрыть нарастание дефицита ресурсов, обеспечить стране ресурсный достаток, заполнить «топливный бак» темпов роста производительности труда.

И тут сразу становится очевидным, что в центре поиска должны быть судьбы уникального ресурсообеспеченного послевоенного подъема 1945—1960 гг. Уже потому, что он (при никакой иностранной помощи) буквально взвился с фантастическими, но при этом вполне ресурсонаполненными темпами роста производительности труда не где-нибудь, а в почти в наполовину разрушенной-разоренной стране с немыслимыми материальными и людскими потерями. Здесь оказалось сконцентрированным все искомое, вплоть до рождения ресурсного достатка буквально из ничего и

внезапного разворота этой нарастающей (на каких-то непонятных «дрожжах») ресурсной достаточности на 180° в антиподную экономику дефицитов позднего СССР.

Мы считаем, что объяснять такие трансформации только лишь мобилизационной экономикой и авторитарностью И.В. Сталина ненаучно. В масштабе огромной страны десятки миллионов работников одновременно-согласованно повышали производительность на 9—13% и снижали себестоимость на невероятные же (до 6—7%) значения, и это — вследствие «жесткости» руководства? Просто несерьезно. На наш взгляд, очевидно другое. Сталин в отчаянном положении колоссальных материальных и людских потерь категорически не мог вести экономику страны уже проторенными, известными, но мучительно долгими путями (западные эксперты пророчили 70 лет только на восстановление экономики). И определенные хозяйственные координаты оказались столь энергетичны, что всего лишь через 2,5 года движение экономики, непрерывно полнясь ресурсами, быстро пересекло планку восстановления, обретаемая параметры экономического подъема.

Нам возражат: все это такая же нежизненная экзотика, как и попытки объяснять экономическое чудо 1940-х—1950-х гг. всего лишь характером Сталина. Все человечество денно и нощно миллиардами попыток ищет-испытывает все лучшее в экономике, потому-то все самое-самое давно найдено и в ходу, в использовании, и этому-то, а не чудачествам Сталина, не мудрствуя лукаво, и надлежит следовать: это безошибочно. А сталинская экономика — удачное, но случайное, лишенное будущего и неповторимое сцепление ряда сугубо конкретных обстоятельств

Мировоззренческий поворот для экономической теории.

Уверены, примерно такие соображения стоят за отсутствием в экономической литературе широкого-серьезного интереса к ресурсообеспечению, научной анатомии послевоенного сталинского экономического подъема. Однако указанные представления выстраивались без учета того *мировоззренческого поворота*, который уже начал высвечиваться в экономической теории в связи с эпохальным открытием С.А. Подолинского. Это открытие обнажает *целое направление, по которому хозяйственные поиски мало или даже совсем не велись, не ведутся и где уже поэтому исследователей ждут незаурядные находки.*

С.А. Подолинский открыл, что труд в сельском хозяйстве составляет лишь 2—4% его продуктивности, а 96—98% производительности совершенно «бесплатно», «даром» задается Природой. Объективный надежно установленный факт таков, что Природа «зачем-то» решаясь присоединилась к продуктивности экономики, взяв на себя не что-нибудь, а критическую основу: обеспечение (продовольствием) жизнедеятельности работников и, тем самым, всей производительности их труда. С учетом того, что при этом производительность труда обрела качество единственного во всей известной нам Вселенной негэнтропийного процесса (не рассеивающего, а сосредоточивающего энергию), что Природа ради эффекта Подолинского (!) нарушила здесь свой фундаментальный закон, регулирующий мироздание: второе начало термодинамики (см.: [8]) — нельзя не сделать вывода, что Природе очень и очень, непременно, категорически нужна именно человеческая производительность труда. К нему и пришел известный исследователь П.Г. Кузнецов. Он первым сделал единственно логичное обобщение ситуации: в космической системе «Солнце — Земля» Природа для того и создала разумную жизнь, общественного человека, чтобы обрести (для пока закрытых от нас целей) универсальную космическую производительную силу живого человеческого труда [7]. А это значит, что Природа безразлична к производящей стороне деятельности людей и всячески способствует повышению производительности труда ее субъектами (онтологически являющимися ее силами). В социумах же рост производительности не может не рассматриваться с позиций специфических социальных целей, довлеющих над ним (при капитализме — с позиций предпринимательской прибыли). Но Природе до этих социальных целей нет ни наималейшего, никакого дела. У нее иной «интерес». И, разумеется, она и не будет «помогать» социумам, преследующим далекие от ее внутреннего «интереса» цели. (Скорее, будет «мешать» им, чтобы они, так сказать, пришли в разум.) Но она, выраженно адаптируя к своей космической цели даже действие своих объективных законов (уникальнейший феномен!), как раз в силу этой своей предельной сплетенной с производительностью, заряженностью на нее просто *не может не снабжать истово повышающих производительность структурами и механизмами, умножающими их усилия*. А так называемая экономика Сталина как раз пронизана направленностью в первую очередь и прежде всего на абсолютный рост производи-

тельности, рост производительности как таковой, без каких-либо социальных оговорок, отклонений. К этому Сталина обязала степень разрушения советской экономики и ее международное положение. И этим же самым Сталин, как сейчас стало понятно, «вытолкнул» (возможно, предвидя, предугадывая последствия) советскую экономику на заготовленную Природой траекторию (структуру, механизм) ресурсообеспеченного умножения производительности.

Примененный в «экономике Сталина» природный механизм ресурсообеспеченного экономического подъема, его воспроизводственное ресурсосозидание. Мы уже не раз обсуждали его (см, напр.: [1; 2; 5]), но без акцента на ресурсосозидании. Природа заготовила для самых передовых, прорывных страновых «повышателей» производительности до сих пор неизвестный науке особый *воспроизводственный* (действительный только в потоке общественного воспроизводства) способ избавления от главного социального тормоза ее повышения: потери занятости сэкономленным живым трудом. Этот природно-социальный механизм состоит в возвращении выведенного текущими повышениями производительности труда обратно в производство и поэтому умножении достигнутой производительности.

А «навернутые» на этот механизм обычные хозяйственные процедуры сами собой, автоматически также становятся множителями производительности труда. И единым, общим «включателем» всех этих творящих следующих друг за другом и переплетающихся процедур было открытие «подъемного» регулятора общественного воспроизводства в облике государственно направляемого снижения розничных и оптовых цен.

Нам непонятно, почему снижения цен в тот период трактуются в экономической литературе ограниченно потребительски, всего только как метод повышения благосостояния населения. Сущностно они принадлежат производству, фиксируют повышение производительности. Снижение цены (как проявления стоимости) — самое завершенное выражение роста производительности труда. Только и единственно оно, как выяснил Маркс, превращает рост производительности на предприятии из индивидуального в общественный воспроизводственный. При отсутствии такого ценового выражения роста производительности на предприятиях последний может утра-

чиваться¹. Но капиталистические экономики с этим не считаются, для них ориентация на снижение цены немыслима, так как это отход от социальной цели производства, потеря сверхприбыли. Поэтому капитализм, движимый прибылью — в оппозиции к установлениям Природы, а значит, вчистую отрезан от взлетов, подобных советскому послевоенному. Поисковая смелость и аналитическая находчивость специалистов *вывели через снижение цен на естественную заготовку умножения ресурсно-обеспеченной производительности*.

Чудо ресурсообеспеченности сталинского подъема — не в нарушениях признанной логики экономических процессов, а, напротив, в ее строжайшем, полнейшем соблюдении. Но при единственном и решающем условии: если эту логику вести не от социально ангажированных показателей, а от ныне малоприметного и до сих пор все еще не привлекающего ничьего внимания показателя роста производительности, выстроенного как соответственное снижение цены. Когда все производства выражают рост производительности снижением цен, то высвобождение живого труда становится уменьшением стоимости выросшего общественного продукта, I подразделение которого находится в открытом Марксом бесконечном кругообороте производства средств производства. Уменьшение стоимости по закону отрицательной обратной связи каждым годовым кругооборотом передается продуктам будущих годов: +1-му, +2-му, +3-му и т. д. затухающими значениями.

Непонятый нашей наукой экономический смысл этого воспроизводственного выражения снижения цен как раз в *снятии с роста производительности труда балласта нетрудоустроенности высвобождаемых ею работников, дальнейшего роста производительности и в его, роста производительности, ресурсной обеспеченности*. В указанные годы, переданные воспроизводству новые уменьшения стоимости выпускаемого продукта (при сохранении достигнутых параметров производства) *материально* суть высвобождения ресурсов, обеспечивавших занятость высвобожденных в

¹Вероятно, что именно эта логика Маркса — неприменение снижения цен как экономического утверждения роста производительности — «выкосила» ее интегральный рост в современной России. По данным Росстата, ее индекс в 2015 г. составил к 1991 г. всего только 109,2%, а по расчету независимого исследователя Г.И. Ханина, и того меньше: 69,9 [4].

исходном году (ростом производительности) труда рабочих мест. Когда в 0-м году рост выработки делает излишними труд, те или иные рабочие места, в последующие годы прекращают функционирование и высвобождаются все материальные ресурсы, оборудование, обеспечивавшие живое действие этих остановленных рабочих мест.

Моделирование подтвердило, что при росте производительности высвобождение материальных ресурсов происходит соответственно органическому строению производства: их высвобождается тем больше, чем выше органическое строение. Поэтому в «экономике Сталина» (В.Ю. Катасонов) с ее вершинными темпами роста производительности как бы «сами собой» (но помножено) в народном хозяйстве, непосредственно на предприятиях непрерывно рождались «свободные» средства производства, столь нужные стране материальные ресурсы. Команда Сталина умело выявляла их и подключала в плановый общественный технологический процесс производства, новоустроявая в нем высвобожденных ростом производительности работников, обеспечивая продолжение, поддержание, развитие высочайших приростов производительности труда в единстве с дальнейшими приростами ресурсов. Работники хозяйства своим ростом производительности труда сами себя делали излишними и тут же («пристройкой» высвобожденных ресурсов) вновь обретали полноценную занятость с новым ростом производительности. Экономисты 1950-х назвали это продуктивной «экономией материальных затрат» (и это действительно так выглядело) и нарекли ее важнейшим, вместе с ростом производительности труда, фактором интенсивного роста национального дохода. (Почему-то никого не заинтересовало, отчего после разгрома «экономики Сталина», ликвидации снижения цен указанный фактор мгновенно и безоглядно исчез.) Естественно-социальная траектория умножения производительности труда не только снабжала себя ресурсами на стадии воспроизводственного кругооборота общественного продукта. Активно крепилась ресурсная достаточность и на следующей — тоже воспроизводственной — стадии. Снижение цен, подхваченное кругооборотами общественного продукта, продолжалось общим изменением структуры всего общественного труда (соотношения между живым и овеществленным), а это последнее — общими позитивными сдвигами в эффективности и ресурсной достаточности общественного производства.

Проблемы с эффективностью производства рождены объективными переходами социума к все более «затратным» средствам труда, отвлечению ресурсов (от изготовления предметов личного и общественного непроизводственного потребления) на их изготовление и эксплуатацию, увеличениями доли овеществленного труда относительно живого. Рост капиталоемкости и снижение капиталотдачи заставили в большинстве стран в последней трети XX в. отказаться от динамической модели инвестирования из национального дохода в пользу стационарной — из фондов амортизации (см.: [6]). Как будто то бы неизбежно, что рост производительности и дальше будет опираться на увеличение отвлеченных затрат и сопровождаться снижением эффективности, осложняя ситуацию с ресурсами инвестиций (а через них — и с производительностью труда). Обрисовывается перспектива общего ступора экономического динамизма: научно-технический прогресс все более совершенные (дорогие) средства труда, рост доли и значения овеществленного труда — угнетение инвестиций, ресурсной ситуации — угнетение роста производительности труда. И он все требовательнее заявляет о себе, например, растущей вымученностью новых инвестиций, созданием новых рабочих мест. А рост производительности в мировом хозяйстве (в настоящее время при неизменных или растущих ценах) не облегчает, а лишь усугубляет ситуацию: высвобождаются рабочие места, тем самым растет масса и доля овеществленного труда, «петля» обозначившегося «ступора» стягивается. И *единственный надежный разрыв* этого как бы гордиева узла, которого до сих пор не видят ни экономисты, ни общественность, это сталинское снижение цен.

Может представиться, что оно-то здесь и ни к чему. Ведь и с уменьшением цен рост производительности сокращает массу функционирующих рабочих мест, живого труда, и показанный выше «ступор» как будто бы должен набирать силу. Но здесь-то и обнаруживается, что технический прогресс двулик (даже многолик): *сотворив логику «ступора», он одновременно создал и материальное условие его уничтожения* в виде длинных многозвенных технологических цепочек обработки (материально-техническое содержание современных концернов). Казалось бы, многие десятки и сотни звеньев обработки при всех обстоятельствах всегда — добавления овеществленного труда, новый напряг дефицитных ресурсов. Но это, к счастью, не так.

При уменьшениях цен данные уменьшения эстафетно передаются всем этим бесчисленным звеньям обработки, овеществленному труду. *Получаемая экономия овеществленного труда кратно превышает высвобождения ростом производительности живого труда.* И «экономика Сталина» творила непрерывное улучшение соотношения между живым и овеществленным трудом, повышение эффективности. Исследования показывают, что в 1950-е гг. качественные показатели общественного воспроизводства, его эффективности были наилучшими. Но это и означало снижение расходования ресурсов на единицу экономического роста и, таким образом, их реальное добавление в экономику, да еще с дальнейшим увеличением производительности труда.

Заявленная названием публикации проблема получает теоретическое обобщение и, можно сказать, решение.

Выводы. Высокие «беспотолочные» темпы экономического роста непреложно требуют соответственно высокого притока ресурсов, надежного ресурсного обеспечения. Но эти *ресурсы должна родить сама экономика своим функционированием.* Это единственно надежный путь «подъемного» экономического движения. Но функционирование экономики – это создание ею продукции, это производительность труда. Значит, создание ресурсов для «беспотолочного» экономического роста, для роста производительности труда (как их главные материальные условия, предпосылки) в основном, в главном совпадает с самим повышением производительности труда, точнее, осуществляется благодаря нему, через тот же рост производительности труда. Получается, что рост производительности труда как ресурсопотребление одновременно есть ресурсосозидание для этого самого потребления, или такой процесс, в котором потребление ресурсов сопровождается их созиданием. Но в то же время ресурсозидание и ресурсопотребление — противоположности. Как такое возможно?

Вышеприведенный абзац мог быть написан в порядке игры в абстракции. Но «сталинская экономика» наполнила эти абстракции действительно имевшей место быть предметно-исторической конкретикой. Она реально-фактически представила то, что начисто отсутствует в современной российской действительности: превращение рождаемых ею значимых ресурсных потоков в растущие производительности, сразу же оборачивающиеся ширящимися восполнениями исчезающих в производстве ресурсов. «Экономика Сталина» была структурированным естественно-социальным «механизмом»,

структурой непрерывного самодействия, сложным движением, звенья которого органически перерастали друг в друга. Ни одно звено, ни один значимый элемент не могли, не могут быть успешно позаимствованы, вырваны из контекста: сталинский «механизм» не может функционировать как таковой вне своих связей (тоже «сталинских») с другими — вне всей структуры, развертывающейся как бы сама собой при введении в действие открытого Сталиным регулятора подъемного расширенного воспроизводства — снижения цен как выражения роста производительности.

Все говорит о том, что преодоление потолка роста нашей экономики — отнюдь не в привитии к ней тех или иных новейших изысков рыночной теории, не ориентированной на максимизацию именно производительности труда, цели Природы. Э. Набиуллина, конечно, права, что нужны структурные реформы. Но нужно много большее: четкое осознание того, что к экономике необходимо подходить не как к одному только лишь социальному феномену — это ее сущность, можно сказать, начального порядка. В современную эпоху высочайших рисков, угроз самому человеческому бытию в экономике обязательно должно провидеть ее более глубокую сущность (сущность высших порядков): ее природную силу, и признать, что успех в обращении с нею — не в навязывании ей наших социальных процедур, а в следовании ее имманентным (заданным самой Природой) предписаниям, загодя заготовленным ею. Их открытие — труднейшая задача науки. И тем значимее, важнее, бесценнее — реальный отечественный историко-хозяйственный опыт успешнейшего (поистине спасительного для страны) ресурсонаполненного, нацеленного всеми регулятивными показателями на рост производительности, хозяйствования (поправшего все существовавшие социально ориентированные экономические догмы и шаблоны). Разгромив сталинскую экономику, шесть десятилетий мы приспособливаем к стране, несколько переиначивая, все те же догмы-шаблоны, наивно ожидая, что они вдруг окажутся живой водой нашего народного хозяйства. Но чуда не происходит. Напротив, определился, сложился все более тяжело угнетающий страну нависающий потолок роста с угрозами своего дальнейшего понижения и даже опрокидывания.

Разумеется, нелепо механически переносить в наше время то, что неплохо показало себя полвека назад. Но сам принцип столь успешного хозяйствования (не вопреки, а в согласии с установлениями Природы) и определяющая логика его осуществления, по

нашему убеждению, инвариантны. А конкретное наполнение этого принципа должно опираться на современные достижения науки и практики. Здесь пока еще неспаханная целина развернутых научных исследований, одна из главных задач экономической науки.

Литература

1. Альпидовская М.Л., Вахрушева Н.А., Корняков В.И. Может ли отечественная экономика иметь (обрести) помноженную (сдвоенную) производительность труда // *Философия хозяйства*. 2018. № 5 (119). С. 92—107.
2. Альпидовская М.Л., Вахрушева Н.А., Корняков В.И. Уроки истории: экономический подъем в послевоенные годы (1945—1960) // *Энергия: экономика, техника, экология*. 2017. № 5. С. 42—48.
3. Биржевой форум—2016: Набиуллина о потолке роста экономики России без реформ: [Электронный ресурс]. URL:<https://rusrand.ru/response/birzhevoj-forum-2016-nabiullina-o-potolke-rosta-ekonomiki-rossii-bez-reform>.
4. Катасонов В.Ю. Нашему «королю» свита говорит только приятные вещи: [Электронный ресурс]. URL:<http://mediaforum.ru/media/news/10418/>.
5. Корняков В.И., Вахрушева Н.А. Природное регулирование общественного воспроизводства: сколько можно помыкать им? // *Философия хозяйства*. 2016. № 4. С. 108 — 126.
6. Куренков Ю.В., Смирнова С.А., Петров В.К. и др. Материальное накопление в условиях рыночной экономики / Отв. ред. Ю.В. Куренков // АН СССР, Ин-т мировой экономики и международных отношений. М.: Наука, 1991.
7. Побиск Георгиевич Кузнецов. Идеи и жизнь. Изд. 2-е, доп. Концепт. М.: Межд. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 2000: [Электронный ресурс]. URL:http://www.situation.ru/app/rs/lib/pobisk/pk_idea/pk_idea.htm.
8. Чесноков В.С. С.А. Подолинский: концепция социальной энергетики: [Электронный ресурс]. URL:<http://www.socionauki.ru/journal/articles/130867/>.

References

1. Al'pidovskaya M.L., Vakhrusheva N.A., Kornyakov V.I. Mozhet li otechestvennaya ehkonomika imet' (obresti) pomnozhennuyu

(sdvoennuyu) proizvoditel'nost' truda // *Filosofiya khozyajstva*. 2018. № 5 (119). S. 92—107.

2. *Al'pidovskaya M.L., Vakhrusheva N.A., Korniyakov V.I.* Uroki istorii: ehkonomicheskij pod'em v poslevoennye gody (1945—1960) // *EHnergiya: ehkonomika, tekhnika, ehkologiya*. 2017. № 5. S. 42—48.

3. Birzhevoj forum—2016: Nabiullina o potolke rosta ehkonomiki Rossii bez reform: [EHlektronnyj resurs]. URL:<https://rusrand.ru/response/birzhevoj-forum-2016-nabiullina-o-potolke-rosta-ekonomiki-rossii-bez-reform>.

4. *Katasonov V.YU.* Nashemu «korolyu» svita govorit tol'ko priyatnye veshhi: [EHlektronnyj resurs]. URL:<http://media/forum.ru/news/10418/>.

5. *Korniyakov V.I., Vakhrusheva N.A.* Prirodnoe regulirovanie obshhestvennogo vosproizvodstva: skol'ko mozžno pomykat' im? // *Filosofiya khozyajstva*. 2016. № 4. S. 108 — 126.

6. *Kurenkov YU.V., Smirnova S.A., Petrov V.K. i dr.* Material'noe nakoplenie v usloviyakh rynochnoj ehkonomiki / Otv. red. YU.V. Kurenkov // *AN SSSR, In-t mirovoj ehkonomiki i mezhdunar. otnoshenij*. M.: Nauka, 1991.

7. Pobisk Georgievich Kuznetsov. Idei i zhizn'. Izd. 2-e, dop. Kontsept. M.: Mezhd. un-t prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna», 2000: [EHlektronnyj resurs]. URL:http://www.situation.ru/app/rs/lib/pobisk/pk_idea/pk_idea.htm.

8. *CHesnokov V.S. S.A.* Podolinskij: kontseptsiya sotsial'noj ehnergetiki: [EHlektronnyj resurs]. URL:<http://www.socionauki.ru/journal/articles/130867/>.

И.М. ТЕНЯКОВ

Шумпетерианский экономический рост и его противоречия*

Аннотация. В статье характеризуются особенности шумпетерианского типа экономического роста и выявляются его противоречия. Раскрывается связь шумпетерианского роста с разными ти-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Теняков И.М. Шумпетерианский экономический рост и его противоречия // *Философия хозяйства*. 2020. № 1. С. 140.—151.

пами экономических систем, с конкурентной и монопольной экономической средой. Указывается на ограниченные возможности «цифровой экономики» в генерировании шumpетерианского экономического роста.

Ключевые слова: шumpетерианский экономический рост, количественный рост, конкуренция, монополия, плановая и рыночная экономики, цифровая экономика.

Abstract. The article describes the characteristics of Schumpeterian economic growth and identifies its contradictions. The connection of Schumpeterian growth with different types of economics systems, with a competitive and monopolistic economic environment is revealed. The limited possibilities of the «digital economy» in generating Schumpeterian economic growth are indicated.

Keywords: Schumpeterian economic growth, quantitative growth, competition, monopoly, planned and market economies, digital economy.

УДК 330.34, 330.35

ББК 65.012.3

Проблематика экономического роста, на первый взгляд, является широко известной. Она освещена во множестве научных статей и монографий, занимает давнее и прочное место в учебной литературе по экономическим дисциплинам. Определение экономического роста как долгосрочной тенденции увеличения совокупного выпуска и реальных доходов на душу населения стало общим местом в большинстве учебников по макроэкономике. При этом вышеприведенное определение характеризует экономический рост преимущественно в количественном аспекте, почти не затрагивая качественную сторону. Широко известные неоклассические модели роста (в основе которых — модель Солоу) также акцентируются на взаимосвязи между количественным увеличением дохода на душу населения и изменением факторов роста (производительности, капиталовооруженности, инвестиций, нормы сбережений, динамики населения и т. д.). В этой связи экономический рост можно представить, с одной стороны, как расширение совокупного «экономического пирога», а с другой стороны — как увеличение доли «пирога», приходящейся в среднем на душу населения. Но каков состав «эконо-

мического пирога»? Как меняется его «начинка» в ходе экономического развития? Исходя из ставших классическими представлений об экономическом росте на этот вопрос невозможно дать внятный ответ.

Раскрыть проблему качественного экономического роста поможет обращение к наследию Й. Шумпетера. Качественные трансформации в экономике Шумпетер связывал с осуществлением «новых комбинаций» по пяти направлениям: создание нового блага, внедрение нового метода производства или коммерческого использования товара, освоение нового рынка сбыта, получение нового источника сырья или полуфабрикатов, изменение рыночной структуры (например, достижение фирмой монопольного положения) [13, 132 — 133]. Источник финансирования «новых комбинаций», по Шумпетеру, — это «создание денег банками», причем это «создание новой покупательной силы из ничего», так что в результате «банкир делает возможным осуществление новых комбинаций и, выступая от имени народного хозяйства, выдает полномочия на их осуществление» [13, 140 — 141]. К сказанному Шумпетером добавим, что «создание новой покупательной силы банками» порождает качественный рост при условии, что за банками сохраняется обслуживающая функция в экономике; но когда финансово-банковская система подминает под себя реальный сектор, качественный рост трансформируется в «злокачественный», а новые комбинации превращаются в псевдоинновации.

Идеи Й. Шумпетера долгое время развивались в русле теории экономической динамики и долгосрочных циклов (см.: [2; 4; 9; 18]). Только в конце XX в. теория экономического роста, сформировавшаяся в русле мейнстрима, сумела представить основные идеи Шумпетера в форме строгих математических моделей. В результате возникла «шумпетерианская теория экономического роста», связанная с именами П. Ромера [20], Ф. Агийона и П. Хоуитта [15]. А присуждение П. Ромеру (вместе с У. Нордхаузом) Нобелевской премии по экономике в 2018 г. стало свидетельством окончательного признания «шумпетеровского подхода» (в его неоклассической версии) частью экономического мейнстрима.

Отметим, что из пяти видов «новых комбинаций», выявленных Шумпетером, движущей силой качественного («шумпетерианского») экономического роста является вторая (внедрение нового метода производства), *при условии, что она напрямую связана с*

первой (создание нового блага), *и четвертой* (получение нового источника сырья или полуфабрикатов). В отрыве от такой связки «новый метод производства» дает лишь повышение производительности при выпуске стандартного набора продукции. Таким образом, в дополнение к широко известным экстенсивному и интенсивному типам экономического роста (критерий — увеличение объема применяемых факторов производства либо повышение их производительности) можно выделить два других типа — *количественный и качественный рост. Количественный рост — экономический рост на основе постоянной номенклатуры выпускаемой продукции. Качественный (шумпетерианский) рост — экономический рост на основе изменения номенклатуры выпускаемой продукции.* Последняя может как расширяться количественно (к существующей товарной номенклатуре добавляются новые виды продукции), так и меняться качественно. В этом случае новые продукты замещают прежние, как, например, персональные компьютеры, которые в части набора текста заменили пишущие машинки. Качественный рост отчасти сопрягается с интенсивным ростом — в той мере, в какой повышение производительности факторов производства связано с внедрением новых технологий и элементов производительного капитала, замещающих прежние. Однако полного соответствия между качественным и интенсивным ростом все же нет — интенсивный рост может обеспечивать и производство стандартной номенклатуры товаров (например, выпускаем персональные компьютеры с процессором «IBM 286» с меньшими затратами труда и капитала), в то время как критерием качественного роста является именно изменение товарной структуры экономики (вместо «IBM-286» переходим к «IMB-386», затем к «IMB-486», потом к «Pentium», далее к «Pentium-II» и т. д.). Продолжив аналогию с «общественным пирогом» отметим, что при количественном росте увеличивается только объем пирога, но не его состав, а при качественном росте меняется сам тип продукта, так что вместо пирога может быть произведена пицца, или запеканка, или иное блюдо.

Различие между качественным и интенсивным экономическим ростом хорошо иллюстрируется на примере экономического развития позднего СССР (1970-х — 1980-х гг.). Замедление темпов экономического роста в стране актуализировало задачу интенсификации роста, повышения производительности труда, роста фондоотдачи, «ускорения» и т. д. Однако никакая «интенсификация» и

«ускорение» не решали проблемы качественного роста без перехода к новому технологическому укладу и пересмотру в этой связи структуры выпускаемой продукции. А к такому пересмотру сформировавшаяся в 1960-е — 1970-е гг. плановая система, ориентированная на «валовые» показатели, оказалась не готова. В частности, по сравнению с 1930 — 1950 гг. число плановых показателей существенно сократилось за счет снижения значительного числа натуральных показателей. Так, если в 1940 г. число показателей народного хозяйственного плана составляло 4744, а в 1953 г. оно достигло 9430, то уже в 1954 г. произошло снижение до 6308 показателей; в 1957 г. число показателей составило 3390, а в 1958 г. — 1780 [11, 234].

Может сложиться впечатление, что «шумпетерианский» тип экономического роста формируется исключительно в условиях «свободного рынка», в то время как «количественный рост» — удел плановой экономики. Реальность, однако, не укладывается в примитивную схему противопоставления плана и рынка, отражая противоречивость шумпетерианского роста, возникающего в разных экономических системах. В частности, плановая экономика СССР 1930 — 1950-х гг. генерировала преимущественно «шумпетерианский рост», пройдя за 20 лет (и это с учетом тяжелейшей войны и послевоенного восстановления народного хозяйства!) путь «от сохи до ядерной бомбы», а в плане социальной структуры — от аграрной страны до развитой индустриальной державы (подробнее в [5]). И, наоборот, в современной России, функционирующей в рамках экспортно-сырьевой модели рыночной экономики, шумпетерианский рост практически не проявляется. Так, по данным Росстата, доля инновационной продукции в общем объеме продукции снизилась с 7,2% в 2017 г. до 6,5% в 2018 г., а доля «высокотехнологичных» товаров в экспорте упала с 14,2% в 2017 г. до 11,8% в 2018 г. [10]. При этом методология отнесения продукции к «инновационной», используемая Росстатом, требует специального рассмотрения.

Таким образом, шумпетерианский экономический рост не привязан жестко к какой-то одной экономической системе. Следует отметить, что плановая система в СССР со второй половины 1950-х гг. претерпела существенные изменения, которые негативно сказались на дальнейших перспективах шумпетерианского типа экономического роста в стране. По этой причине неправомерно относить общие характеристики плановой системы на весь период

советской истории, без выяснения специфики каждого этапа и его противоречий.

В этой связи показательна «непростая история советского интернета» [19], который, несмотря на техническую возможность его создания еще в начале 1960-х гг., не был создан из-за сопротивления институциональной среды. Изучавший этот вопрос американский экономист Б. Питерс отмечает, что проект Общегосударственной автоматизированной системы (ОГАС) В.М. Глушкова не был реализован из-за сопротивления сразу нескольких групп интересов: военные не были заинтересованы в сотрудничестве с гражданской наукой из-за опасения в итоге потерять доступ к наиболее дефицитным ресурсам в плановой системе; либеральные экономисты опасались, что система ОГАС и подобные ей приведут к усилению командного начала в экономике, в то время как чиновники, занятые в системе планирования, наоборот, боялись остаться без работы в результате автоматизации процессов управления. Парадоксальным образом, одним из препятствий на пути к созданию ОГАС в советских условиях оказалась не столько плановая система, сколько советский вариант «свободного рынка» – теневая экономика и порожденное ею мощное административное лобби. Напротив, в США в послевоенный период сложилась иная институциональная среда, было налажено тесное взаимодействие между военной и гражданской наукой, и системы SAGE и ARPANET — предшественники современного интернета — создавались в рамках централизованных проектов, финансируемых государством, т. е. в некотором смысле именно «социалистическим», а не «капиталистическим» способом [8].

Следует учесть и влияние на общественное сознание господствовавшей в стране марксистской политэкономии, в которой аспекты качественного роста нашли недостаточно всестороннее отражение. К. Маркс в «Капитале» и других работах хотя и неоднократно подчеркивал ведущую роль науки и технологии в буржуазном обществе, отмечая роль НТП и в повышении «органического строения капитала», и в переходе от «абсолютной» к «относительной» прибавочной стоимости и т. д., тем не менее так и не дал в «Капитале» развернутой *модели стоимости товара с учетом затрат на его разработку*. «Стоимость» («общественно необходимые затраты труда») у Маркса — это, прежде всего, стоимость тиражирования, а не создания товара. Снижение стоимости (равно «общественно необходимых затрат труда»), удешевление товаров — это

удешевление в тиражировании, а не в разработке. Подробнее эти вопросы освещены нами в [3].

Напротив, для шумпетерианского роста характерны иные закономерности: значительная часть затрат приходится на этап разработки нового товара, в то время как издержки на тиражирование относительно невелики и снижаются по мере расширения масштаба выпуска. Например, по некоторым данным, на «физическое производство» (тиражирование) персонального компьютера приходится около 10% его отпускной цены, а доля материалов в цене микропроцессоров не превышает 2% [1, 186 — 187]. Заметим, что данный факт в моделях шумпетерианского роста нашел отражение в разделении рабочей силы на занятых в секторе НИОКР и в собственно производстве.

Шумпетерианскому предпринимателю необходимо окупить высокие затраты на НИОКР, что зачастую невозможно без достижения определенного монопольного положения на рынке. Поэтому в моделях П. Ромера, Ф. Агийона и П. Хоутта получение предпринимателем монопольной прибыли в течение некоторого периода времени рассматривается в качестве вознаграждения за появление нового продукта на рынке. Защиту предпринимателя-новатора от конкуренции на время, достаточное для того, чтобы окупить вложения в НИОКР и получить прибыль, обеспечивает система защиты авторских прав в широком смысле (включая патентную систему, лицензирование). В результате в стоимости продукции увеличивается доля, приходящаяся на «нематериальный капитал», и снижается доля традиционных компонент издержек (труд, физический капитал, транспортные издержки и т. п.). Так, в [17] отмечено, что в период 2000 — 2014 гг. на нематериальный капитал пришлось в среднем 30,4% стоимости всех реализованных промышленных товаров, а общий доход от нематериальных активов вырос за период с 2004 по 2014 г. на 75% в реальном выражении, составив 5,9 трлн. дол. в 2014 г. К примеру, на рынке смартфонов доля фирмы-разработчика в стоимости своей продукции (соответствует «нематериальному капиталу») составила: у «Apple» («Эппл») — 42%, у «Samsung Electronics» («Самсунг электроникс») — 34%, у «Huawei» («Хуавэй») — 42%. При этом стоимость материалов, необходимых для изготовления смартфона, составляет 20 — 23% цены, издержки на продажу и сбыт — еще 15 — 20%, а издержки на труд китайских рабочих, занятых в производстве смартфонов у всех трех фирм, — по 1% [17, 17].

Стремление шумпетерианского предпринимателя к получению прибыли, покрывающей первоначальные вложения в НИОКР, создает *основное противоречие шумпетерианского роста* — между конкуренцией как условием возникновения «новых комбинаций» (инноваций) и монополией как условием обеспечения рентабельности инноваций (из-за высокой стоимости и рискованности НИОКР). Шумпетерианский предприниматель — изначально временный монополист — как и всякий монополист стремится к закреплению своего монопольного положения на рынке, в том числе и при помощи системы авторских прав, превращающейся в этом случае в тормоз дальнейших инноваций и экономического развития. Обеспечив себе гарантированную долю прибыли (за счет «авторских прав»), шумпетерианский предприниматель теряет стимулы к последующим нововведениям. Происходит переход к имитационным инновациям, затрагивающим лишь изменения отдельных характеристик продукта (дизайн, упаковка, добавление второстепенных функций или их перегруппировка и т. п.), что хорошо прослеживается на том же рынке смартфонов или программного обеспечения «Microsoft Office». Отметим, что подобной стратегией бизнес пользовался давно. Например, еще Г. Форд в своих мемуарах отмечал, как «автомобильная промышленность шла по стопам велосипедной, где каждый фабрикант считал своим долгом обязательно выпустить в новом году такую модель, которая как можно меньше походила бы на все предыдущие, чтобы владелец старого велосипеда испытывал большой соблазн обменять свою машину на новую. Такой же тактики придерживаются создатели дамских мод» [12, 53 — 54]. В отличие от указанных фабрикантов, сам Г. Форд придерживался иной стратегии — завоевания долгосрочного доверия потребителя предложением для него одной, доведенной до совершенства модели товара (в данном случае автомобиля).

Наряду с широким распространением имитационных инноваций производители активно используют концепцию «планового устаревания» продукции, сформулированную еще в 1932 г. манхэттенским риелтором Б. Лондоном, который подчеркивал, что нужно всеми способами вытравить из потребителей желание «использовать их старые машины, старые покрышки, старые радиоприемники и старую одежду». Сторонники этой концепции отмечают положительные последствия распространения «одноразовых вещей» для инновационной активности, однако противники «запланированного устаревания» указывают на то, что инновации в этом случае явля-

ются имитационными, не приводящими к возникновению принципиально новых продуктов или технологий. Например, если изобретение антибиотиков пенициллинового ряда обеспечило в 1944—1972 гг. продление средней человеческой жизни на 8 лет, то в 1990—2000-е гг. создание нескольких сотен лекарственных модификаций — всего лишь на 5–6 месяцев [7, 77].

В результате закрепления монополии первоначальных новаторов на результаты инновационной деятельности давление конкурентной среды ослабляется, интенсивность «созидательного разрушения» снижается, поскольку «старые» монополисты могут скупать в массовом масштабе патенты и лицензии на новые изобретения, чтобы не допустить на рынок потенциально прорывные технологии. «Качественный» инновационный рост вырождается в «злокачественный» имитационный рост.

Активное распространение так называемой «цифровой экономики» в последние годы не должно вводить в заблуждение относительно «инновационности» данной формы экономической деятельности. Как отмечает В.М. Кульков [6], цифровой бум сопровождается «цифровым фетишизмом» в разных его формах. Цифровизация активно проникает в сферу финансовых услуг и транзакций (где имеются колоссальные возможности для имитационных инноваций — умножение разного рода «финансовых продуктов»), но при этом приводит к цифровому упрощению экономической действительности, выхолащивая социальную сторону экономики и закрепляя сложившиеся деформации. В значительной степени «цифровая экономика» является надстройкой над индустриальным базисом: отключите электричество — и «цифровая экономика» встанет. Как отмечает Р. Гордон, «изобретения, созданные после 2000 г., ориентированы на развлечения, миниатюризацию, ускорение работы и интеллектуализацию коммуникационных гаджетов, но это не привело к серьезным изменениям в производительности труда и уровне жизни по сравнению с электрическим освещением, автомобилем или водопроводом» [16].

Ослабление конкуренции на уровне глобальных идей и экономических систем в конце XX в. в связи с распадом СССР и советского блока, становление «однополярного мира» во главе с США в 1990-е — 2000-е гг. снизило стимулы к концептуальным, прорывным инновациям, явившись главным фактором затухания шumpетерианского роста, что было отмечено исследователями как снижение числа прорывных инноваций с 1990-х гг. по сравнению с серединой

XX в. «Цифровая экономика» при всей ее бурной активности пока не способна породить принципиально новые технические решения, аналогичные открытию электричества или изобретению двигателя внутреннего сгорания. Решение проблемы замедляющегося экономического роста возможно на пути усиления конкуренции между крупными хозяйственными системами (блоками), т. е. в направлении многополярной глобализации. При этом государство может и должно стимулировать инновационную активность производителей в рамках «своего» блока. Новая политика экономического роста требует для своей реализации, по выражению Ф. Агийона и А. Фестре, «стратегического государства», отличающегося как от кейнсианского «государства всеобщего благосостояния», так и от неolibерального «минималистского государства» [14]. Традиционно в этом случае ведущими оказываются отрасли ОПК. Однако для устойчивого экономического развития и распространения шumpетерианского роста на всю экономику необходимо наладить тесную связь оборонных отраслей с гражданским сектором, что повысит и общую конкурентоспособность хозяйственной системы отдельного блока в мире в целом, и степень ее инновационности.

Литература

1. *Антипина О.Н.* Информационная экономика: современные технологии и ценообразование. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2009.
2. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993.
3. Капитал и «экономика»: Вопросы методологии, теории, преподавания. Вып. 4 / Под ред. В.Н. Черковца. М.: ТЕИС, 2011.
4. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: «Экономика», 2002.
5. *Кульков В.М., Теняков И.М.* К вопросу о координатах инновационных сопоставлений // Экономист. 2013. № 9.
6. *Кульков В.М.* Цифровой фетишизм // Философия хозяйства. 2019, № 4.
7. *Мальцев А.А.* Источники и последствия «технологической стагнации» глобальной экономики // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 5. 2014. Вып. 3.
8. *Миц М.М., Питерс Б.* Как не допустить нацию ко всемирной сети: непростая история советского Интернета // Социаль-

ные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Реферативный журнал. 2018. № 3.

9. *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / Пер. с англ. Ф.В. Маевского. М.: Дело АНХ. 2011.

10. Росстат: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.

11. *Сорокин Г.М.* Планирование народного хозяйства СССР. М., 1961.

12. *Форд Г.* Моя жизнь, мои достижения. Сегодня и завтра. Мн.: Харвест, 2003.

13. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.

14. *Aghion P., Festre A.* Schumpeterian Growth Theory, Schumpeter, and Growth Policy Design // *Journal of Evolutionary Economics*. 2017. Vol. 27 (1). P. 25—42.

15. *Aghion P., Howitt P.* A Model of Growth through Creative Destruction // *Econometrica*. 1992. No. 60.

16. *Gordon R.J.* The rise and fall of American growth: the U.S. standard of living since the Civil War. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2016.

17. Intangible Capital in Global Value Chains. World Intellectual Property Report. 2017: [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_944_2017.pdf (дата обращения: 02.11.2019).

18. *Mensch G.* Stalemate in Technology: Innovations Overcome the Depression. Cambridge, MA: Ballinger Publications, 1979.

19. *Peters B.* How not to network a nation: the uneasy history of the Soviet Internet. Cambridge (Mass.); L.: MIT Press, 2016.

20. *Romer P.* Endogenous Technological Change // *Journal of Political Economy*. 1990. Vol. 98 (5). P. 71 — 102.

References

1. *Antipina O.N.* Informatsionnaya ehkonomika: sovremennyye tekhnologii i tsenoobrazovanie. M.: EHkonomicheskij fakul'tet MGU, TEIS, 2009.

2. *Glaz'ev S.YU.* Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ehkonomicheskogo razvitiya. M.: VlaDar, 1993.

3. Капитал и «экономикс»: Voprosy metodologii, teorii, prepodavaniya. Vyp. 4. / Pod red. V.N. SHerkovtsa. M.: TEIS, 2011.

4. Kondrat'ev N.D. Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. Izbrannye trudy. M.: «EHkonomika», 2002.
5. Kul'kov V.M., Tenyakov I.M. K voprosu o koordinatakh innovatsi-onnykh sopostavlenij // EHkonomist. 2013. № 9.
6. Kul'kov V.M. TSifrovoj fetishizm // Filosofiya khozyajstva. 2019, № 4.
7. Mal'tsev A.A. Istochniki i posledstviya «tekhnologicheskoy stagna-tsii» global'noj ehkonomiki // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstven-nogo universiteta. Ser. 5. 2014. Vyp. 3.
8. Mints M.M., Piters B. Kak ne dopustit' natsiyu ko vseмирnoj se-ti: neprostaya istoriya sovetskogo Interneta // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5, Istoriya: Referativ-nyj zhurnal. 2018. № 3.
9. Peres K. Tekhnologicheskie revolyutsii i finansovyy kapital. Di-namika puzyrej i periodov protsvetaniya / Per. s angl. F. V. Maevskogo. M.: Delo ANKH. 2011.
10. Rosstat: [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.gks.ru>.
11. Sorokin G.M. Planirovanie narodnogo khozyajstva SSSR. M., 1961.
12. Ford G. Moya zhizn', moi dostizheniya. Segodnya i zavtra. Mn.: KHarvest, 2003.
13. SHumpeter J.A. Teoriya ehkonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya. M.: EHksmo, 2007.

М.Ю. ЧАЙКОВ

Сокращение паразитных бизнес-процессов как значимый фактор повышения производительности труда и эффективности всей экономики в целом*

Аннотация. В статье отмечена большая роль, которая отводится теоретиками и практиками в области менеджмента и экономики производительности труда. Приведен краткий обзор высказываний наиболее ярких ученых и руководителей производства, внес-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Чайков М.Ю. Сокращение паразитных бизнес-процессов как значимый фактор повышения производительности труда и эффективности всей экономики в целом // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 151—160.

ших значительный вклад в решение вопросов повышения производительности труда. Предложен новый подход к повышению производительности, основанный на сокращении паразитных (ненужных) бизнес-процессов. Приведены конкретные примеры паразитных бизнес-процессов и причины их появления, а также способ сокращения их количества.

Ключевые слова: производительность труда, паразитный бизнес-процесс, инвентаризация РНТД, ученая степень, отчетность, эффективность экономики.

Abstract. In article the big role who are away by theorists and experts in the field of management and economy of labor productivity are not. The short review of statements of most bright scientists and the production managers which have the considerable contribution to the decision of questions of increase of labor productivity are result. The new approach to increase of the productivity, based on reduction parasitic (unnecessary) business processes are offer. Concrete examples parasitic business processes and the reasons was produced occurrence are more their. The way of reduction them quantity are offer.

Keywords: labor productivity, parasitic business process, inventory of RNTD, scientific degree, reporting, efficiency of economy.

ББК 65.241
УДК 331.101.6

Вопросы повышения производительности труда привлекают внимание человечества давно. Постоянно появляются новые средства труда: оборудование, станки, инструмент и новые более производительные технологии. Большое внимание уделяется совершенствованию организации труда, применению прогрессивных методов и приемов труда, постоянному улучшению производственных процессов.

Особенно много идей, практических рекомендаций, теорий, исследований по вопросам повышения производительности труда стало появляться в XX в. Так, один из создателей автомобильной промышленности США Генри Форд писал относительно сборки поршня: «Рекордная производительность двадцати восьми человек была 175 штук в день. А теперь семь человек в течение восьмичасового дня выпускают 2600 штук» [9]. Талантливый японский мене-

джер, основатель компании Sony Акио Морита говорил: «В компании каждый должен вносить свой посильный вклад, и вклад работников нижнего звена не должен ограничиваться только физическим трудом. Мы настаиваем на том, чтобы все наши работники вкладывали свой ум. Сегодня мы получаем в среднем от каждого из наших работников по восемь предложений за год, и большинство из них — это предложения, как облегчить собственную работу, как сделать ее более надежной, а тот или иной процесс — более эффективным» [5]. Основатель научного менеджмента Фредерик Тейлор считал, что «максимальное благосостояние может быть осуществлено лишь в результате максимальной производительности» [8]. Известный теоретик в области менеджмента Питер Ф. Друкер уверен, что «постоянное повышение производительности является одной из главных задач менеджмента» [2]. Хочется отметить также научный вклад Алексея Гастева — директора Центрального института труда и основоположника научной организации труда. Некоторые «правила для всякого труда», разработанные Гастевым в 1920-х гг., выглядят вполне современно: «На рабочем месте (станок, верстак, пол, земля) не должно быть ничего лишнего, чтобы попусту не тыкаться, не суетиться и не искать нужного среди ненужного» [1].

Инструменты бережливого производства, одним из создателей которого является Тайити Оно, сейчас широко внедряются на предприятиях России для повышения производительности труда. Ученые-экономисты солидарны в том, что «повышение производительности труда являлось наиболее важным фактором, обеспечивающим рост реального продукта и дохода» [6].

Выдающийся мыслитель и теоретик марксизма В.И. Ленин считал понятие «производительность труда» ключевым при разработке теории социализма. «Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. ... Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда» [4].

В настоящее время вопросы производительности труда так же актуальны, как и прежде. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 30 августа 2017 г. № 9) утвержден паспорт приоритетной национальной программы «Повышение производительности труда и поддержка занятости». К 2025 г. в паспорте

предусмотрен запуск программ повышения производительности труда на 850 предприятиях почти во всех субъектах Российской Федерации. Создание национальной программы обусловлено тем, что, по данным правительства, производительность труда в России в 3—4 раза меньше, чем в Европе. Причиной этого, по мнению генерального директора национального центра производительности С. Смирнова, является то, что «как правило, на большинстве наших предприятий — недостаточная организация труда и квалификация рабочих» [7].

Представляется, что причина не только в этом. Все исследователи рассматривают производительность на отдельном рабочем месте, на участке, в цехе, на предприятии, в отрасли, по региону и т. п., анализируя при этом необходимые бизнес-процессы. Но в России существует огромное количество бизнес-процессов, которые совершенно не нужны для дела, так называемые *паразитные бизнес-процессы*. Рассмотрим абсурдную ситуацию. Допустим на промышленном предприятии, численностью 5 тыс. человек, имеются 500 человек, которые ежедневно занимаются бесполезной работой. Например, один день копают яму, на другой — закапывают. И так каждый день. И о какой производительности труда на этом предприятии можно говорить? Очевидно, что предприятие с таким бизнес-процессом не может успешно конкурировать с предприятиями, где аналогичные процессы отсутствуют. В этом случае наличие паразитного бизнес-процесса очевидно, так как его абсурдность «лежит на поверхности». В реальности паразитные бизнес-процессы бывают не так видны, так как они всегда хорошо маскируются под необходимые и активно лоббируются выгодоприобретателями от их наличия, поэтому выявить их не всегда просто. Рассмотрим несколько конкретных примеров паразитных бизнес-процессов.

1. Экспортные поставки военной техники должны сопровождаться оплатой предприятиями — экспортерами лицензионных платежей в пользу Российской Федерации. Размер лицензионного платежа зависит и от доли государства в правах на результаты научно-технической деятельности (РНТД), использованные при изготовлении экспортной продукции. Для расчетов применяется алгоритм, основным звеном которого является инвентаризация прав на РНТД. Практика показала, что проведение инвентаризации прав на РНТД не только очень трудоемко, так как «предполагает анализ значительного числа документов, требует многочисленных согласований

с привлечением специалистов Министерства обороны РФ, Роспатента, Фаприда» [10]; главное же состоит в том, что существующая на данный момент методика проведения инвентаризации прав на РНТД не в состоянии обеспечить достоверность результата, так как при этом не учитываются общеизвестные технические решения, исключительные права на которые не принадлежат никому и которые все могут свободно использовать. «К ним можно отнести типовые технические решения, заимствованные из более ранних разработок, из известных научно-технических источников, справочников, журналов. К тому же в большинстве новых разработок имеются детали и узлы, выполненные по ГОСТу, ОСТу, ТУ» [11]. Не учитываются также технические решения, содержащиеся в покупных элементах и узлах. Кроме того, нарушаются положения 4 ч. Гражданского кодекса, предписывающие проведение определенных действий для придания любому РНТД статуса охраняемого результата.

Для реализации этих паразитных бизнес-процессов в стране созданы специальные структуры: агентства, управления и др. На промышленных предприятиях множество квалифицированных специалистов — конструкторов, технологов, патентоведов, экономистов — вынуждены отрываться от действительно полезных дел. Поэтому количество запатентованных за рубежом российских технических решений сравнительно невелико, а по глобальному индексу инновационной активности Россия находится в пятой десятке стран.

Кроме того, несмотря на большую работу, предприятия-экспортеры в большинстве случаев не могут урегулировать права на результаты научно-технической деятельности с Российской Федерацией. Поэтому наличествуют многочисленные судебные разбирательства в судах разных инстанций и даже в Верховном суде РФ. А это в очередной раз — отвлечение специалистов, непроизводительные траты времени со всеми вытекающими последствиями. Следует отметить, что подобной практики нет нигде в мире.

2. В России принята двухступенчатая система присвоения ученых степеней — кандидат наук и доктор наук. Создание диссертационной работы — сложный трудоемкий процесс, включающий помимо творческой компоненты значительную рутинную оформительскую часть. Для соблюдения формальных требований и обеспечения правильности оформления диссертации разработаны специализированные методические пособия, например, [3]. Учитывая, что диссертация является обобщением научных результатов, изложен-

ных в предшествующих публикациях, востребованность ее невелика. Иногда диссертацию читает 1—2 специалиста, как правило, оппоненты, а остальные же ограничиваются прочтением автореферата. Аттестационное дело соискателя, представляемое в ВАК, зачастую по объему бывает сопоставимо с объемом самой диссертации.

Во многих зарубежных странах действует одноступенчатая система присвоения ученых степеней, а совокупные научные результаты превышают российские, как по числу нобелевских лауреатов, так и по количеству патентов, публикаций, прорывных научных результатов, среднему индексу Хирша.

Если перейти на одноступенчатую систему присвоения ученых степеней, то количество бесполезных бизнес-процессов уменьшится, высвободятся значительные временные ресурсы для творческой работы ученых. При этом формальные требования к соискателям ученых степеней можно усилить. Например, ввести требование: необходимое число публикаций в журналах ВАК — не менее десяти.

3. Существующая система статистической отчетности и отчетности промышленных предприятий перед вышестоящими структурами (корпорациями, концернами, объединениями) предполагает заполнение многочисленных отчетных форм, содержащих нечеткие, размытые показатели, для сбора которых требуется дополнительная аналитическая работа. Часто эти формы изменяются, а показатели являются качественными, а не количественными. Методические указания для заполнения этих форм содержат много субъективных факторов. Например, формы статистической отчетности: № 4 — инновация, № 2 — наука... и т. д. Безусловно, отчетность нужна, но не в таком количестве, и, кроме того, в отчетных формах должны содержаться показатели, которые уже имеются на предприятиях и которые не нужно рассчитывать специально для отчетов, тратя на это время.

4. Периодичность сдачи бухгалтерских отчетов в налоговую инспекцию, на наш взгляд, можно увеличить, особенно для крупных предприятий, которые никуда не исчезнут. Например, один раз в год или один раз в два года, а не раз в квартал.

5. Сейчас приняты чрезмерно длинные наименования должностей, структурных подразделений, предприятий, в которые пытаются втиснуть все функции или должностные обязанности, например, «Заместитель генерального директора по эксплуатации и ре-

конструкции основных фондов и капитальному строительству» или «Управление интеллектуальной собственности, военно-технического сотрудничества и экспертизы поставок вооружения и военной техники Министерства обороны Российской Федерации» и т. п. Неоднократное воспроизведение этих длинных наименований, осуществляемое в процессе производственной деятельности, есть не что иное, как паразитные действия.

6. Организация и проведение политематических выставок, показывающих разнородную продукцию, как правило, региона и носящих зачастую политический, «показушный» характер, является также примером паразитного бизнес-процесса. Эти выставки посещают чисто формально случайные люди без привязки к делу. Для специалистов значительно интереснее специализированные выставки, где можно получить нужную техническую и деловую информацию, пообщаться с коллегами, обменяться опытом, проконсультироваться.

Совершенно очевидно, что здесь приведены примеры лишь незначительной части существующих в настоящее время в России паразитных бизнес-процессов. Понятно, что их намного больше, что они существовали и раньше. что они имеются не только в России, но и в других странах. Классический пример совершенно бесполезного сооружения — Великая китайская стена.

Экономически крайне неэффективно, когда имеется немало организаций и предприятий, где все сотрудники честно работают, все заняты делом, а производительность труда в целом крайне низка. Пора задуматься над потерями. Представляется, что они появляются не в силу случайного стечения обстоятельств: появление паразитных бизнес-процессов в первую очередь обусловлено генетически заложенным стремлением всего живого к экспансии. Субъективная же причина заключается в том, что участники паразитных бизнес-процессов заинтересованы в их сохранении, так как для них это оплачиваемая работа. Обосновать можно все, что угодно, и потому здравый смысл не всегда является серьезным барьером к появлению паразитных бизнес-процессов, особенно в том случае, если бизнес-процесс существует вне конкурентной среды.

Можно привести пример обоснования диаметрально противоположных позиций. Ситуация: призеры спортивных состязаний получают медали. Первая позиция — необходимо отказаться от вручения медалей, так как это пережиток прошлых времен. Еще в

Средние века европейцы приезжали к слаборазвитым племенам и выменивали полезные вещи, предлагая взамен барахло: бусы, блестящие стекляшки, зеркальца, цветные тесемки и тому подобные «украшения», которые эти дикие люди надевали на себя и с гордостью носили. Неужели сейчас, в XXI в., мы должны уподобляться им, вручая призерам состязаний эти позолоченные и посеребренные побрякушки?! Вторая позиция — традиция вручения спортивных медалей существует давно. Еще в Древней Греции победителям олимпиад вручали медали. Они были знаком особого отличия и предметом гордости ее обладателя. Такая же ситуация и сейчас. В настоящее время в мире проводится много соревнований: олимпиады, чемпионаты континентов и стран, которые не только выявляют победителей, но и объединяют народы. На каждом соревновании победителям вручают медали.

И, конечно, эту традицию нужно сохранить. Можно придумать еще немало доводов, поддерживающих как первую позицию, так и вторую. Думаю, что возможность привести аргументы «за» по поводу любого тезиса обосновывают наличие большого числа паразитных бизнес-процессов. А чтобы добиться их ликвидации или хотя бы сокращения количества, необходимо проводить экспертизу всех новых бизнес-процессов, предполагаемых к внедрению. Всё существующее на государственные средства вне конкурентной среды нуждается в принудительной оптимизации. Если бизнес-процессы отсутствуют в ведущих странах мира, то это дает повод еще раз основательно задуматься над целесообразностью их внедрения у нас. Особенно это относится к тем сферам деятельности, где Россия не является лидером. Не нужно «стесняться» копировать лучшие мировые практики в любых областях деятельности. Это позволит российским предприятиям более успешно конкурировать с зарубежными.

Литература

1. *Гастев А.К.* Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. Ленинград: Издательство «Печатный двор», 1972.
2. *Друкер П.Ф.* Практика менеджмента. М.: Издательский дом «Вильямс», 2009.

3. Кузин Ф.А. Методика написания, правила оформления и порядок защиты. Дис. ... канд. экон. наук. М.: Издательство «Ось — 89», 1998.
4. Ленин В.И. Великий почин. Полн. собр. соч. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1970.
5. Морита А. Сделано в Японии. М.: Прогресс, 1990.
6. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. М., Экономикс. Т. 1. М.: Издательство «Республика», 1992.
7. Смирнов С. Производительность труда: национальная идея или утопия // National Business. 2013. № 10.
8. Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента. М.: Издательство «Контроллинг», 1991.
9. Форд Г. Моя жизнь. Мои достижения. М.: Финансы и статистика, 1989.
10. Чайков М.Ю. Доля государства в правах на результаты интеллектуальной деятельности // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2015. № 4. С.43—46.
11. Чайков М.Ю. Распределение прав на результаты интеллектуальной деятельности при экспорте продукции // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2014. № 5. С. 30—34.

References

1. Gastev A.K. Kak nado rabotat'. Prakticheskoe vvedenie v nauku organizatsii truda. Leningrad: Izdatel'stvo «Pечатnyj dvor», 1972.
2. Druker P.F. Praktika menedzhmenta. M.: Izdatel'skij dom «Vil'yams», 2009.
3. Kuzin F.A. Metodika napisaniya, pravila oformleniya i poryadok zashhity. Dis. ... kand. ehkon. nauk. M.: Izdatel'stvo «Os' — 89», 1998.
4. Lenin V.I. Velikij pochin. Poln. sobr. soch. T. 39. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1970.
5. Morita A. Sdelano v YAponii. M.: Progress, 1990.
6. Makkonnell K.R., Bryu S.L. M., EHkonomiks. T. 1. M.: Izdatel'stvo «Respublika», 1992.
7. Smirnov S. Proizvoditel'nost' truda: natsional'naya ideya ili utopiya // National Business. 2013. № 10.

8. *Tejlor F.U.* Printsipy nauchnogo menedzhmenta. M.: Izdatel'stvo «Kontrolling», 1991.

9. *Ford G.* Moya zhizn'. Moi dostizheniya. M.: Finansy i statistika, 1989.

10. *CHajkov M.YU.* Dolya gosudarstva v pravakh na rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti // Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava. 2015. № 4. S. 43—46.

11. *CHajkov M.YU.* Raspredelenie prav na rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti pri ehksporte produktsii // Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'. 2014. № 5. S. 30—34.

В.В. БИРЮКОВ

Экономическое развитие как системный процесс культурных и институциональных изменений*

Аннотация. В статье анализируются проблемы, связанные с формированием современной волны исследований экономического развития в рамках теории неомодернизации и неoinституциональной теории, показывается их парадигмальная ограниченность. Обосновывается необходимость перехода к интерсубъективной парадигме изучения закономерностей развития национальных экономик на основе конструктивистского подхода и радикального пересмотра утвердившейся традиции видения экономической реальности с позиции неоклассической теории рационального выбора, а также изменения представлений о качественных свойствах субъектов экономики, типе экономических связей и отношений. Доказывается эндогенный характер влияния культурных и институциональных переменных на экономическую деятельность людей. Экономическое развитие раскрывается как процесс взаимообусловленных культурных и институциональных изменений; рассматриваются особенности моделей развития, связанные с разным сочетанием побудительных и принудительных мотивов экономического поведения.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бирюков В.В. Экономическое развитие как системный процесс культурных и институциональных изменений // *Философия хозяйства*. 2020. № 1. С. 160—176.

Ключевые слова: методология экономической науки, экономическое развитие, теория неомодернизации, неoinституционализм, конструктивизм, идеи, ценности, институциональные изменения, институциональное насилие.

Abstract. The article analyzes the problems associated with the formation of the modern wave of research of economic development, shows their paradigm limitations in the framework of the theory of neomodernization and neoinstitutional theory. The necessity of transition to the intersubjective paradigm of studying the laws of development of national economies on the basis of the constructivist approach and radical revision of the established tradition of the vision of economic reality from the position of the neoclassical theory of rational choice, as well as changing ideas about the qualitative properties of economic entities, the type of economic relations and The endogenous character of influence of cultural and institutional variables on economic activity of people is proved. Economic development is described as a process of mutually conditioned cultural and institutional changes; the features of development models associated with a different combination of incentive and coercive motives of economic behavior are considered.

Keywords: methodology of economic science, economic development, neomodernization theory, neoinstitutionalism, constructivism, ideas, values, institutional change, institutional violence.

УДК 330
ББК 65.01

Постановка проблемы. Происходящие сегодня в условиях нарастающей четвертой промышленной революции и формирования цифровой экономики процессы сопровождаются кардинальными переменами в способах развития производства, потребления, обмена и распределения. Данные перемены требуют не только расширения проблемного поля и переосмысления понятийного аппарата, но и парадигмального изменения видения картины усложняющейся экономической реальности на основе отказа от упрощенного ее образа. Этот образ сложился в связи с использованием давно устаревшей исследовательской парадигмы и доминирует на протяжении более ста лет в результате тиражирования идей выдающихся представителей экономического мейнстрима. Концептуальное пе-

реосмысление складывающейся реальности предполагает, как отмечает Ю.М. Осипов, выявление скрытых в глубинах процессов с учетом феномена кода. «Между двумя концептуальностями — реальной (объективной) и сознанием (субъективной), не просто связь (корреспонденция), а самое что ни на есть творческое взаимодействие с *кодовыми* узловыми сочетаниями» [10, 19].

Конкурирующие подходы к изучению экономического развития. За последние десятилетия в объяснении закономерностей развития национальных экономик наблюдается определенный сдвиг, связанный со стремлением перейти с поверхностного уровня анализа на более глубокий. При этом в экономической науке сложились два конкурирующих направления исследований, связанных с разной интерпретацией роли культурных и институциональных факторов. В рамках современной версии теории неомодернизации во многом благодаря концепциям К. Венцель и Р. Инглхарта предпринимаются попытки обосновать решающую роль культуры, культурных ценностей и норм в социально-экономическом развитии и трансформации институтов [5; 6]. Вместе с тем в соответствии с неoinституциональным подходом, который стал сегодня центральным направлением экономического мейнстрима, Д. Норт, Дж. Уоллис, Б. Вайнгаст, а также Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон в своих работах исходят из противоположных представлений и указывают на особую значимость фундаментальной конфигурации политических и экономических институтов [1; 10]. Работы этих авторов получили широкую известность, они характеризуются историческим и сравнительным анализом большого массива материала и претендуют на фундаментальную разработку проблем социально-экономического развития. В данных работах, хотя и существуют элементы, способствующие дальнейшему развитию теории, однако их общим изъяном является монокаузальность [4; 7; 12]. В связи с этим сложившиеся исследовательские подходы не позволяют получить удовлетворительного описания движущих сил и механизмов развития национальных экономик с учетом сложной взаимосвязи культурных и институциональных переменных.

Переосмысление утвердившихся монокаузальных интерпретаций процессов экономического развития предполагает смену исследовательской парадигмы — пересмотр метода, предмета и категориальных оснований экономической науки. При этом следует принимать во внимание, что экономическая реальность в связи со

сложностью происходящих в ней процессов в онтологическом плане выступает структурированной и многомерной. По степени осмысления складывающихся событий и эмпирических данных важно выделить три уровня экономической реальности: поверхностно-эмпирический, средний (промежуточный) и глубинный [8]. В связи с этим возникают и три предметных области изучения и интерпретации картины экономического мира. На поверхностно-эмпирическом уровне складывается феноменологическое восприятие непосредственно наблюдаемых событий и эмпирических данных, характеризующих некоторую совокупность объектов или их состояний. На среднем формируется теоретическое восприятие экономической реальности, изучаются и выявляются локальные связи событий. На глубинном (фундаментальном) уровне рассматриваются экономические механизмы, порождающие общие причины формирования системообразующих связей и тенденции их изменения, которые проявляются в разнообразных формах на других уровнях. Данные механизмы являются выражением феномена кода экономической реальности. «Феномен кода — не досужая выдумка, годная лишь для фиктивно-фантазийной литературы, это — *реальность...*» [10, 20].

Доминирование теорий экономического мейнстрима основывается на формальной аналитической строгости, которая достигается за счет упрощенных методологических предпосылок, существенно расходящихся с реальностью. Современная волна неоинституциональных исследований позволяет продвинуть отдельные теоретические конструкторы лишь в рамках устаревшей индивидуалистической парадигмы. Исходя из этой парадигмы культурные феномены (коллективные ценности, институты, идеологии, идеи и др.) неизбежно интерпретируются как экзогенные факторы и не рассматриваются в качестве самостоятельного предмета и инструмента анализа [3]. Вместе с тем, как отмечает Ф. О'Хара, анализ роли культуры в социально-экономическом процессе представляет собой исходный пункт исследования круговой и кумулятивной причинности. Необходимо установить значимость идеологии, ценностей, норм и обычаев. Возможность адекватного понимания стилизованных фактов возникает при условии, если определены причинные связи между оценкой действительности экономическими агентами и отношениями между ними [11, 44]. Переход на качественно новый уровень понимания усложняющейся экономической реальности предполагает

ет разработку новой категориальной сетки на основе изменения представлений о субъектах экономики, их качественных свойствах, природе и типах связей, а также отношений между ними.

Смена парадигмы понимания взаимосвязи ценностных и институциональных изменений в экономике. Парадигмальный пересмотр сложившихся теорий экономического развития требует формирования реалистичного видения механизмов изменения экономической реальности с учетом происходящего в социогуманитарных науках поворота к культуре и идей нового направления институциональных исследований. Его сторонники отвергают лишенную ценностной нагрузки методологию индивидуализма, учитывают intersубъективную природу меняющейся реальности и опираются на конструктивистский подход [13]. Переформатирование исследовательского взгляда с целерациональной и структуралистской моделей экономического поведения субъектов на ценностно-рациональную модель, соответствующую intersубъективной природе экономической реальности, позволяет отказаться от крайностей, которые свойственны конкурирующим подходам, опирающимся на методологию индивидуализма или холизма. В связи с этим становится возможным парадигмальное изменение позитивистского видения проблемного поля исследований с помощью «оптики», предлагаемой исключительно неоклассической теорией рационального выбора [3].

Формирование интерактивного, динамичного и многомерного видения картины экономической реальности в рамках конструктивистского подхода позволяет более содержательно интерпретировать повышение роли когнитивно-ценностной составляющей в экономическом развитии — идей и ценностей, которыми люди руководствуются в своих действиях с учетом структурной, институциональной и культурной их обусловленности.

Признание intersубъективной природы экономической реальности предполагает, что она включает в себя систему связей, норм и правил экономических взаимодействий, а также различные представления об экономике (экономические идеи, образы, ценности и др.), которыми руководствуются субъекты при принятии экономических решений с учетом научного и обыденного ее восприятия. Все эти составляющие экономической реальности существуют благодаря экономической деятельности людей, которые обладают экономической культурой и соответствующими ей способностями

конструировать и менять экономические практики, сетевые структуры и систему отношений, формы и модели экономической жизни.

Выступая важной составной частью национальной культуры, экономическая культура вопреки сложившимся представлениям не находится вне экономической реальности, а одновременно является ее специфической составляющей и занимает особое место в ее структуре. Экономическую культуру необходимо рассматривать как сложную систему символических программ, формирующих особенности экономического мышления и поведения людей. Ее ядро выражает сложившееся экономическое мировоззрение субъектов, которое воплощается в экономических ценностях. Последние выступают как желания субъектов, которые сложились в виде убеждений о значимости различных элементов экономической реальности. На их основе создаются субъект-предметные и субъект-субъектные экономические оценки; рассчитываются издержки и выгоды различных вариантов экономической деятельности; определяется лучший вариант, выбираются цели и методы производства (организационные, технологические, финансовые, маркетинговые и т. д.). В связи с этим утвердившиеся в экономических ценностях идеи определяют интересы, экономический выбор, модель и логику поведения субъектов. В современной экономике рыночная конкуренция выступает прежде всего как конкуренция бизнес-идей, выражающих формирование нового ценностного восприятия меняющейся бизнес-среды, на их основе конструируются и реализуются инновационные бизнес-проекты и бизнес-модели.

Сложность и противоречивость взаимодействия ценностных и институциональных изменений в экономике определяется тем, что интерессубъективная экономическая реальность складывается и трансформируется в процессе взаимодействий индивидуальных и коллективных субъектов, обладающих разными нематериальными и материальными ресурсами. Различные группы акторов исходя из своих экономико-культурных представлений и предпочтений по-разному обосновывают экономические практики, а также стремятся на основе компромисса утвердить в качестве общепринятых разные экономические модели институциональных норм и правил поведения, определяющих взаимосвязи общих и частных выгод.

На ценностно-нормативном уровне осуществляется обсуждение разнообразных идей о желательных и нежелательных направлениях экономических изменений. Правящие и оппозиционные груп-

пы исходя из разного экономического мировоззрения предлагают и обосновывают альтернативные видения и соответствующие ценностные основания моделей экономических преобразований, призванных дать ответ на новые вызовы и угрозы. При этом обсуждение идей и мнений неизбежно приобретает идеологический характер, а экономическое оценивание предпочтительной модели изменения экономической реальности происходит на основе разных экономических представлений об общей выгоде, справедливости институционального построения экономики, значимости рыночных и нерыночных механизмов регулирования экономики и т. д.

Выражая определенное экономическое мировоззрение, экономическая идеология выступает как некоторое упорядоченное видение экономики, в которое вплетаются когнитивные, нормативные и символические компоненты, и включает в себя обобщенное представление о предпочтительной модели экономического развития, экономических принципах и ценностях экономической деятельности (экономической свободе, экономическом равенстве, экономической роли государства и др.). Идеи и ценности доминирующей экономической идеологии задают ключевые ориентиры формирования государством системы институциональных регуляторов экономической деятельности людей.

Экономические ценности, мифологемы и идеологии формируют побудительные мотивы, если люди о них знают и верят в них. Складывающиеся сегодня кардинальные изменения в коммуникативных каналах, вызванные повышением роли интернета и цифровых технологий, способствуют формированию противоречивой конструкции нового смыслового поля экономической реальности. С одной стороны, возникают новые возможности для создания более эффективных регуляторов экономики за счет обмена мнениями, появления платформы для интерактивных обсуждений экономических событий, общественных форм контроля за экономическими действиями властей, сомнительными финансовыми потоками, целевым использованием государственных средств и др. С другой стороны, появляются и новые возможности у правящих сил для создания экономико-информационное пространства, способствующего формированию позитивного имиджа их действий.

Поиск ценностно-нормативного компромисса связан с попыткой решить проблему сбалансированности общих и частных выгод, определяющую успешность выбора национальной модели, и

играет центральную роль в генезисе экономики. В связи с этим Л. Тевено указывает на важность достижения компромисса, который отличается от частичного согласования, а также не выступает как уступка или согласие, полученное на основе уступок [15, 79].

На институционально-инструментальном уровне в соответствии с национальным типом экономического мышления и своеобразием экономико-ценностных ориентаций под влиянием возникающих угроз и вызовов в результате непростых и часто конфликтных взаимодействий субъектов осуществляются институциональные перемены в экономике. В результате противоречивых взаимодействий субъектов могут складываться ценностно-институциональные модели с разными структурными дисфункциями, обусловленными своеобразием механизмов владения ресурсами и распределения национального дохода. В связи с этим проблема институционального принуждения находится в центре разработки парадигмы, реалистично описывающей противоречивые процессы экономического развития. Как отмечают Д. Норт и его коллеги, упуская проблему насилия, экономисты упускают главную проблему развития [9, 437].

Описание закономерностей экономического развития в рамках неонституциональной теории сегодня предлагается осуществлять на основе рассмотрения двух типов институциональных систем в зависимости от характера разрешения противоречий между правящими группами и обществом и особенностями конструирования баланса побудительных и принудительных мотивов. Так, формирование национальной модели, обуславливающей экономическую отсталость, Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст в теории насилия связывают с созданием порядка ограниченного доступа к ресурсам, блокирующим экономическое развитие и определяющим различия в конкурентоспособности национальных экономик, а Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон в своей теории инклюзивных институтов — с созданием экстрактивных институтов, которые позволяют выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части, но экономический рост при которых имеет естественный «потолок» и рано или поздно закончится [1, 66, 123]. Хотя в данных теориях доказывается влияние разных институциональных моделей на особенности формирования механизмов экономического развития, вместе с тем предложенные интерпретации экономического развития остаются неудовлетворительными. Так, в них современная институциональная система за-

падных стран выступает как некий идеал для других стран, как «конец истории»; однако и эти системы в значительной степени опираются на применение принудительных методов. Использование моноказуального подхода не позволяет представить реалистичное описание противоречивой взаимосвязи ценностных и институциональных переменных, которые определяют своеобразие конструирования экономических моделей развитых и развивающихся стран, механизмов формирования побудительных и принудительных методов, а также способов их легитимации.

Сегодня конструирование институциональных моделей развития национальных экономик и механизмов их легитимации во многом определяется тем, что они создаются в соответствии с теми или иными неолиберальными версиями видения экономической реальности и складывающимся на их основе ценностно-нормативным компромиссом, в рамках которого абсолютизируется значимость таких ценностей, как частная собственность и частное предпринимательство, конкуренция и экономическая свобода. При этом формируется коридор возможностей вариации институциональных регуляторов доступа к ресурсам и распределения доходов, который позволяет создавать институциональные дисбалансы в интересах немногих и который возникает в связи с тем, что при достижении критического дисбаланса общих и частных интересов в результате низкого доверия к власти и институтам правления происходят делегитимация и деинституционализация, что порождает развитие кризисных процессов в экономике [2]. В рамках данного коридора сегодня конструируются модели национальных экономик, существенно различающиеся ролью побудительных и принудительных методов институционального регулирования, что обуславливает национальные особенности формирования динамических и структурных параметров экономического развития.

Вопреки предложенному Нортон и его коллегами подходу, в рамках которого насилие рассматривается преимущественно в физическом аспекте, еще П. Бурдьё и Л. Вакант в своей концепции символического насилия показали, что в обществах с высоким уровнем противоречий и разногласий, связанных с высоким уровнем неравенства и несправедливости их устройства, возникает структурное насилие, легитимность которого поддерживается культурным насилием с помощью идеологии, религии, культурных норм и ценностей [18]. Экономические изменения в таких условиях про-

исходят с помощью механизмов легитимации институциональных дисбалансов, которые в условиях доминирования принудительных методов правления над побудительными поддерживаются в виде институционального насилия, выступающим инструментом господства и власти.

Трансформация ценностно-институционального пространства развития национальных экономик в современных условиях происходит под давлением институционально-сетевых структур, которые создают особые преимущества коалициям представителей правящего класса, использующих психологические, социокультурные и другие технологии для обеспечения своего доминирования [14; 19].

Формирование современной модели неолиберального консенсуса приводит к существенному изменению баланса побудительных и принудительных мотивов экономической деятельности. Так, за последние три десятилетия средняя продолжительность обучения в мире увеличилась в 1,5 раза при значительном сокращении неравенства в доступе к образованию; вместе с тем в результате роста дифференциации доходов доля 1% самых богатых в мире людей повысилась в 1,25 раза в условиях стагнации 50% самых низких доходов. Рост неравенства в доходах наблюдался почти во всех регионах мира и под существенным влиянием особенностей ценностно-институциональных моделей развития национальных экономик. Происходящие в условиях неолиберальной модели системные перемены и проведение политики гибкого рынка труда изменили направления развития политико-экономических процессов и структуру занятых в экономике, повысили неустойчивость социально-экономического положения многих групп населения и привели к появлению нового класса социально неустроенных работников — прекариата, который находится в наиболее уязвимом и неустойчивом положении; к формированию культуры гипертрофированного индивидуализма и ослаблению коммуникативных связей, что негативно сказывается на экономическом сознании людей, морально-нравственных качествах.

Сегодня, как отмечает президент Международной социологической ассоциации С. Ханафи, вследствие противоречивого взаимодействия экономических и политических факторов складывается специфическая политико-экономическая конфигурация, которая способствует широкому распространению социально-экономической несправедливости и росту бедности. Во многих пе-

риферийных обществах эта конфигурация порождает неолиберальный авторитаризм, трансформирующий механизмы государственного управления. На данной основе происходит целенаправленное применение централизованной власти для проведения капиталистических преобразований в обществах, где класс капиталистов слаб и не является господствующим. При этом создаются механизмы формирования практического мышления граждан, соответствующих модели неолиберального авторитаризма [16, 5]. Вместе с тем авторитетные исследования свидетельствуют об утрате сегодня большинством людей веры в преимущества капитализма; представления о том, что в нынешнем виде он приносит больше вреда, чем пользы, в значительной степени преобладают не только в развивающихся странах, но и во многих развитых странах Европы, а также и в России.

Рыночно-институциональные трансформации в постсоциалистических странах происходили преимущественно на основе установок Вашингтонского консенсуса, соответствующих устаревшим положениям неоклассической школы, и упрощенных представлений о связи уровня экономического развития, рынка и демократии с универсальностью западного пути и второстепенной значимости национальной культуры. Сложившийся в данных условиях ценностно-нормативный компромисс во многом обусловил формирование имитаторских и ретрократических моделей институциональных изменений, поддерживающих значительный дисбаланс экономических интересов и вызвавших высокий уровень трансформационных издержек. В большинстве постсоциалистических стран, как отмечает Д.М. Церович, в условиях переходного периода сложилось в обществе насилие над этическими, идеологическими, институциональными, экономическими и другими интересами граждан, которое приобрело много новых и изощренных способов проявления (скрытое создание и использование привилегий, коррупция, коалиции интересов, игнорирование интересов народа и др.). Постсоциалистическое институциональное насилие возникло в связи с формированием порядка ограниченного доступа и созданием привилегий группам интересов и «элитам». При этом экономическое насилие, обеспечивающее воспроизводство неравенства и несправедливости, осуществлялось с помощью «злоупотребления институтами», распространения различных форм оппортунистического и квазиинституционального поведения в условиях слабых институтов [17]. Вме-

сте с тем результаты реформирования национальных экономик значительно отличались в зависимости от особенностей формирования ценностно-нормативного компромисса и конструируемых на его основе комбинаций побудительных и принудительных мотивов экономического поведения.

Создание в нашей стране дисфункциональной модели, основанной на неадекватной усложняющейся реальности неолиберальной парадигмы, вызвало вступление российской экономики в новую фазу развития. Сложившиеся в условиях глубокого неравенства доступа к ресурсам экономические тенденции свидетельствуют о формировании системы институциональных регуляторов, которые порождают доминирование принудительных мотивов над побудительными и блокируют возможности задействования стимулов повышения инновационной, инвестиционной, предпринимательской и трудовой активности. Это обуславливает развитие стагнационных процессов и ухудшение конкурентных позиций страны, рост доходов и концентрацию ресурсов у представителей крупного бизнеса и политической «элиты», распространение теневой экономики и отток капитала за границу, дифференциацию доходов населения на критическом уровне и ухудшение демографической ситуации; формирование институционального принуждения приводит к снижению доверия к институтам и власти.

Сегодня Россия вступает в новый этап экономических трансформаций, который складывается в условиях исчерпания потенциала устаревшей и конфронтационной модели развития экономики и кредита доверия, смены правительства и конституционных изменений, обусловленных необходимостью формирования более сбалансированной системы отношений власти и общества. В данных условиях попытки институционального маневрирования в рамках устаревшего экономического мировоззрения на основе незначительных корректировок дисбаланса экономических интересов и совершенствования методов институционального принуждения при низком качестве государственного управления не способны кардинально повысить конкурентоспособность российской экономики; неустойчивость экономического положения и нарастание угроз экономической безопасности в этом варианте развития событий будут усиливать конфликт интересов правящей группы с интересными населения и большей части бизнес-сообщества, вызывая процессы даль-

нейшего снижения институционального доверия, делегитимации и деинституционализации.

Мировой опыт убедительно свидетельствует о том, что успешность развития одних национальных экономик и неудачи других во многом определяются особенностями формирования ценностно-нормативного компромисса, обуславливающего коридор возможностей комбинирования побудительных и принудительных методов регулирования экономической деятельности людей. «Принимая во внимание идеи, мы можем предложить более убедительные объяснения как застоя, так и изменений в политико-экономической жизни» [13, 23]. Если власть ставит целью своей деятельности успешное экономическое развитие страны, то она неизбежно осуществляет институциональные изменения на основе разработки и реализации идей создания ценностно-нормативного компромисса, который связан с отказом от институциональной модели, предполагающей доминирование принудительных мотивов над побудительными и использование в связи с этим преимущественно непопулярных мер.

Выработка позитивного ответа российской экономики на долговременные угрозы и вызовы требует ценностно-институционального разворота, который позволит осуществлять в стране стратегически эффективные и популярные меры, направленные на устранение сложившихся глубоких структурных дисфункций и трансформировать экономику в интересах всех с помощью конструирования побудительных и принудительных методов институционального регулирования, ориентирующих субъектов всех секторов национальной экономики и всех ее уровней на производство инновационной ренты. При этом важно учитывать не только новые ограничения, но и новые возможности ответов на глобальные угрозы и вызовы, которые возникают в процессе трансформации мировой экономики и связаны с разработкой конкурирующих ценностно-нормативных проектов изменения институционального устройства центропериферийной системы, финансово-экономической и валютной архитектуры.

Заключение. Преодоление сложившейся сегодня парадигмальной ограниченности теорий экономического развития требует радикального пересмотра утвердившейся традиции видения экономической реальности с позиции неоклассической теории рационального выбора. Необходим переход к интересубъективной пара-

дигме изучения закономерностей развития национальных экономик, которая позволяет рассматривать ценностные и институциональные переменные в качестве эндогенных факторов экономического развития, а также содержательно раскрыть процесс взаимообусловленных культурных и институциональных изменений с учетом многоуровневой природы экономической реальности и особенностей формирования способов легитимации создаваемых механизмов регулирования экономических изменений.

Сегодня российская экономика находится в сложных структурных условиях. Для того чтобы не сместиться на мировую периферию, необходимо конструирование соответствующей стратегическим национальным ценностям и интересам модели успешных и популярных институциональных изменений, благоприятных для повышения производительности и роста конкурентоспособности национальной экономики, на основе выхода за парадигмальные рамки устаревшего экономического мировоззрения и формирования адекватного реалиям ценностно-нормативного компромисса, обеспечивающего равный доступ к ресурсам и переориентацию институциональных регуляторов на создание и поддержание устойчивого и существенного доминирования побудительных мотивов над принудительными.

Литература

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: АСТ, 2016.
2. Бирюков В.В. Власть и институциональные перемены в экономике // Вестник Омского университета. Сер. Экономика. 2017. № 5. С. 5—12.
3. Бирюков В.В. Нормативно-культурологический поворот и смена парадигмы развития экономической науки // Философия хозяйства. 2018. № 3. С. 66—76.
4. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Экономическое развитие как смена качественно разных систем социально-экономических отношений: к критике «панинституализма» и «идеационного» подхода // Вопросы экономики. 2019. № 10. С. 99—114.
5. Венцель К. Рождение свободы. М.: ВЦМОМ, 2017.
6. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяется человеческие мотивации и как меняется этот мир. М.: Мысль, 2018.

7. *Капелюшников Р.И.* Contra панинституционализм. Ч. I // Вопросы экономики. 2019. № 7. С.119—146.
8. *Лоусон Т.* Современная «экономическая теория» в свете реализма // Вопросы экономики. 2006. № 2. С. 75—98.
9. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
10. *Осипов Ю.М.* От начального «Леонардо» к конечному «да Винчи»: кодоидальная мистерия (философское эссе на незаданную тему) // Философия хозяйства. 2019. № 5. С. 11—20.
11. *О'Хара Ф.* Современные принципы неортодоксальной политической экономики // Вопросы экономики. 2009. № 12. С. 38—57.
12. *Полтерович В.М.* К общей теории социально-экономического развития. Ч. 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 5—26.
13. *Родрик Д.* Когда идеи важнее интересов: предпочтения, взгляды на мир и инновации в экономической политике // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 22—44.
14. *Соловьев А.И.* Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 127—146.
15. *Тевено Л.* Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. 1999. № 10. С. 69—84.
16. *Ханафи С.* Глобальная социология: навстречу новым направлениям // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 3—7.
17. *Церович Д.М.* Институциональное насилие в восприятии населения стран Юго-Восточной Европы // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 158—163.
18. *Bourdieu P., Wacquant J.* An invitation to Reflexive Sociology. Chicago, University of Chicago Press, 1992.
19. *McClurg S D., Lazer D.* Political Network // Social Network. 2014. Vol. 36. No.1. P. 1— 4.

References

1. *Adzhemoglu D., Robinson Dzh.A.* Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. M.: AST, 2016.

2. *Biryukov V.V.* Vlast' i institutsional'nye peremeny v ekonomike // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Ekonomika. 2017. №5. S. 5—2.
3. *Biryukov V.V.* Normativno-kul'turologicheskii povorot i smena paradigmy razvitiya ekonomicheskoi nauki // Filosofiya khozyaistva. 2018. № 3. S. 66—76.
4. *Buzgalin A. V., Kolganov A. I.* Ekonomicheskoe razvitie kak smena kachestvenno raznykh sistem sotsial'no-ekonomicheskikh otnoshenii: k kritike «paninstitualizma» i «ideatsionnogo» podkhoda // Voprosy ekonomiki. 2019. №10. S. 99—114.
5. *Ventsel' K.* Rozhdenie svobody. M.: VTsMOM, 2017.
6. *Inglkhart R.* Kul'turnaya evolyutsiya: kak izmenyaetsya che-lovecheskie motivatsii i kak menyaetsya etot mir. M.: Mysl', 2018.
7. *Kapelyushnikov R.I.* Contra paninstitutsionalizm. Chast' I // Voprosy ekonomiki. 2019. № 7. S.119—146.
8. *Louson T.* Sovremennaya «ekonomicheskaya teoriya» v svete realizma // Voprosy ekonomiki. 2006. № 2. S. 75—98.
9. *Nort D., Uollis Dzh., Vaingast B.* Nasilie i sotsial'nye por-yadki: Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii che-lovechestva. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2011.
10. *Osipov Yu.M.* Ot nachal'nogo «Leonardo» k konechnomu «da Vinchi»: kodoidal'naya misteriya (filosofskoe esse na nezadannuyu temu) // Filosofiya khozyaistva. 2019. № 5. S. 11—20.
11. *O`Khara F.* Sovremennye printsipy neortodoksal'noi politicheskoi ekonomiki // Voprosy ekonomiki. 2009. №12. S. 38—57.
12. *Polterovich V.M.* K obshchei teorii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. Chast' 1. Geografiya, instituty ili kul'tura? // Voprosy ekonomiki. 2018. № 11. S. 5—26.
13. *Rodrik D.* Kogda idei vazhnee interesov: predpochteniya, vzglyady na mir i innovatsii v ekonomicheskoi politike // Voprosy ekonomiki. 2015. №1. S. 22—44.
14. *Solov'ev A.I.* Gosudarstvennye resheniya: kontseptual'nyi prostor i tupiki teoretizatsii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2015. №3. S. 127—146.
15. *Teveno L.* Mnozhestvennost' sposobov koordinatsii: ravnovesie i ratsional'nost' v slozhnom mire // Voprosy ekonomiki. 1999. №10. S. 69 —84.
16. *Khanafi S.* Global'naya sotsiologiya: navstrechu novym napravleniyam // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. №8. S. 3—7.

17. *Tserovich D.M. Institutsional'noe nasilie v vospriyatii nase-
leniya stran Yugo-Vostochnoi Evropy // Sotsiologicheskie issledovaniya.*
2019. № 5. S. 158—163.

Г.Н. ИСМОИЛОВ

Динамика региональных уровней цен в России*

Аннотация. В переходный период от командно-административной к рыночной экономике регионы России развивались неодинаково — в частности, значительно различаясь по уровню цен, богатству, удаленности от экономических центров. В работе исследуется взаимосвязь между этими показателями в динамике за 2002—2019 гг. Показано, что в течение всего времени наблюдается конвергенция регионов по ценам. При этом в период бурного роста (2002—2008), а также после 2014 г. в богатых регионах товары дорожали сильнее (в период мирового экономического кризиса и периода восстановления 2009—2014 гг. эта тенденция становилась незначимой). Также в период 2002—2014 гг. наблюдался опережающий рост цен в наиболее удаленных регионах. В последние пять лет эта тенденция сменилась на противоположную. Ряд более тонких зависимостей был выявлен с использованием моделей панельных данных.

Ключевые слова: экономическая география, региональная экономика, динамика, уровень цен, богатство, неоднородность, прикладная эконометрика.

Abstract. During transition from Soviet to market economy Russian regions developed in different ways — in particular, regions became very different in prices, welfare and distance from the economic centers. The paper considers relations between these variables in dynamics for 2002—2019. It's shown that during the whole period regions have con-

*Исследования выполнены при поддержке РФФИ, грант 19-010-00183.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Исмоилов Г.Н. Динамика региональных уровней цен в России // *Философия хозяйства*. 2020. № 1. С. 176—183.

verged at prices. At the same time during high growth (2002—2008) and after 2014 the goods became more expansive in rich regions. During international economic crisis and in the recovery period 2009—2014 this tendency was insignificant. During 2002—2014 the highest inflation was in the most distant regions. In the last 5 years this trend was reversed. Some more dependencies have been identified using panel data models.

Keywords: economic geography, regional economics, dynamics, price level, welfare, heterogeneity, applied econometrics.

УДК 338.5
ББК

Исторически сложилось, что уровень жизни в России существенно разнороден и весьма различается по регионам. Это связано с историческими особенностями, ресурсной базой и инфраструктурой региона, его природными условиями и условиями для внутренней и внешней торговли, качеством рабочей силы и местной власти, а также многими другими факторами [4]. В период перехода от командно-административной к рыночной экономике процесс дивергенции по регионам усилился. В частности, это коснулось региональных цен, значительно отличающихся в разных частях России. Существенный интерес представляют исследование сохранения или смены данных тенденций, а также выявление других факторов, влияющих на средний региональный уровень цен.

Одним из ключевых факторов, влияющих на цены, является удаленность от экономического центра. Еще начиная с работ Маккиндера [11], Кристаллера [8] и Лёша [10] была создана модель «центр—периферия», в современном виде реализованная Полом Кругманом [10]. Среди ключевых принципов модели можно выделить то, что капиталоемкие процессы сосредотачиваются в центре, а трудоемкие — на периферии, зарплата в центре выше, чем в периферийных регионах, а структура экономики более сложная [11]. При этом существенное влияние на экономику оказывают география распределения ресурсов, а также существенные транспортные издержки, усложняющие доставку продукции в удаленные регионы. В связи с этим особенно актуально изучить эмпирику для такой большой страны, как Россия.

Если посмотреть на динамику заработных плат (табл. 1) и стоимостей потребительских корзин (табл. 2) за 2002—2019 гг. в регионах России, можно увидеть тенденцию к выравниванию.

Таблица 1

**Заработная плата по регионам России
(тыс. р./мес.) и ее отличия (раз)**

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Макс.	13502	17271	18618	23314	25703	30859	38317	42534	46866
Мин.	1834	2409	3000	3660	4530	5696	7595	9125	10244
Отличие	7,36	7,17	6,21	6,37	5,67	5,42	5,05	4,66	4,58
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Макс.	53369	60807	68261	76285	79531	86647	91995	98374	101662
Мин.	11236	13660	16835	18194	19239	20629	21941	24780	24550
Отличие	4,75	4,45	4,05	4,19	4,13	4,20	4,19	3,97	4,14

Таблица 2

**Стоимость потребительской корзины по регионам России
и ее отличие**

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Макс.	5900	7259	8037	9199	10475	11731	12969	14162	15240
Мин.	2263	2632	2967	3412	3909	4291	5017	5853	6325
Отличие	2,61	2,76	2,71	2,70	2,68	2,73	2,59	2,42	2,41
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Макс.	15680	16611	17751	18519	20695	23272	24455	25119	26124
Мин.	7369	7398	8151	8878	10370	11434	11862	12294	13067
Отличие	2,13	2,25	2,18	2,09	2,00	2,04	2,06	2,04	2,00

Попробуем оценить эти тенденции количественно, построив базовую модель бета-конвергенции региональных цен за весь период наблюдений с 2002 по 2019 г. Результирующим показателем у будет рост цен в регионе за 17 лет, объясняющей переменной —

изначальный уровень цен, задаваемый стоимостью потребительской корзины, $x^{(1)}$. В качестве дополнительных факторов включим в модель богатство региона (средняя заработная плата $x^{(2)}$ на начало периода) и удаленность от Москвы $x^{(3)}$. Модель имеет вид:

$$y = 7,00 - 0,53 x^{(1)} + 0,008 x^{(2)} + 0,014 x^{(3)}, R^2 = 0,379.$$

(0,31) (0,17) (0,031) (0,019)

С одной стороны, модель подтверждает гипотезу конвергенции: более высокий изначальный уровень цен означает более медленный их дальнейший рост, с другой — качество модели не очень высоко, и оба дополнительных фактора являются незначимыми.

Незначительное улучшение результатов можно получить, если учитывать расстояние $x^{(3)}$ менее, чем линейно, например, в виде корня. Модифицированная модель примет вид:

$$y = 7,05 - 0,49 x^{(1)} + 0,040 z^{(2)} - 0,188\sqrt{x^{(3)}}, R^2 = 0,411.$$

(0,27) (0,15) (0,043) (0,079)

Значимость модели несколько повысилась. Было выявлено, что после огромного расхождения регионов по уровню цен в 1990-е гг. начало прослеживаться их некоторое выравнивание, что, в частности, связано с восстановлением транспортной системы и торговых связей. В то же время в наиболее удаленных, в первую очередь, дальневосточных регионах эти тенденции оказались менее выраженными.

При этом более внимательный взгляд на данные позволяет выявить три периода с различными — подчас диаметрально противоположными — тенденциями. Первый период — период бурного экономического роста, продолжавшийся с 2002 по 2008 г. Второй период (2009—2014) — период мирового экономического кризиса и восстановления экономики. Наконец, 2015—2019 гг. — период кризиса российской экономики, связанного, в том числе, с падением цен на энергоносители, политическими проблемами и экономическими санкциями, а также резким усилением роли государства в экономике.

Для того, чтобы представленные здесь и ниже модели было удобно сопоставлять друг с другом, необходимо все денежные показатели скорректировать на инфляцию, приведя к уровню 2002 г.

Далее можно строить модели, аналогичные вышеприведенным, для каждого из интервалов времени. Результаты представлены в табл. 3. Здесь для каждого периода построено две модели динамики региональных цен — исходная, зависящая от базового уровня цен в регионе $x^{(1)}$, базового уровня богатства $x^{(2)}$ и расстояния от Москвы $x^{(3)}$, и модифицированная, зависящая от квадрата расстояния, что усиливает роль наиболее удаленных регионов. Указаны коэффициенты и стандартные ошибки коэффициентов. Одной, двумя и тремя звездочками обозначены регрессоры, значимые при уровне значимости 5, 1 и 0,1% соответственно.

Таблица 3

Трехпериодные модели динамики региональных цен						
	2002—2008		2009—2014		2015—2019	
<i>const</i>	3,01 (0,15)	3,17 (0,16)	1,79 (0,06)	1,83 (0,06)	1,58 (0,05)	1,56 (0,05)
$x(1)$	-0,22** (0,08)	-0,30*** (0,08)	-0,09** (0,03)	-0,10** (0,03)	-0,06** (0,02)	-0,06** (0,02)
$x(2)$	0,053** (0,021)	0,058** (0,021)	0,003 (0,006)	0,004 (0,006)	0,007* (0,003)	0,007* (0,003)
$x(3)$	0,007 (0,015)		0,005 (0,005)		-0,008* (0,004)	
$(x(3))^2$		0,005* (0,002)		0,002* (0,001)		-0,0013* (0,0006)
<i>R</i> ²	0,102	0,147	0,326	0,342	0,315	0,306

Модели демонстрируют наличие сильной конвергенции регионов по ценам в течение всех трех периодов. Остальные же факторы в разные моменты действуют по-разному.

В период бурного экономического роста 2002—2008 гг. более всего росли цены в наиболее богатых регионах, обладающих платежеспособным спросом. В последние пять лет эта тенденция возобновилась. Однако во время экономического кризиса компании, работающие в более экономически продвинутых регионах, наиболее пострадавших от кризиса, стремились любым способом, в том числе, снижением цен, сохранить спрос, поэтому рост цен замедлялся относительно общероссийского уровня, и тенденция опережающего роста цен становилась незначимой.

В 2002—2014 гг. также наблюдалась слабая, но устойчивая тенденция к опережающему росту цен в наиболее удаленных регионах. В последние пять лет она сменилась на противоположную, что, в частности, связано с резким увеличением роли государства, усилением контроля над ценами и другими ограничивающими мерами, что сделало регионы более похожими друг на друга.

Продемонстрированные выше модели показали, что тенденции типично сменяются достаточно быстро, держатся 5—8 лет и зависят от внешних условий, в частности, от темпов экономического роста. Поэтому на основе имеющихся панельных данных построим единую модель зависимости региональной инфляции за предстоящие несколько лет y от начальной цены потребительской корзины $x(1)$, приведенной с помощью индекса цен к единому уровню, богатства региона на начало периода $x(2)$, выраженного через среднюю зарплату, и расстояния до Москвы $x(3)$, включенного в модель в виде квадрата. Также учтем экономический рост $x(4)$ за рассматриваемый период и динамику снижения инфляции во времени. Получим в зависимости от длительности периода следующие модели (табл. 4):

Таблица 4

**Модели оценки динамики региональных цен
на панельных данных**

	5 лет	6 лет	7 лет	8 лет
$const$	−0,92 (0,33)	−0,70 (0,39)	−0,80 (0,47)	3,04 (0,56)
$x(1)$	−0,097*** (0,011)	−0,125*** (0,013)	−0,176*** (0,011)	−0,211*** (0,021)
$x(2)$	0,007** (0,002)	0,008** (0,003)	0,016*** (0,003)	0,019*** (0,004)
$(x(3))^2$	0,0010** (0,0004)	0,0012** (0,0004)	0,0016** (0,0005)	0,0018** (0,0006)
$x(4)$	2,98*** (0,31)	3,12*** (0,36)	3,60*** (0,44)	0,38 (0,52)
t	−0,029*** (0,002)	−0,047*** (0,003)	−0,067*** (0,003)	−0,112*** (0,004)
R^2	0,798	0,847	0,857	0,852

Наилучших результатов (и по величине коэффициента детерминации, и по t -статистикам) мы достигаем на 7-летних интервалах. Этого времени достаточно, чтобы устранить краткосрочные случайные колебания, но в то же время тенденция еще не успевает смениться.

Среди новых качественных результатов отметим положительную взаимосвязь цен и экономического роста. Во время последнего у потребителей появляются деньги, которые они готовы потратить даже на дорогую продукцию, а в кризис производители вынуждены привлекать покупателей, у которых недостаточно денег, скидками и распродажами.

Среди количественных результатов выделим следующие. Каждый год при прочих равных условиях инфляция снижается почти на 1% (6,7% за семилетний период). Если в некоем регионе начальная цена корзины в ценах января 2002 г. растет на 1 тыс. р. (заметим, что 17 лет назад это была довольно крупная сумма), то там (снова при прочих равных условиях) инфляция будет ниже на 2,5% (17,6% за семилетку). Аналогично — рост зарплаты на 1 тыс. р. приводит к дополнительному росту цен на 1,6% за 7 лет, т. е. чуть больше 0,2% в год.

Удаленность от Москвы приводит к опережающему росту цен, однако сказываться она начинает на значительных расстояниях. Например, в Приморье, удаленном примерно на 6,5 тыс. км, рост цен будет выше на 1% в год. В Красноярске, расположенном вдвое ближе, дополнительный рост цен составит 0,25% в год. Влияние на европейские регионы (включая северный Мурманск и республики Кавказа) практически отсутствует.

Литература

1. Блэкуэлл Р., Миниард П., Энджел Дж. Поведение потребителей. СПб.: Питер, 2010. 944 с.
2. Глуценко К. Закон единой цены в российском экономическом пространстве // Прикладная эконометрика. 2010. Т. 17. № 1. С. 3—19.
3. Журавлёв А.Л., Поздняков В.П. Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2014. Т. 1. № 3. С. 46—64.

4. *Зубаревич Н.В., Артоболевский С.С., Кузнецова О.В.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010.
5. *Суринов А.Е.* Межрегиональные сопоставления стоимости жизни. Социология власти. 2003. № 1.
6. *Balassa B.* The Purchasing Power Parity Doctrine: A Reappraisal // *Journal of Political Economy*. 1964. Vol. 72. P. 584—596.
7. *Christaller W.* Die zentralen Orte in Süddeutschland: eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmässigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen. University Microfilms, 1933.
8. *Combes P., Mayer T., Thisse J.* Economic geography: the integration of regions and nations. Princeton University Press, 2008.
9. *Krugman P.* Increasing returns and economic geography // *Journal of political economy*. 1991. T. 99. No. 3. P. 483—499.
10. *Losch A.* Economics of location. 1954.
11. *Mackinder H.* The geographical pivot of history. Royal Geographical Society, 1904.
12. *Samuelson P.* Theoretical Notes on Trade Problems // *Review of Economics and Statistics*. 1964. No. 46. P. 145—164.

References

1. *Blekhuehl R., Miniard P., EHndzhel Dzh.* Povedenie potrebitel'ev. SPb.: Piter, 2010. 944s.
2. *Glushhenko K.* Zakon edinoj tseny v rossijskom ehkonomicheskom prostranstve // *Prikladnaya ehkonometrika*. 2010. T. 17. № 1. S. 3—19.
3. *Zhuravlyov A.L., Pozdnyakov V.P.* EHkonomicheskaya psikhologiya: teoreticheskie problemy i napravleniya ehmpiricheskikh issledovanij // *Psikhologiya. Zhurnal vysshej shkoly ehkonomiki*. 2014. T. 1. № 3. S. 46—64.
4. *Zubarevich N.V., Artobolevskij S.S., Kuznetsova O.V.* Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya. M.: Nezavisimyj institut sotsial'noj politiki, 2010.
5. *Surinov A.E.* Mezhregional'nye sopostavleniya stoimosti zhizni. Sotsiologiya vlasti. 2003. № 1.

IV

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

А.И. БУЛГАРОВ

К вопросу о метафизике: бытие или человек*

Аннотация. В статье рассматриваются два подхода в определении метафизики. Один подход представлен Кантом, в его интерпретации метафизика сводится к антропологии; второй — Хайдеггером. Из метафизики Хайдеггер выводит фундаментальную онтологию. Цели статьи — через исследование различного понимания метафизики Кантом и Хайдеггером сформулировать содержательный и актуальный ответ на вопрос о метафизике, о ее принадлежности либо к антропологии (Кант), либо к онтологии (Хайдеггер); а также на основе предложенных Гиренком новых прочтений вопросов Канта показать, почему необходим постхайдеггерианский поворот к Канту, мерой которого вновь должен стать человек.

Ключевые слова: метафизика, коперниканский поворот, антропология, человек, фундаментальная онтология, бытие, мышление, конечность.

Abstract. The article considers two approaches to the definition of metaphysics. One approach is represented by Kant. In his interpretation, metaphysics is reduced to anthropology. The Second Was Heidegger. From metaphysics Heidegger deduces a fundamental ontology. The aims and objectives of the article are to formulate through the study of the different understanding of metaphysics by Kant and Heidegger a meaningful and relevant answer to the question of metaphysics, its belonging either to anthropology (Kant) or to ontology (Heidegger). Secondly, on the basis of Girenok's proposed new readings of Kant's questions, it is necessary to show why a post-heideggerian turn to Kant is necessary, the measure of which, again, man must become.

Keywords: metaphysics, Copernican turn, anthropology, man, fundamental ontology, being, thinking, finiteness.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Булгаров А.И. К вопросу о метафизике: бытие или человек // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 187—196.

УДК 101
ББК 87.5

Коперниканский поворот в философии

В предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» Кант, сравнивая свою мысль в философии с революционной идеей Коперника в астрономии, предлагает решиться поставить вопрос о метафизике радикально иначе, чем это было прежде, потому как все попытки в отношении познания, предпринятые ранее, заканчивались неудачей.

Суть этого поворота состоит в следующем: не наше познание должно соотнобразовываться с предметами, а предметы должны соотнобразовываться с нашими знаниями о них. «А это лучше согласуется с требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны» [3, 23].

Это значит, что если раньше окружающий нас мир понимался метафизикой как сущее в целом, как независимая от человека данность, то теперь он стал рассматриваться через призму возможностей априорного знания о нем. Следствием такого поворота стала возможна антропология, более того, антропологический модус в философии стал определяющим.

Уже в «Логике» Кант вводит в философию антропологический принцип, согласно которому отвечать на вопросы метафизики, а также морали и религии нужно через ответ на вопрос: «Что такое человек?» [4, 280], т. е. метафизика становится в определяемое положение от антропологии.

Однако такой тип вопрошания в целом оказывается нехарактерным и неприемлемым для европейской философии, так как ее траектория определяется вопросом: «Что есть сущее?», но не из человека, а исходя из сущего как такового. Кант же своим коперниканским поворотом учреждает новую позицию вопрошания в философии, ставя в зависимое положение решение вопроса о сущем от решения вопроса о человеке, и тем самым вызывает в философии недоумение и критику, получившую развитие в наиболее развернутом виде у Хайдеггера. Хайдеггер же ставит себе задачу обратного характера, а именно, вернуться к изначальной версии вопрошания о сущем. Для чего он предпринимает попытку истолкования метафизики Канта таким образом, чтобы можно было получить возможность для обоснования фундаментальной онтологии, и через крити-

ку антропологии и сведения ее к человековедению подчинить ее, представив в виде региональной онтологии, чтобы тем самым вернуться к искомому вопросу о сущем как таковом, но уже в терминах философии Dasein.

Свобода или Dasein

Хайдеггер во введении к книге «Кант и проблема метафизики» ясно формулирует перед собой задачу, которая состоит в том, чтобы истолковать «Критику чистого разума» таким образом, чтобы представить проблемы метафизики в качестве проблем фундаментальной онтологии [5, 1].

Но правомерно ли такое истолкование с точки зрения философии Канта?

В этой же работе Хайдеггер даст определение фундаментальной онтологии как онтологической аналитики конечного человеческого существа, для которой метафизика человеческого существования (Dasein) необходима «для осуществления возможности самой метафизики» [5, 1].

Вот этот поворот к метафизике как «самой по себе» есть совершенно противоположное движение мысли по сравнению с тем, к чему двигается Кант.

Ясно, что по смыслу его коперниканского поворота в философии речь идет о метафизике именно как философской антропологии, как потом он скажет в «Логике», понимаемой как наука о внутренних принципах выбора между разными целями. Кант в этом принципе заключит всю силу философского мышления. Что это за принцип? Можно сказать так: этим принципом является свобода человека. Вот главный вопрос философской антропологии — вопрос о свободе. Но эта свобода также предполагает и произвол, а на произволе, как и на свободе, нельзя построить никакую онтологию, разве что онтологию человека, т. е. опять же антропологию, но это Хайдеггер и не принимает. Почему? Не потому, что у него не хватает мужества принять бремя свободы и одновременно одиночества человека в этом выборе, и не потому, что придется бросить фактически дело жизни, заключенное в построении фундаментальной онтологии. Нет, а потому, как представляется, что он двигался в горизонте изначального вопрошания о единстве сущего, которое, будто бы, может быть понято из самого себя, пусть и через то, что Хайдеггером будет обозначено как Dasein. Спрашивается, какой

ценой это единство может быть достигнуто по Хайдеггеру? Ценой редукции человека к «онтологической аналитике конечного человеческого существа», а также причисления человеку к региону сущего.

Онтологическая аналитика конечного человеческого существа

Что эта за аналитика и почему идет речь о некоей конечности человеческого существа? Здесь мы подходим к одному из двух ключевых тезисов, апеллируя к которому Хайдеггер переосмысливает Канта и создает основание для фундаментальной онтологии. Этот тезис о конечности Хайдеггер выводит из своей интерпретации поставленных Кантом четырех вопросов, определяющих сферу философии. Вот эти вопросы: 1) что я могу знать? 2) что я должен делать? 3) на что я вправе надеяться? 4) что такое человек? [4, 280]. С точки зрения Канта, первые три по существу следует свести к последнему. Но для Хайдеггера эти вопросы означают не то же самое, что для Канта. И он решает истолковать их по-своему.

Первый вопрос он проясняет так: «Всемогущему существу не нужно спрашивать: что я могу, т. е. что я не могу? ...Спрашивающий же “что я могу?” выказывает тем самым свою конечность. Тот, чей внутреннейший интерес связан с этим вопросом, проявляет глубинную конечность в самом внутреннем ядре своего существа» [5, 126].

Из второго вопроса Хайдеггер делает аналогичные выводы: «Существо, чей внутреннейший интерес заключается в должностовании, в основе, является конечным» [5, 126].

Таким же образом он поступает и с третьим: «Любое ожидание, открывает нужду». Человеческий разум тем самым, на его взгляд, свидетельствует о себе как о сущностно конечном [5, 126].

Итак, мы видим, что все эти вопросы у Хайдеггера оказываются связаны с идеей конечности человека. Исходя из этого он ставит четвертый вопрос: «Как следует спрашивать о конечности в человеке?», и отвечает на него: «должно прояснить сущностную связь между бытием как таковым (не сущим) и конечностью в человеке» [5, 128—129].

Сущее среди прочего сущего

Оставив пока за скобками правомерность говорить о бытии как таковом, а также о том, что будто бы из вопросов Канта следует

идея конечности человека, проясним, как представляется Хайдеггеру эта сущностная связь, т. е. связь между бытием и человеком. В «Черных тетрадах» Хайдеггер на манер Канта предлагает свои вопросы, которыми он обозначит направленность этой связи. Он спрашивает: 1) что нам следует делать? 2) кто мы есть? 3) почему мы должны быть? 4) что есть сущее? 5) почему свершается бытие? [4, 280]. С точки зрения Хайдеггера, смысл философствования состоит в этих вопросах, в их единстве и направленности снизу вверх.

По Хайдеггеру, эта связь заключена в вопрошаниях, очередность которых, их зависимость определяются вопросом: «Почему свершается бытие?». У Канта, как мы знаем, прямо наоборот — вопросом: «Что есть человек?». Однако нельзя было бы утверждать, что Хайдеггер этим последним вопросом ставит в зависимое положение человека от бытия, как вещь среди вещей, как сущее среди сущего, если бы он сам этого не сделал. «Человек, — говорит Хайдеггер, — сущее среди прочего сущего» [7, 21]. Наряду с идеей конечности человека, это вторая фундаментальная позиция Хайдеггера, составляющая основу его фундаментальной онтологии, в сути которой лежит понимание метафизики, как того, через что возможно принципиальное «познание сущего как такового и в целом» [7, 3].

Такое отношение к человеку делает невозможным философскую антропологию, в основе которой, как было сказано, коренится мысль о свободе, делающая человека исключительным существом по отношению к сущему, т. е. свободой человек исключен из сущего. И тем самым он не сущее среди сущего. Он по отношению к сущему — невозможное, ибо в нем невозможна свобода. Так для Канта, но не так для Хайдеггера.

Фундаментальная онтология и человековедение

Возникает вопрос, почему Хайдеггер не может развивать фундаментальную онтологию без обращения к Канту, без своеобразного истолкования его метафизики, т. е. антропологии? На этот вопрос можно ответить так: мешает первенство в философии, о котором вдруг заговорит Фуко в своем интервью с Бадью [9]. Хайдеггеру непременно нужно занять определяющее положение в философии и вернуть ей статус метафизики — как понималась она еще с античных времен — как науки о сущем с ее тезисом о тождестве бытия и мышления. Отсюда понятно обращение Хайдеггера к ан-

тичной философии как истоку ее мысли, понятна и его критика антропологии, которую Хайдеггер назовет человековедением.

По Хайдеггеру, несмотря на попытки антропологии занять центральное место в философии, быть в центре философии по существу своей внутренней структуры она не может. Почему? И что означают эти слова о внутренней структуре? Ответ кроется в том, как понимает человека Хайдеггер. Как уже было сказано, человек им понимается как существо конечное и как существо сущее среди сущего. И дело антропологии в таком случае, по Хайдеггеру, заключается в человековедении, в «смысле сущностного исследования человека», которое «будет иметь целью различение сущего, называемого нами человеком, от растений, зверей и других типов (Bezirke) сущего, а посредством этого — установление специфического сущностного состава этого определенного региона сущего» [5, 122].

Ценой подмены антропологии человековедением Хайдеггер получает возможность относить ее в состав региональной онтологии. И в то же время такая постановка вопроса о человеке приводит к сокрушительным для самой фундаментальной онтологии последствиям.

Постхайдеггерианский поворот к человеку

Редукция человека к региону сущего, которая получила статус определяющей мысли в западноевропейской философии, начиная с ее истоков, сконцентрирована в вопросе о сути сущего, достигла кульминации у Ницше как идея воли к власти и приводит к его самоустранению. Философия Хайдеггера фактически подводит итоговую черту под этим двухтысячелетним процессом. Таким образом, попытка Хайдеггера вернуть философии свой изначальный дискурс привела не к обновлению философии, а к ее завершению.

Французскую версию этого финала можно обнаружить в философии Фуко и Делеза, в проектах устранения человека от того, что он может мыслить иначе. В итоге этих манипуляций устраняются как сам человек, так и мыслимое помимо него бытие. Ибо бытие без человека оказывается небытием.

Эта ситуация становится понятной в XXI в. — в ответ на деструкцию человеческого начала в человеке в так называемых проектах нечеловеческих антропологий возникает необходимость постхайдеггерианского поворота к Канту, т. е. к такому способу

мышления, мерой которого становится не сущее как таковое и не бытие, а человек. Причем не как сущее среди сущего, а как невозможное, в основании которого заложены идея свободы и ее применимость в условиях, когда она невозможна.

Четырехугольник Канта

Из того факта, что философская антропология не есть человековедение, и тем самым она никак не может быть региональной онтологией, вновь встает вопрос об их взаимоотношениях. И вновь необходимо поставить вопросы, заданные Кантом, в их изначальном смысле, т. е. рассмотреть их не с точки зрения фундаментальной онтологии, так как это нелегитимно по ряду выявленных причин, а с позиции философской антропологии.

Как говорилось ранее, согласно Канту, область философского вопрошания задается вопросами: «что я могу знать? что я должен делать? на что я вправе надеяться? что такое человек?» [4, 280]. Первые три вопроса Кант предлагает сводить к последнему и через ответ на него осмысливать остальные. В этом характере осмысления заключены вся суть коперниканского поворота Канта, максима его философской мысли и максима его мужества. Почему? Потому что, тем самым, под философией полагается наука о внутренних принципах целеполагания, наука о свободе человека и его последних целях, а не наука о бытии, не наука о сущем.

Кант поставил эти вопросы в философии. Их истолкование Хайдеггером с точки зрения фундаментальной онтологии оказалось нелегитимным. Как же они могут быть осмыслены с точки зрения философской антропологии сегодня?

Версия Гиренка

Наиболее интересную трактовку этих вопросов дает Ф.И. Гиренок. Ценность этой трактовки приобретает существенное значение для решения вопроса об отношении фундаментальной онтологии и философской антропологии в свете критики Гиренком как хайдеггеровского истолкования четырехугольника Канта, так и фундаментальной онтологии.

Рассмотрение этих вопросов приводится в работах разных лет, сначала в работе «Кант, Хайдеггер и проблема метафизики», опубликованной в 2013 г., и спустя 6 лет в 2019 г. в работе «Признаки посхайдеггианского мышления» [1; 2]. В этих же работах

найдут свое прояснение вопросы Канта, с точки зрения Гиренка, исходя из философской антропологии.

После критики фундаментальной онтологии, в основании которой Хайдеггером были положены два тезиса о человеке: первый — как существа конечного, второй — как сущего среди сущего, Гиренок задается вопросом: «Как же теперь следует трактовать кантовский четырехугольник?». С позиции Канта, ясно — нужно начинать с вопроса: «Что такое человек?». Но не совсем ясно, как на него отвечать. В таком случае к этому вопросу Гиренок предлагает добавить следующее уточнение: как если бы он существовал как своя собственная цель [2].

Что это дополнение проясняет? Что человек существует в двух горизонтах: с одной стороны, как то, что «есть», а с другой, как цель самого себя. Это положение обнаруживает странную ситуацию двойственности человека между тем, что он «есть» как «есть», и тем, чего «нет», но «есть» только как идея того, что должно быть. В основании этой идеи лежит «золотой принцип» антропологии [2].

В вопросе: «Что я могу знать?» Гиренок проясняет, важно не то, что я могу что-то не знать, а то, что каким-то образом я вообще могу что-либо знать. И знаю.

Вопрос: «Что я должен делать?» — нужно прояснять не с позиции долженствования, а вновь с позиции человека, но человека не как сущего, а как цели самого себя. Гиренок спрашивает, как в таком случае человеку жить, если он не относится к региону сущего, если он не автомат природы и не марионетка бога? О каком долженствовании может тогда идти речь, когда человек свободен? И отвечает: в таком случае жить возможно, только когда ты воспринимаешь себя как моральное существо. В самоограничении, а не в конечности заключается разгадка долженствования человека [1].

И, наконец, в вопросе о надежде не идет речь об ограничении человека через обозначение нужды. Не в нужде дело. Согласно Гиренку, в этом вопросе заключена тревога в связи с тем, что реальность оказывается тем, что учреждается самим человеком. И в этом смысле вопрос о надежде замыкается на нем самом. И тогда становится понятно его беспокойство.

«Я вправе надеяться, — заключает Гиренок, — на то, что размыкает мое одиночество, оставляя меня свободным. А размыкается мое одиночество Богом в трансцендентальном воображении.

Мне остается надеяться на случай, который приведет меня к самоподчинению» [1].

Итоги

Итак, из настоящего прояснения Гиренком данных вопросов Канта с позиции антропологии становится понятно, почему необходимым постхайдеггерианский поворот к Канту, поворот к такому способу мышления, мерой которого становится вновь человек, но человек — не как вид сущего и конечного существа, а как то, что одновременно может быть больше или меньше самого себя, как своя собственная цель.

Таким образом, проанализировав два, а точнее три подхода к метафизике, можно сделать следующие выводы. Несмотря на предпринятую попытку Хайдеггера свести метафизику Канта к фундаментальной онтологии и показать антропологию как производное учение от онтологии, следует заметить, что метафизика Канта не редуцируема к фундаментальной онтологии, так как для Канта метафизика — это наука о внутренних принципах выбора между различными целями, и эти принципы выводятся из самого человека, а не наоборот. При этом возможность выбора обеспечивает свободу человека — невозможный горизонт его существования.

Литература

1. *Гиренок Ф.И.* Кант, Хайдеггер и проблемы метафизики // Вестник РУДН. Сер. Философия. 2013. № 2. С. 86 — 97.
2. *Гиренок Ф.И.* Признаки постхайдеггерианского мышления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2019. № 2. С. 19 — 25.
3. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2007. 1118 с.
4. *Кант И.* Соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. 718 с.
5. *Хайдеггер М.* Кант и проблемы метафизики. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. 176 с.
6. *Хайдеггер М.* Размышления. II—VI (Черные тетради. 1931—1938) / Пер. с нем. А. Григорьева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584 с.
7. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 16 — 27.
8. Философский манифест Московской антропологической школы // Человек.RU. 2019. № 14. С. 220—229.

9. [Электронный ресурс]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/55556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-otom-cto-takoe-psikhologiya>.

References

1. *Girenok F.I.* Kant. Khaydegger i problemy metafiziki / Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya, 2013. № 2. S. 86 — 972.
2. *Girenok F.I.* Priznaki postkhaydeggerianskogo myshleniya / Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya, 2019. № 2. S. 19 — 25.
3. *Kant I.* Kritika chistogo razuma. M.: Eksmo, 2007. 1118 s.
4. *Kant I.* Sochineniya: V 8-mi t. T. 8. M.: Choro, 1994. 718 s.
5. *Khaydegger M.* Kant i problemy metafiziki. M.: Russkoye fenomenologicheskoye obshchestvo, 1997. 176 s.
6. *Khaydegger M.* Razmyshleniya II — VI (Chernyye tetradi 1931 — 1938) / Per. s nem. A. Grigoryeva. M.: Izd-vo Instituta Gaydara, 2016. 584 s.
7. *Khaydegger M.* Chto takoye metafizika? / Vremya i bytiye: Stati i vystupleniya / Per. s nem. V.V. Bibikhina. M.: Respublika, 1993. S. 16 — 27.
8. Filosofskiy manifest Moskovskoy Antropologicheskoy Shkoly // Chelovek.RU. 2019. № 14. S. 220—229.

К.В. МОЛЧАНОВ

Кантианская, гегелевская и современная диалектики и программирование: диалектическая система логик, развитие логики и особые форматы современного диалектического познания*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты развития диалектического познания, включая вопросы алгоритмизации, автоматизации и интенсификации. Вопросы развития диа-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Молчанов К.В. Кантианская, гегелевская и современная диалектики и программирование: диалектическая система логик, развитие логики и особые форматы современного диалектического познания // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 196—213.

лектического познания исследуются на основе переосмысления логики в целом и достижений программирования в частности. Обсуждаемая проблема определяет комплекс вопросов, касающихся состояния, развития и применения логических систем. Актуально исследование возможности принципиально нового формата логических процессов — реализации одновременно нескольких различных логик, имеющей свое основание в единстве и многообразиях логики. Основными результатами исследования являются следующие: диалектическая система логик и осмысление возможности киберформатов субъективного духа, например, кибер познания. Вводится понятие «кибер интеллект», противопоставляемое понятию «artificial intelligence». Это исследование ведет к развитию диалектической гносеологии. Результаты исследования могут быть использованы для диалектического развития логики, для формирования новых форматов познания, для автоматизации диалектического познания, для совершенствования диалектической гносеологии, для создания кибер форматов субъективного духа, для развития программирования и для создания новых архитектур компьютеров.

Abstract. The article discusses some aspects of the development of dialectical cognition, including the issues of algorithmization, automation and intensification. The issues of development of dialectical cognition are investigated on the basis of rethinking of logic in general and achievements of programming in particular. The problem under discussion defines a complex of issues related to the state, development and application of logical systems. It is important to study the possibility of the fundamentally new format of logical processes: the implementation of several different logics at the same time, which has its basis in the unity and variety of logic. The main results of the research are following: the dialectical system of logics and the comprehension of the possibility of cyber formats of Subjective spirit, for example, cyber cognition. The cyber intellect concept, opposed to the artificial intelligence concept, is introduced. Our research leads to the development of dialectical epistemology. The results of the study can be used for the dialectic development of logic, the formation of new forms of cognition, the automation of dialectical cognition, the improvement of dialectical epistemology, the creation of cyber formats of Subjective spirit, the development of programming, and the creation of new computer architectures.

Ключевые слова: диалектика, диалектическая гносеология, логика, логические системы, диалектическая система логик, про-

граммирование, кибер форматы субъективного духа, кибер познание, архитектура компьютера, архитектура фон Неймана, Гарвардская архитектура.

Keywords: dialectics, dialectical epistemology, logic, logical systems, dialectical system of logic, programming, cyber formats of Subjective spirit, cyber cognition, computer architecture, the von Neumann architecture, the Harvard architecture.

ББК 87.22.
УДК 165

В современной диалектике (в авторской Современной диалектической философии¹) возникла необходимость алгоритмизации и компьютеризации познания для того, чтобы разнообразить и интенсифицировать современное диалектическое познание вплоть до исследования возможностей создания *компьютеризированного («искусственного») предметного познания*, ибо человеческий мозг зачастую не в состоянии справиться с большими объемами информации, но что еще хуже — он в силу этого попросту не успевает фиксировать значительную часть обрабатываемых и результирующих данных, знаний и выводов, причем даже варианты рассуждений, а то и идеи, порой теряются (забываются, перекрываются возникающими новыми мыслями и т. п.). Поэтому необходимо было решить ряд задач. Во-первых, поскольку гносеологический аппарат современной диалектики, благодаря изысканиям и достижениям предыдущих этапов ее развития, достаточно развит, необходимо было не столько даже разнообразить и развить современное диалектическое познание, сколько его интенсифицировать, в первую очередь в процедурном (алгоритмическом) смысле, да и некоторым образом расширить его формально-логический инструментарий. Во-вторых, были нужны новые инструменты для экстенсивного (можно сказать, широкомасштабного, индустриального) получения (вычисления, создания) *знаний*, что не могло быть реализовано индивидуальным человеческим мышлением в надлежащем объеме во многих случаях хотя бы по причине колоссального объема информации, требующего обработки. В-третьих, потребовались инструменты для

¹ Ее основы изложены в ряде наших статей, например, в журнале «Философские исследования» с 2002 по 2008 гг.

обработки изучаемых, промежуточных и вспомогательных данных и знаний (при этом следует отметить, что данные и знания в диалектике различены), причем в смысле не столько ускорения операций с данными, сколько возможности отслеживания, зачастую в реальном времени, окружающей объективной реальности и новых появляющихся данных, в основном в интернете, ибо, как определил Гегель, *не познается ничего, чего нет в опыте* [1, т. 4, 429].

Вопросы интенсификации и развития процессов обработки информации рассматриваются в Современной диалектической философии в основном на базе а) переосмысления логики вообще и б) изучения достижений программирования и их соответствующих применений в частности, причем наиболее важным оказалось не столько даже развитие компьютеров, сколько осмысление существующих программных возможностей, в том числе имеющихся в аппаратных реализациях (в основном в тех, которые определяют программируемую часть ядра микропроцессора), касающихся представления и обработки данных и позволяющих свободное по его сути человеческое познание некоторым образом формализовать, смоделировать и привести к алгоритмическому виду, что как раз и стало важным для современного полномасштабного развития диалектического познания, особенно в части компьютеризированного предметного познания, а также для осмысления возможности создания *кибер форматов субъективного духа*².

Весьма продуктивными в программировании в обозначенном ракурсе — алгоритмизация, компьютеризация и интенсификация современного диалектического познания — являются представления об архитектуре компьютера (см., напр.: [6]), которые достаточно развиты, но для современной диалектики имеют гораздо более глубокие и важные смыслы, чем те, которые обычно обсуждаются в программировании, причем особенно в плане соответствия с положениями диалектической системы знания и познания, фундаментально и практично представленной в философии Гегеля.

Напомним, что есть два основных вида архитектур компьютеров, классифицируемых в смысле разделения памяти: *архитектура фон Неймана*, которая подразумевает хранение данных и компьютерных команд в одной памяти (компьютера), и *Гарвардская ар-*

² Отдельные положения наших исследований представлены в ряде печатных работ и на авторском сайте www.dialectics.ru.

хитектура, которая характеризуется тем, что компьютерные команды и данные хранятся раздельно (имеются разные хранилища). Существуют развития указанных архитектур: например, расширенная Гарвардская архитектура, гибридные реализации и др.

Но как же архитектуры компьютеров связаны с диалектикой, с диалектической гносеологией, с диалектическим познанием?

Начнем с того, что И. Кант³, предложил идею о том, что вырабатываемое человеком знание об окружающем мире не является пассивным отражением, а создается в процессе познания, который у Канта характеризуется рядом аспектов, в том числе категориями рассудка. Иными словами, Кант кроме иных его великих открытий и достижений, в своем труде «Критика чистого разума» [2] определил сочетание, с одной стороны, содержания (чувственного), т. е. воспринимаемой человеком информации (в программировании — это данные), и, с другой стороны, реализации (субъективной) (в программировании — это приемы, способы и методы обработки информации, а в пределе — компьютерные команды), в которой воспринимаемое постигается, обрабатывается за счет субъективных форм и категорий, т. е. великий философ определил, по сути, принцип для раскрытия... Гарвардской архитектуры. И хотя, как мы полагаем, сделанное утверждение довольно неожиданно и удивительно для наук (в современной диалектике оно уже давно рабочее), которые попросту его не рассматривали в обозначенном ракурсе, следует обратить внимание не на его *внезапное появление* для них и даже не на его реализации в процессе познания, которые в современной диалектике, кстати, понимаются более широко, чем кантовские (и тем более современные объективно-научные и программные), а на существо действий, обозначенное великим философом в логическом виде, в формальном выражении, и на тождественность в обозначенном ракурсе принципов функционирования таких информационных систем, как человек и компьютер (это в Современной диалектической философии особенно важно для понимания киберформатов субъективного духа, например, *кибер интеллекта*, см.

³ В Новое время, как указал Гегель, именно Кант, отвергая обычные представления, «отвел диалектике более высокое место, и эта сторона его философии принадлежит к величайшим его заслугам. Он освободил ее от видимости произвола, который согласно обычному представлению присущ ей, и изобразил ее как некоторое необходимое делание разума» [1, т. 5, 35].

ниже), причем нужно также добавить, что человек создал компьютер на основе понятных ему принципов логики и обработки информации, т. е. собственного мышления, что усиливает значение обозначенной тождественности функционирования рассудка и компьютера с Гарвардской архитектурой (*здесь*: в смысле сочетания элементов информации и возможностей их обработки). Можно сказать и так: для наук очевидны когнитивная деятельность человека, ее логическая формализация и ее некоторые реализации, применимые и реально используемые в программировании. Именно это сейчас и акцентируется, что оказывается вполне достаточным для настоящей статьи (хотя в диалектике этот вопрос рассматривается более широко, причем используется ряд фундаментальных положений логики, обозначенных Гегелем, но почему-то игнорируемых науками). Иными словами, существенным для настоящей статьи является указанное широко известное кантовское открытие, касающееся содержания чувственного восприятия и качественного различения его элементов (в программировании — это данные) и форм их обработки (в программировании — компьютерные команды), их разделения и сочетания, что в вырожденном виде как раз и обозначает различение компьютерных команд и данных, вплоть до физического их разделения (в смысле программирования — это их разные хранилища), что также ведет и к логичному (например, в смысле скорости обработки информации) физическому разделению компьютерных каналов команд и данных, т. е. *прямо* к Гарвардской архитектуре.

Отдельным образом необходимо отметить и обозначенные Кантом *суждения*, которые фактически являются одной из основ логики обработки информации в смысле разделения данных и элементов их сочетания⁴.

⁴ Но для более подробных рассуждений о суждениях принципиальным оказывается то, что в науках суждения... корректно не определены [5], не говоря уже о ничтожности ряда логических законов, раскритикованных Гегелем в его труде «Наука логики», и об искажениях *обыкновенной логики*, содержание которой великий философ вообще удостоил *презрения* [1, т. 5, 30], а в некоторых странах вообще процветают стереотипы несуществующих «законов» диалектики, о которых мы уже не раз говорили (см., напр.: [3]), которые выдумал Энгельс (а из-за невозможности их доказательства указал, что они якобы развиты Гегелем, однако ни Энгельс, ни кто-либо другой соответствующих ссылок на труды

Сочетание определений как содержания (существа) предмета исследования в ходе (в методе) познания, характеризующееся единством познания (метода) с содержанием предмета исследования (в вырожденном виде — это сочетание данных и компьютерных команд в программировании) — это отдельный и важный вопрос, но он в философии Канта не был раскрыт, а был лишь разъяснен на примере ряда статичных схем, т. е. в ограниченном объеме.

Однако сочетание определений в движении и в ходе познания было раскрыто в философии Гегеля: в частности, как показал великий философ в своем труде «Наука логики», при реализации логических форм (понятия, мысли, суждения и т. д., а в вырожденном виде — это программные данные) и их сочетаний, совокупно составляющих мышление, имеется *единство формы*, в котором, имея в себе определения (данные), *естественный рассудок совершает отдельные операции мышления* [1, т. 6, 128]. Иными словами, речь идет о едином (совместном) «использовании» мышлением (своих) определений (данных) и себя в качестве возможности (приемов, методов) их обработки (в пределе — компьютерных команд), что для программирования вырождается... в принцип архитектуры фон Неймана, причем, что самое важное, в контексте логики по Гегелю (основы которой изложены в его труде «Наука логики», в свою очередь развитом в Современной диалектической философии: неодиалектический проект «Наука логики—2»), ставшая основанием для отождествления ряда положений рассуждений о мышлении и о компьютеринге, а затем — основой для развития *диалектического программирования* и диалектического познания и для осмысления алгоритмизации и компьютеризации образов субъективного духа, понимаемых в смысле диалектического учения о субъективном духе.

В смысле развития кантовских определений в философии Гегеля и переосмысления этого процесса уже на основе современных диалектических представлений обуславливается изучение сочетания ряда принципов и положений исследований этих двух великих

Гегеля так и не привел...); так что раскрытие темы суждений и ряда новых соответствующих форматов данных и операций пока придется отложить.

философов, причем в первую очередь в смысле формы⁵, актуальной в рассуждениях как Канта, так и Гегеля об определениях и их трансформациях, касающихся

а) форматов определений (в программировании — это типы данных), включая определение новых форматов данных; б) операций с определениями (в программировании — это операции с данными), включая определение новых операций; в) форматов представления и обработки разнообразных сочетаний данных и операций с ними (в программировании — это классы (пользовательские типы) и подпрограммы), г) *архитектур рассуждений* — комплексов (архитектур) данных и операций с ними, включая определение новых методов и их организацию (в программировании аналогов нет).

Соответствующие исследования актуальны не только в гносеологическом смысле (в целях изучения фундаментальных диалектических вопросов, касающихся формы, переходов, определений и т. д., выявляющихся на базе развития кантовских представлений в философии Гегеля), но и в формальном смысле, в алгоритмически-архитектурном смысле, т. е. для образования *алгоритмических* положений, конструктивов рассуждений и систем (архитектур) исследований в современной диалектике, что особенно важно для предмета настоящей статьи.

При этом ряд вопросов развития современного диалектического познания в плане его формализации, алгоритмизации и компьютеризации имеет отражение и в программных типах, и в форматах и составлениях данных, и в операциях с ними, и в архитектуре компьютеров (которая соответственна программным аспектам, форматам данных, сочетанию и организации рабочих процессов, логике); оказывается концептуально тождественным как положениям и аспектам программирования, например, тем же форматам данных, сочетанию данных, организации рабочих процессов и т. п., так и аппаратным реализациям (например, архитектуре компьютеров), что в принципе не рассматривалось в программировании, а в современной диалектике было включено в состав основ для изучения и программирования и процессов компьютеризации познания.

⁵ Ее использование оказалось вполне достаточным для нижеследующих рассуждений, поэтому иные основоположения в статье не рассматриваются, в том числе и для того, чтобы не усложнять изложение ее материалов.

Но для современной диалектики, как уже понятно из изложения, более важны не вопросы организации процессов программирования и построения архитектур компьютеров и их развития, что может и должно, наверное, было бы быть важным для программирования, а заложенные в них сущностные алгоритмические положения — фактически аспекты алгоритмизации познания, существенные для определения *новой системной возможности познания* (и ее компьютеризации), которая концептуально определяется на основе логической системы Гегеля (ее не следует путать с обычно обсуждаемой системой философии Гегеля [4]) путем отождествления элементов ее поля а) с форматами организации (архитектур) определений и формами их обработки в сфере программирования (в первую очередь программных платформ и архитектур компьютеров) и б) с диалектическими логическими построениями Современной диалектической философии, в том числе рассматриваемыми ниже.

Дело в том, что логика в смысле гегелевского учения о сущности может пониматься как рефлексированная в себя самостоятельность, но оказывается вместе с тем рефлексией в свое противоположное, которое полагается как непосредственная самостоятельность и представляет собою (в соответствии с определениями эволюции ее становления и рядом факторов, в том числе указываемых в статье) некоторое многообразие внутри себя. Однако она также понимается целокупной, причем обусловленной единством как содержания, так и становления. И т. д. Иными словами, логика уже не рассматривается только как наука о том-то и том-то, понимаемая и развиваемая теми или иными учеными так-то или по-другому, а говорится о ее раскрытии в ходе развития логической идеи (рассмотренного в труде Гегеля «Наука логики») и о ее качественных различениях (рассматриваемых в Современной диалектической философии) — о различениях и многообразиях, причем не только в структурных смыслах, но и в функциональных (т. е. речь идет не только об исследовании новых логических систем и комплексов, но и об осмыслении логических функционалов, одним из которых, кстати, является «artificial intelligence»), которые, с одной стороны, неизбежны в силу сфер развития логической идеи (согласно труду Гегеля «Наука логики»), но, с другой стороны, находятся в ее целокупности, обусловлены ею, создавая единую область.

Таким образом, логика может быть *положена* (выражена) в частную реализацию — в одно из ее многообразий, в одну из *отдельных логик*. А для любой из них, в свою очередь, существенны ее собственные различные моменты и ракурсы, включая а) составление определений в структуры и системы (в программировании — это системы данных); б) сочетания определений, их комбинаций и операций, производимых с ними (в программировании — это совокупности компьютерных команд, методы), но фактически речь также идет и о новых процедурах и методах познания, которые в частности трансформируются в вопросы алгоритмизации познания; в) всевозможные образуемые *многообразия* (например, системы), которые в силу логического характера построения имеют важные для диалектики аспекты, в том числе алгоритмические, структурные и функциональные (в программировании — это метод, алгоритм, программа, операционная система, архитектура компьютера и проч.).

Таким образом, рефлексирование логики, кроме вопросов ее соответствующего исследования и развития, приводит к пониманию необходимости особой организации мышления, исследований, познания и т. д., для которой актуальны развитие, конструирование и системное применение логических построений и конфигураций, но не в общепринятых в науках форматах, не в форматах обыкновенной логики, многие из которых, как доказал Гегель, порой просто ошибочны, а в смысле конкретного опосредствования — исполнения конкретного рассуждения или *конкретной архитектуры рассуждений*⁶ — применения *конкретной логики рассуждений*, которая является (становится) одной из многообразия логики, одной из отдельных логик многообразия логики. Указанное рефлексивное положение можно рассматривать как принцип, который позволяет в Современной диалектической философии не только осуществлять познание в формате, принципиально отличном от объективно-научного, и качественно развить представления о познании, но и

⁶ Например, если что-то невозможно понять при одном подходе, то можно понять или удобнее исследовать на основе другого подхода, другой логики — это как смена системы координат в механике, когда свободно падающий объект легче описать в неподвижной системе координат, связанной с землей, чем в случайно движущейся (изменяющей направление движения) системе координат (например, падающего крутящегося листочка).

исследовать некоторые алгоритмические и системно-структурные положения, которые могут быть применены и для диалектического познания и в программировании, например, при изучении вопросов совершенствования архитектур компьютеров (что и обусловило рассмотрение некоторых вопросов логики программирования и архитектур компьютеров в современной диалектике как в плане сравнения, так и в смысле тождества, частный результат которого излагается в настоящей статье). Иными словами, актуальны возможности создания, применения и развития отдельных логик, используемых в специфических случаях по отдельности и в сочетаниях, более того, способных образовывать обособленные логические комплексы, характеризующие логику предмета исследования, причем логические комплексы могут пониматься частным образом, в том числе в фиксированном виде — как *застывший интеллект* той или иной логической структуры, например, формата познания или компьютерной архитектуры, что в свою очередь позволяет исследовать развитие и познания и программирования, а также по-новому осмысливать феномен логической архитектуры, в том числе как архитектуры компьютера.

В частности, на базе отождествления на диалектических основах соответствующих аспектов философии Канта и Гегеля, переосмысленных с учетом современных диалектических представлений, актуальны исследование возможности принципиально новой компьютерной архитектуры, качественно отличной от всех известных, и проведение изысканий в смысле новых компьютерных архитектур, причем понимаемых уже не в относительно узком их общеизвестном программистском определении; — и это для Современной диалектической философии особенно важно в смысле развития определений кибер форматов субъективного духа (см. ниже).

При этом отдельные логики все в том же смысле развития кантовских представлений в философии Гегеля и сочетания их принципов, изложенных в философии Гегеля, следует понимать в единстве логики, в смысле ее многообразия как некоторую совокупность (логик), в которую расширяется метод, т. е. как *систему* [1, т. 6, 318], что и стало в Современной диалектической философии одной из основ понимания возможности и реализации *системы логик*, которая формируется не аналитически или объективно-научно (не составляется из мнений отдельных ученых), а, как и полагается в диалектике, выводится и развивается на конструирующем самого

себя пути познания [1, т. 5, 4] в переходах тотальных и элементарных (диалектических) определений, обогащается [1, т. 6, 318], в том числе вбирая достижения наук, например, в части архитектур компьютеров, несомненно связанных с логическими структурами, с логикой, и далее опять развертывается в новые логические форматы, данные и операции, в возможности их применения в современном диалектическом познании, в том числе в целях его интенсификации и создания новых возможностей познания. И так далее...

Обозначенная развивающаяся система логик, названная нами *диалектическая система логик*, является органичным продолжением (рефлектированием в себя) логической системы Гегеля и одним из самых значительных открытий Современной диалектической философии, ибо а) имеет большое значение для развития современного диалектического познания и для его алгоритмизации, вплоть до создания его особых форматов, в том числе компьютерных, причем в частности она может использоваться как эффективный инструмент классификации, систематизации и верификации; б) применяется и для теоретических исследований в ряде сфер современной диалектики и для решения ряда прикладных вопросов, в том числе для исследования: многообразия логики, применения отдельных логик и сочетания логических построений, объектов реального мира (природы), феноменов ментального мира (субъективного духа), развития программирования, в том числе архитектур компьютеров.

Однако и образуемая таким образом совокупность знаний для современной диалектики не остается возведенной в ранг неизбежной тотальности, а заново развивается и рефлектируется (становится рефлектированной в себя самостоятельностью), что приводит и к ее развитию в целом, и к переосмыслению ее отдельных положений и функциональных смыслов, но главное является основой для системного *пере-определения* логики: логика может пониматься как содержание (логическая область), развивающееся на конструирующем самом себя пути познания, указанном Гегелем, а не как механически субъективно кусочно и безсистемно наращиваемая наука, как это делалось и делается с обыкновенной логикой (что и создало множество проблем и для нее самой, и для ее использования в науках, проблем, появляющихся просто даже из-за невозможности согласования определений отдельных ученых, не говоря уже об их точках зрения и т. п.

В целом же осмысление на базе трудов Канта и Гегеля и их современных диалектических развитий как определений, операций с ними и их форматов и конструкций, так и программирования и архитектур компьютеров приводит не только к верификации и структуризации определений, операций с ними и формируемых на их основе логических комплексов с последующим развитием представлений в практической плоскости, в том числе касающихся новых компьютерных форматов и алгоритмических форм познания, характеризующихся рефлексивными особенностями, но и к созданию качественно новых возможностей обработки информации (данных), форматов познания и даже областей познания.

А завершая статью, следует акцентировать следующие выводы.

Во-первых, в Современной диалектической философии кантовское подведение образов под категории в мышлении и т. п., развитое в философии Гегеля и теперь на основе современных диалектических представлений, было осмыслено как новый специфический формат познания, и на его основе осуществляется выявление пролонгирующих возможностей развития и интенсификации познания.

Во-вторых, обозначенные позиции создания, применения и развития данных, операций и их конструкций вплоть до отдельных логик понимаются в Современной диалектической философии в том числе и как те или иные сочетания частных логических построений и конфигураций в конкретных случаях, для получения которых логика может рефлексироваться (стать рефлексированной в себя самостоятельностью) в особые (предметные, функциональные...) комплексы и положения, что ведет к пониманию систем определений и инструментов, в свою очередь которые могут пониматься не только как структуры данных, операций и некоторых логических построений и конфигураций и как отдельные логики, но и в смысле единства (логики) — как диалектическая система логик.

В-третьих, для создания продвинутых и принципиально новых возможностей моделирования, алгоритмизации и компьютеризации аспектов и форматов диалектического познания (и образов субъективного духа) актуально и предпочтительно использовать не научные определения и даже не определения бытия, а определения сущности.

В-четвертых, актуально исследование возможности качественно нового формата логических процессов — реализации одновременно нескольких различных логик, имеющей свое основание (теоретическое) в единстве и многообразиях логики и базирующейся (функционально) на диалектической системе логик, что является собою принципиально новый логический феномен, осмысливаемый пока только в Современной диалектической философии и составляющий одно из ее значительных открытий. Новый формат логических процессов актуален для решения различных задач, в том числе для следующих:

а) для сведения в некоторое цельное системное представление ряда рассуждений Гегеля, которые при осмыслении (исследовании) по отдельности кажутся (в объективно-научном познании) странными или даже несостоятельными, но таковое однако связано с недостаточным по своей сути, односторонним объективно-научным (материалистическим) подходом, лишенным многообразия сущности и явления, которое неоднократно акцентировал Гегель;

б) для проведения разноплановых исследований конкретного предмета, в том числе в смысле реализации их многофункциональных комплексов, отличиями которых будут единство и различие логического аппарата исследований, пока в принципе невозможных для объективно-научного познания;

в) для создания качественно новой по своему существу организации процессов познания, в том числе ее алгоритмических видов — принципиально новых алгоритмических комплексов обработки данных и знаний;

г) для осмысления еще одного нового — соответствующего сказанному — формата познания.

А в частности возможность реализации одновременно или попеременно нескольких различных логик приводит к пониманию качественно новых вычислительных процессов, и это актуально для разработки новых по своему существу а) методик диалектического познания и б) программных продуктов и архитектур компьютеров, для которых можно получить инструменты, принципиально отличные от известных в программировании многопоточности, суперскалярности и т. п.

В-пятых, логика понимается уже не только как наука, но и как некоторый *рефлексивный функционал*, который имеет свое основание в логической системе Гегеля, и это — тоже принципиально

новое положение, осмысленное и исследованное пока только в современной диалектике, которое позволяет существенно развить диалектическую логику, спекулятивную логику и базовую логику Современной диалектической философии, в том числе в целях реализации обозначаемых ниже кибер форматов.

В-шестых, актуально системное переопределение логики (в том числе с учетом предыдущих положений), что ведет к развитию инструментов познания, в первую очередь к рефлексивным, затем к системным, потом к форматным и, наконец, к алгоритмическим.

Еще раз повторимся: логика в Современной диалектической философии не рассматривается как только наука о том-то и том-то, понимаемая и развиваемая теми или иными учеными так-то или по-другому, не формируется аналитически как механически субъективно кусочно и бессистемно наращиваемая наука (не составляется из мнений отдельных ученых), как это делалось и делается с обыкновенной логикой, а развивается как рефлектирующее содержание на конструирующем самого себя пути познания в ходе развития логической идеи.

В-седьмых, актуально исследование видов определений и их составление в те или иные сочетания (структуры) в целях выявления новых форматов их представления и обработки, включая осмысление новых видов организации данных и возможностей их обработки, причем как непосредственно, так и в смысле архитектур рассуждений — и это исследование является одной из теоретических предпосылок развития и алгоритмизации диалектического познания.

В-восьмых, аспекты формализации (алгоритмизации) форм и форматов познания, базирующихся на системе логик и понятии архитектур рассуждений, в совокупности с диалектическими возможностями познания (включающими возможности актуализации данных, не выводимых объективно-научным путем из имеющихся) позволяют рассматривать вопросы обозначенного в начале статьи, искомого в Современной диалектической философии компьютеризированного предметного познания, определяемого в ней как *кибер познание*⁷.

⁷ В Современной диалектической философии при моделировании, алгоритмизации и компьютеризации аспектов и форматов диалектического познания и

При этом, в-девятых, кибер познание является одной из основ для создания *системы диалектики* — *диалектической системы знания и познания* (у Гегеля была определена *система науки*, по определенным причинам снятая им), которая в компьютерной реализации должна обеспечивать в том числе фиксацию обрабатываемых и результирующих данных, знаний и выводов, вариантов рассуждений и идей, вплоть до хранения *конкретных логик рассуждений*, вариантов (маршрутов) реализации рассуждений и т. д. При этом на основе системы диалектики актуально создание разнообразных саммари (электронных энциклопедий), баз данных, баз знаний и иных совокупностей данных, отличающихся специфическими возможностями обработки, наращивания и развития данных, а также конструирования новых, в том числе не выводимых объективно-научным путем из имеющихся.

В-десятых, кибер познание с учетом положений диалектического учения о субъективном духе и использования форматов познания синтетического характера открывает пути к формированию *кибер интеллекта*, который в Современной диалектической философии, еще раз подчеркнем, терминологически и содержательно специально противопоставлен искусственному интеллекту, представления о котором базируются на противоречащих друг другу мнениях разных специалистов, основными из которых являются следующие: самообучающаяся программа, обработка больших данных и даже якобы способность к интуитивному решению задач, и это всё с учетом того, что в науках не известно, что такое интеллект (!), в свою очередь определение которого включает в той или иной мере аспекты творчества, хотя признается, что оно не может быть реализовано на компьютерах⁸...

образов субъективного духа преднамеренно — прежде всего для акцентирования отличий от объективно-научных исследований — не используется термин «искусственный», как не отражающий существо и воспроизведение человеческих состояний, способностей или возможностей и вообще некорректный в отношении ментальных особенностей человека, а применяется термин «кибер». Например, вместо терминов «artificial intelligence» и «искусственный интеллект» используются понимаемые в смысле диалектического учения о субъективном духе соответственно термины «кибер интеллигенция» и «кибер интеллект».

⁸ В свете даже указанных положений, с точки зрения Современной диалектической философии, реализация искусственного интеллекта в смысле объективно-

Таким образом, развитие диалектических представлений в части определений, операций с ними и формируемых на их основе логических комплексов, рассматриваемых через призму рефлексирования и переопределения логики и прилагаемых к вопросам формализации и алгоритмизации познания, актуально для широкомасштабного развития современного диалектического познания, в первую очередь:

- для диалектического развития логики;
- для исследования новых форматов познания, в том числе высокопроизводительных алгоритмических и трансформируемых смысловых;
- для автоматизации диалектического познания, вплоть до создания кибер познания;
- для создания кибер форматов субъективного духа;
- для развития диалектической гносеологии.

Хотя... развитие диалектического познания — это не главная задача Современной диалектической философии, а необходимость. Главной задачей является изучение (и моделирование) образов и определений субъективного духа (в том числе мышления, сознания, рассудка, разума, психики, интеллекта, воли...), включая выделение их чистых форм (как раз для чего актуально создание и исследование кибер форматов субъективного духа) в целях рефлексирования его целокупности в непосредственную самостоятельность одного из многообразий — *индивидуальный дух*.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Соч.: В 14 т. М., 1929 — 1959.
2. Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964.
3. Молчанов К.В. «Законы диалектики» — не законы диалектики, и некоторые актуальные положения // Философия хозяйства. 2013. № 6 (90).
4. Молчанов К.В. К вопросу о системе философии Гегеля, включая рассуждения о системе и о воспроизведении // Философия хозяйства. 2015. № 1 (97).

научных представлений об интеллекте и на базе существующих компьютерных средств — это дело утопическое. Поэтому-то и нужны принципиально новые логические — алгоритмические и архитектурные — решения...

5. Молчанов К.В. О некоторых из проблем научного понимания и определения суждения // *Философия хозяйства*. 2016. № 2 (104).

6. Паттерсон Д., Хеннесси Дж. Архитектура компьютера и проектирование компьютерных систем. СПб., 2012.

References

1. *Gegel' G.V.F.* Soch. v 14-ti tt. M., 1929—1959.

2. *Kant I.* Soch.: v 6 t. T. 3. M., 1964.

3. *Molchanov K.V.* «Zakony dialektiki» — ne zakony dialektiki, i nekotorye aktual'nye polozheniya // *Filosofiya hozyajstva*. 2013. № 6 (90).

4. *Molchanov K.V.* K voprosu o sisteme filosofii Gegelya, vklyuchaya rassuzhdeniya o sisteme i o vosproizvedenii // *Filosofiya hozyajstva*. 2015 № 1 (97).

5. *Molchanov K.V.* O nekotoryh iz problem nauchnogo ponimaniya i opredeleniya suzheniya // *Filosofiya hozyajstva*. 2016. № 2 (104).

6. *Patterson D., Hennessi Dzh.* Arhitektura komp'yutera i proektirovanie komp'yuternyh sistem. SPb., 2012.

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

Мышление и язык (речь) (тезисы)*

Аннотация. Изначально язык служит инструментом оперирования вербализованными представлениями (словесными образами) и лишь затем становится инструментом оперирования понятиями, точнее, категориями, или инструментом мышления. С освоением речи человек не начинает мыслить, а исключительно в лице представителей мужского пола приобретает максимально сложно достижимую способность к мышлению. Мышление есть оперирование категориями (знаками универсалий), результатом которого

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Горбачев А.Ю. Мышление и язык (речь) (тезисы) // *Философия хозяйства*. 2020. № 1. С. 213—225.

является истина. Не оперирующий категориями не мыслит, а оперирует вербализованными представлениями и поэтому продуцирует заблуждение.

Ключевые слова: мышление, язык, речь, смысл, понятие, вербализованное представление, терминология, категория, метафора.

Abstract. Primarily language serves as a tool for operating verbal images and only then it becomes a tool for operating concepts, particularly, categories, thus becoming a tool of thought process. The development of speech does not guarantee humanity the ability of thinking, but rather gives — specifically to the male part of it — a more complex way to reach this ability. Thinking is category operation that leads to the discovery of the truth in its philosophical meaning. The one who is not capable of operating categories is not capable of thinking and instead operates verbal images thus creating misconceptions.

Keywords: thinking, language, speech, meaning, concept, verbal image, terminology, category, metaphor.

УДК 159.9

ББК 87.6, 88.5

1. Гносеологической противоположностью мышления является переживание.

2. Мышление — отражение действительности в понятиях (универсальных сущностях) при помощи сознания. Субъект мышления — философ, или носитель сознания.

Переживание — отражение действительности в вербализованных представлениях (феноменах частного / общего порядка) при помощи человеческой психики. Субъект переживания — обыватель, или носитель вербализованной психики (коллективного бессознательного).

3. Переживание в снятом виде (как угнетенная противоположность) входит в структуру мышления, т. е. является основой мышления и необходимым условием его актуализации.

4. «Чистое» мышление — фикция. Мышление представляет собой противоречивое единство мышления и переживания при асимптотическом доминировании первого над вторым. Неасимптотического доминирования мышления над переживанием не суще-

ствуется, потому что в этом случае не образуется основа мышления, вследствие чего оно не актуализируется. Всякое доминирование переживания над мышлением является переживанием.

5. Переживания суть прямо либо косвенно вербализованные эмоциональные реакции, свойственные исключительно людям. У высших животных также имеются эмоциональные реакции, но они невербализованы и поэтому не принадлежат к переживаниям.

6. «Мышление — процесс, результатом которого является истина. Процесс, результатом которого является заблуждение, представляет собой переживание. Из сказанного следует, что мышление не бывает заблужденческим (неправильным, неверным, ошибочным, неточным и т. п.), а переживание — истинностным» [1, 416 — 417].

7. Язык, в отличие от мышления, неуниверсален: он изменчив, многообразен, а главное — индифферентен по отношению к смыслу и бессмысленности (в конечном итоге — к истине и заблуждению) и поэтому условен. Но его условность не препятствует ему быть единственным средством выражения мышления, правда, только в том случае, если носитель языка окажется субъектом мышления — философом, т. е. человеком, оснащенным инструментом актуализации мышления — сознанием.

8. «Мышление не существует вне языка (речи), но возникает гораздо позже его (ее). Одновременно с языком (речью) возникают переживания, поэтому изначально язык (речь) служит инструментом переживания, или оперирования вербализованными представлениями (словесными образами), и лишь затем становится инструментом мышления, или оперирования понятиями, точнее, категориями» [1, 418].

9. «Почти каждая актуализация языка репрезентирует переживание, и только элитная — мышление» [1, 418].

10. Язык (речь) намного древнее мышления, соответственно, заблуждение намного древнее истины. Заблуждение возникает синхронно с языком (речью), истина — синхронно с мышлением (познанием).

11. Мышление и язык (речь) объединяет то, что они антропогенны. Вместе с тем имеются кардинальные различия между ними. Мышление процессуально, язык (речь) инструментален (инструментален). Мышление — гносеологический феномен, язык (речь) — отношенческий и гносеологический. Мышление — гно-

сеологический процесс, язык (речь), — как правило, отношенческий, как исключение — гносеологический инструмент.

12. Мышление выше языка (речи), потому что оно превосходит его (ее) по гносеологическому параметру.

13. Мышление идеально по форме и по содержанию. У мышления вербальная форма и истинностное содержание.

Язык (речь) обладает материальной формой и идеальным содержанием. Формой языка (речи) являются материальные знаки, могущие быть идентифицированными сенсорно, содержанием — идеи, социального (отношенческого) и гносеологического уровней.

14. Внешняя форма актуализации языка (речи) и мышления бывает устной либо письменной, внутренняя — латентно (редуцированно) устной.

15. Невербальных форм языка (речи) нет. Язык (речь) непосредственно либо опосредованно вербален (вербальна). Формы непосредственной актуализации языка (речи) — устная и письменная, опосредованной — условно-знаковая (формулы, схемы, графики, чертежи, рисунки, мелодии и т. д.) и жестово-мимическая.

16. Формы опосредованной актуализации языка (речи) обладают семантикой и не существуют без внешнего либо внутреннего словесного комментария. Их способен идентифицировать лишь носитель языка (речи); к ним не относятся рефлекторно (инстинктивно) обусловленные сигналы.

17. Невербального мышления и переживания не существует. Мышление актуализируется в непосредственно вербальных формах, переживание — в непосредственно и опосредованно вербальных формах. Формы актуализации мышления понятийны, формы актуализации переживания метафоричны.

18. Вербальность мышления и переживания не означает их тождества с языком (речью), поскольку у мышления и переживания вербальна лишь форма, а содержание является смысловым: у мышления — универсально-смысловым, у переживания — локально-смысловым.

19. Для того чтобы человек овладел речью, он должен быть психиатрически адекватным. Овладение мышлением требует соблюдения более строгих условий: культурных, гендерных и возрастных. Мыслят только философы — разносторонне и основательно образованные мужчины зрелого возраста, обладающие сознанием, которых в социоцентрическом социуме крайне мало.

20. Язык (речь) социоцентричен (социоцентрична), мышление персоноцентрично.

21. Говорить учат, но научить мыслить нельзя — можно только научиться мыслить. Овладение мышлением, как и само мышление, — персональный процесс.

22. С освоением речи человек не начинает мыслить, а исключительно в лице представителей мужского пола приобретает максимально сложно достижимую способность к мышлению. Соответственно, они становятся носителями не сознания и истины, а лишь максимально сложно реализуемой возможности обладания сознанием и истиной.

23. Язык (речь) коррелирует с формальной логикой, мышление — с диалектической логикой. Одновременно с овладением речью происходит овладение формальной логикой; одновременно с овладением мышлением происходит овладение диалектической логикой.

24. «Понять мышление исходя из языка (речи) невозможно, потому что он (она) является инструментом коллективного бессознательного (человеческой психики), а не сознания» [1, 151].

25. «Наличествующий в социоцентрическом социуме язык является обывательским (ментально женским), или языком коллективного бессознательного, в котором представлены лишь догадки об универсалиях, но их понимание непосредственно не отражено. Поэтому в обывательском языке категории (терминологическое выражение универсалий) формальны: они несут в себе локальные (частные / общие) смыслы вместо универсальных» [1, 280 — 281].

26. При помощи вербализованной психики обыватель оперирует вербализованными представлениями (словесными образами), или метафорами (сравнениями, сопоставлениями, соотношениями); их логический максимум — обобщение.

При помощи сознания философ оперирует понятиями; их логический максимум — универсализация.

27. Актуализировать речь — значит, как минимум, обобщать, как максимум, универсализировать. Обыватель реализует первую из этих возможностей, философ — обе, причем вторая для него приоритетна.

28. Философу приходится корректировать язык таким образом, чтобы он стал пригодным для выражения понятий, а не вербализованных представлений (словесных образов). При этом обраще-

ние к лингвистическим справочникам (словарям и т. д.) помогает мало: ведь они составлены учеными, т. е. обывателями, которые специализируются на обобщениях, а не на универсализации. Большинство новшеств, внедряемых философам в язык, являются семантическими неологизмами.

29. Семантические неологизмы применяются философами с целью придания идеям статуса мыслей, в конечном счете для поиска и обоснования истины; обывателями (прежде всего элитными: учеными, художниками, священниками, политиками, юристами и т. д.) — ради варьирования и орнаментирования переживаний и, следовательно, заблуждений.

30. Обыватели, поскольку для них язык является средством выражения не мыслей, а эмоций, пользуются им не свободно, а утилитарно, руководствуясь исключительно текущими потребностями, т. е. как временщики-конформисты, склонные к лингвистическому пуризму, либо как временщики-нонконформисты, склонные к лингвистическому анархизму.

31. Отображая действительность, человек виртуально преобразует ее, прямо либо косвенно используя вербальные средства. Преобразование отображаемой действительности представляет собой ее интерпретацию и, следовательно, концептуализацию.

32. Каждое высказывание концептуально значимо, потому что оно содержит в себе, как минимум, обобщение.

33. Слово (вербальный знак) — носитель смысла (значения). Поэтому всякое несовпадение терминологии сигнализирует о концептуальном (в пределе — мировоззренческом) расхождении.

34. Терминология — инструмент вербального запечатления представлений о форме и содержании явлений. Поэтому изменение терминологии есть концептуальный акт.

35. Поскольку слово — носитель смысла, любое высказывание имеет смысл. Главная интрига кроется в том, к какому уровню относится этот смысл: локальному (частному / общему) либо универсальному. В первом случае он будет репрезентировать алогическое либо формальнологическое заблуждение, во втором — истину.

36. «Слова остаются в сфере смысловой неопределенности (логической невыверенности, метафоричности) до тех пор, пока они выражают локальные (частные / общие) смыслы. Слова приобретают смысловую определенность (логическую выверенность), если они выражают универсальные смыслы» [1, 224].

37. Что существует, то можно выразить словами. Следовательно, то, что невозможно выразить словами, не существует. Вербально невыразимого нет.

38. Вербально выразимо не то, что не существует, а представление о нем.

39. Тот, кто мыслит, придерживается речевой меры; тот, кто переживает, обрекает себя либо на речевую скудость, либо на речевое излишество.

40. Владеть речью — значит уметь выстраивать смыслы, вплоть до универсальных, а не производить речевые потоки.

41. Для мужчин в речи важнее смысл, для женщин — модальность эмоций. Мужчин можно назвать людьми формальной логики, женщин — людьми алогизма, разумеется, с учетом того, что формальная логика и алогизм существуют исключительно в сочетании друг с другом.

42. При его речевой репрезентации сочетание формальной логики с алогизмом оказывается сочетанием тривиальностей (фактографических констатаций) с парадоксами.

43. Высказывание, формальнологический аспект которого доминирует над алогическим, является монологическим.

Высказывание, формальнологический и алогический аспекты которого наделены одинаковой логической значимостью, является дуалистическим.

Высказывание, алогический аспект которого доминирует над формальнологическим, является эклектическим, или полилектическим.

44. Эклектики предпочитают терминологию, характеризующуюся семантической невнятностью. Употребление такой терминологии прельщает их видимостью свободного изъяснения, но вынуждает жертвовать гносеологической адекватностью и перекрывает путь к истине.

45. Рассчитывать на запечатление смысла в высказывании, полагаясь на его контекстуальное единство, но при этом игнорируя терминологическую точность (грамотность), — дилетантская самоуверенность, потому что контекстуальное единство высказывания формируется наличествующими в нем терминами.

46. «Формальнологический параметр речи — связность, диалектикологический — качество содержания. Сама по себе связность

речи не свидетельствует о качестве ее содержания. Поэтому связность речи может оказаться доступной глупцам» [1, 175].

47. Навязчивое использование перечислительной интонации алогично. Оно является маркером бессмысленности существования субъекта речи.

48. «Обыденный язык ограничивается констатацией противоречий, формальнологически рафинированный их избегает. Логическая ошибка носителей последнего заключается в том, что, справедливо считая констатацию противоречий не достаточной для осуществления мышления, они пренебрегают противоречием как таковым, т. е. несистематизированные вербализованные представления (словесные образы) пытаются заменить систематизированными; иначе говоря, они подменяют мышление стремлением навести порядок в языке» [1, 151].

49. Искушенные знатоки формальной логики из контингента ее приверженцев «подменяют познание действительности исследованием языков, описывающих действительность, и тем самым оказываются в плену у лингвистического редукционизма» [1, 228].

50. «Существование понятий и представлений (образов) в словесной форме, или их вербализованность, свидетельствует о наличии снятого вербализованно-представленческого (словесно-образного) компонента в структуре понятия и снятого понятийного компонента в структуре вербализованного представления (словесного образа). Иерархически предельный логико-гносеологический статус понятия обуславливает возможность его подмены, т. е. возможность регрессивной трансформации понятия в вербализованное представление (словесный образ), а также возможность прогрессивной трансформации вербализованного представления (словесного образа) в понятие» [1, 153].

51. «Понятие является вербализованным (облеченным в речь) представлением по форме и тождественным себе по содержанию. Словосочетание «содержание понятия» тавтологично, поскольку понятие есть абсолют содержания» [1, 145].

52. «По форме понятия являются метафорами (вербализованными представлениями, словесными образами), но они выражают универсальную сущность (истину), и в этом состоит их содержательность, т. е. неметафоричность. Не будь ее, следовательно, не будь истины, не было бы и понятий, а язык (речь) и смысл совпадали бы» [1, 302].

53. Метафора тавтологична, тавтология метафорична, и обе они алогичны.

54. «Всякое сопоставление (сравнение) есть противопоставление, ведущее к обнаружению противоречия» [1, 340].

55. «При помощи сравнения нельзя определить качество противоречия, но сравнение является единственным способом констатировать наличие противоречия» [1, 308].

56. «Формальная (формальнологическая) правота компаративизма производна от единства действительности, в силу которого можно сравнить любое с любым» [1, 268].

57. Возможность сравнивать что угодно с чем угодно служит формальнологическим основанием для признания всякого высказывания истинным, т. е. для провозглашения заблуждения фикцией. Однако под этой вывеской утверждается триумф не истины, а неограниченного множества заблуждений формальнологического и алогического типов («истин» локального (частного / общего) уровня и субъективных «истин»), и, следовательно, элиминируется истина универсального уровня, или собственно истина.

58. Поскольку истину не с чем сравнить, для обывателей она оказывается вечной невидимкой: ведь они способны постигать действительность исключительно компаративистским методом (через сравнение).

59. В отличие от метафоры, диалектикологическая дефиниция не компаративна. Она раскрывает сущность явления, а не сравнивает его с другим явлением.

60. Диалектикологическая дефиниция содержательна (сущностна): она представляет собой выявление сущности определяемого феномена на основании его противоречивости. Формальнологическая дефиниция формальна (компаративна, метафорична): она представляет собой сравнение определяемого феномена с другим на основании их сходства.

61. Поскольку формальнологические дефиниции носят компаративистский характер, их произвольность не имеет ограничений. Эта несообразность побуждает самых последовательных и самых непоследовательных приверженцев формальной логики сторониться дефиниций, остальных — использовать их.

62. Рассуждение о явлении без его дефиниции свидетельствует об отсутствии либо утаивании понимания сущности этого явления.

Примечание: утаивание понимания сущности универсалий означает непонимание ее.

63. Уклонение от дефиниций обеспечивает его субъекту плацдарм для гносеологической безответственности и лукавства, а также убежище на случай упреков в гносеологической некомпетентности.

64. Избегание дефиниций представляет собой способ устранения препятствий для заблуждений и тем самым — способ уклонения от познания, т. е. агностический акт.

65. Дефиниция — концентрированное выражение концептуальности. А поскольку любое высказывание концептуально, в нем в прямой либо косвенной форме содержится, как минимум, одна дефиниция. Следовательно, вопрос не в том, использовать либо не использовать дефиниции, а в том, будут ли они и насколько будут правильными.

66. В той или иной форме дефиниции наличествуют во всех высказываниях. Поэтому отсутствие дефиниций не бывает радикальным (полным). Оно является относительным (частичным), репрезентированным преднамеренными либо непреднамеренными имитациями дефиниций, т. е. ошибочными дефинициями.

67. Нет выбора, использовать или не использовать дефиниции: они присутствуют в каждом высказывании — точные либо неточные, прямые либо косвенные, компактные либо развернутые и т. д. В приведенных видовых парах дефиниций логически и гносеологически приоритетны их первые члены; вместе с тем вторые неизбежны и даже необходимы.

68. Дефиниция — логическая операция по обнаружению сущности явлений вплоть до универсума. Сущность бывает локальной либо универсальной. Первую можно обнаружить при помощи формальнологической дефиниции, вторую — при помощи диалектикологической дефиниции.

69. Алогическая дефиниция паллиативна (имитационна): она представляет собой ошибочную дефиницию.

70. Поскольку формальная логика существует исключительно в сочетании с алогизмом, алогический компонент в качестве угнетенного входит в формальнологическую дефиницию.

Поскольку диалектическая логика существует как асимптотически доминирующая над формальной, формальнологический ком-

понент в качестве асимптотически угнетенного входит в диалектикологическую дефиницию.

71. «Формулировки идей (дефиниции, выводы, афоризмы и т. п.) — индикаторы эффективности оперирования информацией» [1, 183].

72. Терминология — средство формулирования идей.

73. «Существование изоощренной (запутанной) терминологии выступает свидетельством не столько мировоззренческих блужданий, сколько сложности универсалий, особенно главных: сознания, познания (мышления), истины» [1, 302].

74. «Дело не в том, что какой-нибудь термин (принцип, схема, формула и т. п.) “работает”, поскольку “работают” любые термины (принципы, схемы, формулы и т. п.). Дело в том, как они “работают”: отражают ли они закономерности локального (частного / общего) либо универсального уровня. Только в последнем случае методологией исследования является диалектическая, а не формальная логика и, значит, можно с полным правом утверждать, что термин (принцип, схема, формула и т. п.) “работает”» [1, 132].

75. «Формально терминология условна (конвенциональна, субъективна), содержательно она безусловна, потому что выражает степень объективированности представления субъекта об объекте, в пределе — уровень понимания субъектом объекта» [1, 302].

76. «Терминология автономна по отношению к понятиям, однако адекватность терминологии понятиям обратно пропорциональна степени ее автономности им» [1, 146].

77. Ирония наименований: слово «философия» — оксюморон, слово «диалектика» — тоже оксюморон.

78. Оксюмороны алогичны, но есть такие оксюмороны, которые играют роль терминов, в том числе философских (например, «философия» и «диалектика»), и в этом статусе их алогичность условна.

79. Регулярность неточного словоупотребления (использования неточной терминологии) является симптомом хронического недомыслия.

80. Красота идей и высказываний универсального уровня — их терминологическая точность. Красота прочих идей и высказываний — не более чем художественность.

81. Терминологическая точность способствует ясности изложения идей. «Ясность есть сложность, выраженная в простой форме

(простым языком)» [1, 244]. Критерий ясности высказывания — его гносеологическая точность (соотнесенность с истиной).

82. Истина — коррелят точности, причем точности универсального уровня. Следовательно, «почти точно» — нюанс, ценой которого является истина.

83. Обновление терминологии методом дублирования (синонимии), как и всякое бессодержательное (фиктивное) умножение терминов, мотивируется не гносеологически, а психологически — комплексом превосходства того, кто совершает и конституирует это обновление.

84. Категория — высший тип понятия. Мышление есть оперирование категориями (знаками универсалий). Не оперирующий категориями не мыслит, а переживает, или оперирует вербализованными представлениями (словесными образами).

85. По большому счету, между понятиями и категориями отсутствует принципиальная разница: те и другие предназначены для обозначения универсальных сущностей. Условная разница между понятиями и категориями состоит в том, что понятия могут применяться для обозначения локальных сущностей, или сущностей частного / общего уровня (которые репрезентируют заблуждения), а категории — нет.

86. Число идей универсального уровня, или идей, обозначаемых категориями, невелико, и они сводимы к истине. Однако число идей универсального уровня не является определенным вследствие вариативности их формулировок.

Литература

1. Горбачёв А.Ю. Философский дневник (2002 — 2013 гг.). Философские статьи и тезисы. Минск: Издатель А.Г. Печенко, 2014. 640 с.

References

1. Gorbachyov A.Yu. Philosophskij dnevnik (2002 — 2013 gg.). Philosophskie statji i tezis. Minsk: Izdatel A.G. Pechenko, 2014. 640 s.

V

**АКТУАЛЬНАЯ
СОЦИОЛОГИЯ**

А.Л. АНДРЕЕВ

**Ленинские статьи о литературе и социальная
диалектика марксизма***

Аннотация. Статья посвящена марксистскому подходу к анализу духовной культуры. Дается общая характеристика разработанной классическим марксизмом материалистической концепции духовной жизни как особого рода надстройки над базисными социально-экономическими структурами, рассматривается постановка его основоположниками вопроса о социальной обусловленности духовной деятельности. Обосновывается мнение, согласно которому Маркс и Энгельс не успели довести разработку данного вопроса до уровня эффективно работающей во всех сферах культуры аналитической методологии, что предопределило возникновение вульгарно социологических интерпретаций марксистского подхода к художественному и философскому творчеству. Показывается ключевое значение ленинских статей о литературе для выработки такой аналитической методологии. В этом контексте обосновывается новый, современный взгляд на эти статьи, включая его знаменитую работу «Партийная организация и партийная литература», в которой, как считает автор настоящей публикации, вопреки распространенному мнению, следует видеть не программу установления тоталитарного контроля над духовным творчеством, а, наоборот, разработку проблемы реальной свободы.

Ключевые слова: материалистическое понимание истории, марксизм, вульгарный социологизм, социология культуры, социальный детерминизм, свобода творчества, метафора зеркала, художественная правда.

Abstract. The article is devoted to the Marxist approach to the analysis of spiritual culture. A general description of the materialistic concept of spiritual life developed by classical Marxism is given: when

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Андреев А.Л. Ленинские статьи о литературе и социальная диалектика марксизма // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 227—238.

the question of the social conditioning of spiritual activity was posed, spiritual life was considered in Marxist perspective as a special kind of «superstructure» over «basic» socio-economic structures. The article substantiates the opinion that Marx and Engels did not manage to bring the development of this issue to the level of an analytical methodology that effectively works in all spheres of culture, and this predetermined the appearance of vulgar sociological interpretations of the Marxist approach to artistic and philosophical creativity. The author shows the key importance of Lenin's articles on literature for the development of such an analytical methodology. In this context, a new, modern view of these articles is substantiated, including his famous work «Party Organization and Party Literature», in which, as the author of this publication believes, contrary to popular opinion, one should not see a program for establishing totalitarian control over the spiritual creativity, but, on the contrary, the development of the problem of real freedom.

Keywords: materialistic understanding of history, Marxism, vulgar sociology, sociology of culture, social determinism, freedom of creativity, mirror metaphor, artistic truth.

УДК 37, 316
ББК 60.5

Одним из самых значительных интеллектуальных достижений марксизма является разработка материалистического понимания истории. Конечной причиной социальных явлений и социальных изменений является способ, при помощи которого люди производят и воспроизводят материальные условия своего существования. Это в полной мере касается и духовной сферы. Как отмечали основоположники марксизма в «Манифесте коммунистической партии», производство идей и других элементов духовной жизни преобразуется вместе с материальным производством; с изменением условий жизни людей и их общественных отношений изменяются также и их представления, взгляды и понятия — иначе говоря, их сознание. Например, когда в условиях капитализма возникает всемирный рынок, а производство и потребление приобретают космополитический характер, плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием, и из множества национальных, местных литератур образуется одна всемирная литература [6, 428, 445]. Естественным следствием таких методологических уста-

новок стало признание необходимости и обязательности исследования и выявления связи между духовным творчеством и так называемым классовым сознанием, включая формируемые классовыми различиями и классовой борьбой политические идеологии.

Выдвинутая основоположниками марксизма идея социальной детерминированности духовного производства быстро завоевала популярность в широких кругах леворадикальной интеллигенции. При этом, однако, возникло ошибочное представление, что все марксистское понимание культуры только к этой идее и сводится. В то же время многие авторы, считавшие себя марксистами и считавшиеся ими, придавали этой идее такую упрощенную трактовку, что ее применение в конкретном анализе духовной жизни и творчества порой оборачивалось очевидными вульгаризациями. Например, в художественных произведениях или философских теориях видели лишь причудливо зашифрованные при помощи условных знаков схемы классового строения общества, а творчество писателя, художника или философа целиком и без остатка выводилось из психологии взрастившей его социальной среды. Социальный детерминизм в упрощенном, а тем более вульгарном, его понимании фактически исключал какую-либо творческую свободу и обесценивал все исторические формы красоты и истины, что совершенно логично приводило к отрицанию ценности культурного наследия: если, к примеру, древнегреческое общество было рабовладельческим, то его искусство, которое должно было рассматриваться исключительно как выражение специфической психологии рабовладельца, не может вызвать в душе современного человека никакого другой эмоциональной реакции, кроме холодного любопытства. Абсурдность подобных выводов ясно говорила о том, что идея социально-исторической обусловленности духовного творчества сама по себе еще не является *методом исследования конкретных процессов культуры*; такой метод на основе марксистского учения об обществе и социально-историческом развитии еще предстоит разработать. Причем, как и всякий метод, он должен быть доведен до уровня практических компетенций и представлен в виде ряда «экспозиционных образцов» (то, что сегодня принято называть ноу-хау).

Необходимость такой работы первым понял Ф. Энгельс. В нескольких письмах, написанных им в 1890-е гг., мы можем найти как критическую оценку вульгарно-социологических тенденций, так и важные замечания о том, что духовная культура не только ис-

пытывает воздействия со стороны общества, но и оказывает на него обратное влияние (что было бы невозможно, если бы она была простой проекцией существующих социально-экономических отношений) [1]. Сам Энгельс успел сделать лишь первые шаги в данном направлении, и специальных работ на эти темы у него нет. Но примерно десятилетие спустя к этой же проблематике обратился другой выдающийся теоретик классического марксизма — В.И. Ленин.

В ноябре 1905 г. в большевистской газете «Новая жизнь» было опубликовано одно из самых известных и в то же время самых дискуссионных произведений Ленина — статья «Партийная организация и партийная литература». Эта работа всегда была предметом ожесточенных нападок — главным образом, потому, что в ней часто усматривали обоснование тоталитарного идеологического контроля. Однако для того, чтобы дать данной статье и ее различным интерпретациям правильную оценку, надо четко разделить два принципиально разных вопроса: аутентичное содержание произведения и его последующее использование в политических практиках, которое далеко не всегда и далеко не во всем соответствует ее изначальному смыслу и намерениям его создателя. Это противоречие относится не только к Ленину, оно вообще хорошо известно из истории философской и социальной мысли. И то, как использовалась «Партийная организация и партийная литература» в контексте инструментальных задач Агитпропа ЦК ВКП (б) или, допустим, Отдела культуры ЦК КПСС, было лишь одной из возможных интерпретаций данной статьи, а иногда и просто «подгонкой» высказанных в ней мыслей к возникшим уже в совсем иных условиях обстоятельствам и соображениям.

На самом деле в тексте статьи «Партийная организация и партийная литература» речь идет вовсе не о технологиях запрета, ограничения, подавления и подчинения, а, напротив, об их преодолении, о том, что можно было бы назвать *технологиями свободы*. Статья была написана в условиях, когда начинающаяся революция блокировала правительственную цензуру, а в прессе и литературно-художественной жизни развернулась мощная кампания обличения существующего режима. И, откликаясь на эти процессы, Ленин начинает с того, что констатирует и анализирует их результат — возникновение в сфере культуры совершенно новой ситуации, в которой начинало исчезать различие между легальной и нелегальной публикацией. Фактически создавалось своего рода социальное

пространство свободы, правда, еще не институционализированное и не оформленное какими-либо правовыми установлениями. Но уже само его возникновение коренным образом меняло весь характер литературно-художественной жизни, и Ленин считал, что демократические силы должны всеми силами добиваться прочного закрепления таких изменений.

Однако свобода в понимании Ленина — не абстрактная мета-историческая категория, а конкретное социальное понятие. Социальное потому, что свобода есть понятие, характеризующее отношение между людьми в рамках совершенно конкретного общества. Стало быть, каждой ступени развития общества и каждой социальной форме, которая в процессе этого развития возникает, соответствует определенная форма свободы (и, наоборот, несвободы). И говоря о свободе творчества именно в России и именно в 1905 г., Ленин призывал покончить с пережитками той специфической именно для России и обусловленными перипетиями именно русской истории традициями несвободы, которую он определял как «духовное крепостничество». А для данной традиции характерны вынужденная, но вместе с тем ставшая привычной, недосказанность и чрезвычайная размытость идеологических граней, в противовес которым Ленин утверждает принцип открытого, недвусмысленного провозглашения и утверждения определенной позиции по имеющим общественное значение вопросам. Применительно к интеллектуальной деятельности, духовному творчеству это означает лишь то, что «литературное творчество должно получить ясно выраженное политическое лицо», для обозначения которого в статье и вводится особый термин — «партийность». В то же время переход от полуфеодальных порядков к буржуазным сам по себе не ведет человечество в царство свободы. «В обществе, основанном на власти денег... не может быть “свободы” реальной и действенной» [4, 103]. В итоге меняется лишь форма несвободы. Получается, что выход за положенные капиталистической системой пределы вообще невозможен? Нет, значение ленинского понимания социальной диалектики как раз и состоит в том, что оно позволяет дать иное решение.

По Ленину, отношение между свободой и несвободой в рамках диалектики социально-исторического развития опосредствуется третьим элементом — социальными представлениями, включая идеалы, мечты и иллюзии. Так, при переходе от старой полуфеодальной автократии к буржуазной демократии у значительного

большинства интеллектуалов, занятых в сфере духовного производства, возникает иллюзия обретения свободы творчества. Однако на самом деле происходит лишь замена методов прямых административных запретов и таких же административных поощрений на косвенное регулирование, использующее в основном финансовые рычаги. Цензор-чиновник уходит, но на его место приходит другой цензор, имя которого — рубль (или, допустим, доллар). «Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы, — вполне резонно указывал Ленин, — есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания» [4, 104]. При этом он довольно тонко подменил связь между «подкупом» творческой личности и ее претензиями на особое положение в обществе — точнее «над обществом» и, разумеется, отверг эти претензии («долгой литераторов-сверхчеловеков!» [4, 100]). В известном смысле можно утверждать, что в ленинской статье зафиксировано возникновение принципиально новых форм духовного производства, ориентированных не на интеллектуальные ценности и просвещение и даже не на создание красоты, а на прибыль и идеологическое манипулирование. Фактически речь идет о ранних стадиях формирования того явления, которое М. Хоркхаймер и Т. Адорно впоследствии назовут культурными индустриями [9]. И надо сказать, что только что процитированная ленинская формулировка сохраняет свою актуальность, в том числе и для современной России, где «дух денег» стал приобретать тоталитарный характер [6], а «экономическая колонизация» культуры [8], ее внутреннее опустошение, подчинение сферы художественного творчества логике бизнеса были осуществлены за очень короткий по историческим меркам промежуток времени.

Экспансии капитала в сферу духовной жизни Ленин противопоставлял то, что он характеризовал как действительную свободу. По сути, это не что иное, как отказ поддерживать механизмы наличного социального порядка и создание им определенной социальной альтернативы. Такая свобода все-таки достижима, но если принять во внимание детерминированность духовной жизни социальными практиками и интересами господствующих классов, то реально она может возникнуть лишь в недоступных для их контроля точках социального пространства — как бы в его «лакунах», которые создаются оппозиционными движениями (Маркс в этом случае сказал бы: «в порах данного общества»). И здесь Ленин, если

можно так выразиться, «с другой стороны» подходит все к той же идее партийности, трактуемой уже как организационная связь с определенным политическим течением.

Итак, действительная свобода должна пониматься конкретно, применительно к возникающим социальным условиям и предлагаемым ими реальным, а не утопическим или тем более чисто фантастическим альтернативам. В условиях капитализма свобода — это выход творческой личности из коммерческой зависимости, который возможен лишь как сознательный выбор в пользу социалистической перспективы. В ленинской терминологии речь здесь опять идет о партийности, но уже не о «партийности вообще», а о социалистической партийности и даже о принадлежности к партийной организации социалистического пролетариата. Вместе с тем Ленин отнюдь не утверждал, что реализация лозунгов, провозглашенных в статье «Партийная организация и партийная литература», должна носить всеохватывающий и абсолютный характер. Речь, повторяем, шла о свободном выборе (но, как уже говорилось, в пределах наличных социально-исторических возможностей). Скажем, русская классическая литература, если не считать Горького, не была партийной в смысле приверженности идеологии марксизма или пропаганды идей социалистической революции. И тем не менее Ленин, в отличие от приверженцев вульгарно социологических подходов к культуре, видел в ней огромную и притом не только историческую, но и актуальную ценность.

Политическим эквивалентом вульгарно-социологических подходов к духовному творчеству стала тенденция к обособлению тогдашнего класса-лидера — пролетариата — от других общественных сил, восприятие их как чуждой пролетарским революционерам «сплошной реакционной массы». Для Ленина, убежденного в том, что рабочему классу нельзя отгораживаться в политике от остальных демократических слоев, такая философия духовной самоизоляции была неприемлемой. Политически она преодолевалась тактикой классовых союзов (прежде всего с крестьянством). Преодоление ее в сфере культуры требовало разработки в противовес принявшему самодовлеющий характер методу «социологической расшифровки» философских идей, нравственных понятий и образов искусства иного, более широкого и гибкого метода, способного рассматривать духовное производство как бы «в двух проекциях» — не только как выражение классового сознания, но и как одну из все-

общих форм проявления родовой сущности человека, его творческих сил и духовного богатства.

Такой метод был в общих чертах разработан Лениным в серии статей о Л.Н. Толстом (1908 — 1911). В этих статьях, в полном соответствии с марксистской традицией, методологической основой выступает принцип социальной обусловленности культуры, включающий в себя анализ литературного творчества в конкретных контекстах классового сознания и политической борьбы классов. Однако этот методологический принцип здесь выглядит иначе, чем у большинства теоретиков и публицистов тогдашней социал-демократии, обычно рассматривавших творчество Толстого как непосредственный продукт поздней, уже уходящей в прошлое, дворянской культурной среды, которой по рождению принадлежал и в которой сформировался великий писатель. У Ленина отношение художника и мыслителя к его социальному окружению опосредствовано личным интеллектуальным и нравственным поиском. Поэтому принцип социальной обусловленности искусства дополняется у него концепцией искусства как *отражения действительности*, нацеленного на красоту выражения и поиск истины (отсюда и используемая им метафора *зеркала* [2]). Разумеется, отражение осуществляется субъектом, занимающим определенное социальное положение, что ограничивает его кругозор и представляет связь вещей лишь в каком-то определенном ракурсе. Поэтому и красота, и истина, которые доступны художнику и мыслителю, не абсолютны, а относительны. Однако это не означает, что они (красота и истина в их конкретных формах) представляют ценность лишь для людей, рассматривающих их с какой-то единственной позиции; нет, какие-то грани все тех же красоты и истины могут быть восприняты и теми, кто воспринимает их в иных ракурсах (тоже, разумеется, социально детерминированных). И Ленин в этой связи дает Толстому совершенно нетривиальную для того времени и неожиданную для многих характеристику: он говорит о Толстом не как о «кающемся дворянине» (проходной персонаж тогдашней левой и леволиберальной публицистики и художественной критики), а как о выразителе мировоззрения крестьянства, стремящегося окончательно расстаться с наследием крепостничества, но вместе с тем уже теснимого капитализмом. И это не абстрактно социологическая характеристика, какой было бы вполне достаточно для большинства марксистов эпохи II Интернационала: Толстой выступает у Ленина как

выразитель взглядов, настроений и мироощущения именно *русского* крестьянства, в совершенно определенную эпоху истории России (1861—1905). Эти взгляды и противоречия чрезвычайно противоречивы — соответственно противоречивы художественно-образное мышление и нравственная проповедь Толстого. Но это «не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в *пореформенную*, но *дореволюционную* эпоху» [3, 22]. Данный подход позволяет учесть такие нюансы литературного наследия великого писателя, которые невозможно понять, если исходить из одних лишь общих социально-экономических характеристик крестьянства, не учитывая не только специфических условий России и вытекающих из этих условий исторических задач, но и традиции, а также менталитет именно русской крестьянской массы той эпохи — ее особый радикализм в сочетании с политической наивностью и остаточным монархизмом, ее отношение к городу как к месту, откуда надвигаются враждебные крестьянскому хозяйству силы, психологические последствия одновременного развертывания двух социальных войн на селе (всего крестьянства против остатков помещичьего землевладения и деревенской бедноты против кулачества и др. Все это позволяет применить к творчеству Толстого такую социально-эстетическую характеристику, как *народность*: «Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого» [7, 71].

В работах Ленина по сути дела выделены особые элементы поля социальных взаимодействий, посредством которых исторически заданный ансамбль социальных факторов преломляется в сознании и переходит в идеальную форму образов, отражающих жизнь общества. В качестве таких элементов-редукторов выступают *социальные проблемы*, представляющие собой объективно существующие противоречия общественной жизни. Конкретная, неповторимая историческая ситуация получает отражение в проблемном строе сознания. При этом одни и те же противоречия могут осознаваться в различной форме, в том числе и не раскрывающей их сущность, а отражающих лишь поверхностные связи явлений. Например, противоречия буржуазного общества могут быть поняты через

анализ его социальной структуры и расстановки классовых сил, но могут быть представлены и как совокупность чисто моральных проблем. Ленин перечисляет наиболее важные из поднятых Толстым «великих вопросов» (природа социального зла, частная собственность и справедливость, отчуждение государства от личности, лицемерие буржуазного брака и др.), одновременно указывая и на те проблемы, которые писатель не увидел, не понял и не отобразил. Специфический набор тех и других, по Ленину, и определил своеобразный социальный «профиль» и историческое значение творчества гениального художника. Проблемный строй произведений Толстого Ленин по существу рассматривал в качестве содержательно-смысловой структуры, отражающей (хотя не полностью и не адекватно) конкретные особенности той переходной исторической ситуации, в которой оказалось российское общество после крестьянской реформы. Не случайно для характеристики этой ситуации лидер русских большевиков использовал удивительно меткую фразу из «Анны Карениной»: в России все перевернулось и еще только укладывается. При этом Ленин связывал способность писателя ставить великие общественные вопросы и умение дать им правдивое воплощение в «несравненных картинах жизни» с художественной силой произведений Толстого. Да, подчеркивал он, Толстой не дает действительного решения поставленных им вопросов, а его творчество содержит в себе кричащие противоречия. Но в том-то и дело, что это не противоречия только лишь его личной мысли, а своеобразная проекция тех противоречий, которые на каждом шагу порождала российская действительность. Поэтому произведения автора «Анны Карениной» и «Воскресения» не могут не волновать всех тех, кто включен в ситуацию перехода России к новым укладам жизни, даже если он в чем-то не согласен с писателем и иначе видит судьбы страны и ее историческую перспективу.

Ленинская интерпретация творчества Толстого доказала, что социальную детерминированность духовного производства не следует понимать как «растворение» гносеологических, эстетических и нравственных аспектов в сугубо социологической проблематике. Используя в ходе анализа явлений культуры социально-исторические категории и выявляя связи между экономическими отношениями и структурой сознания, Ленин исходил из того, что далеко не все содержание последнего может быть непосредственно выведено из наличной социально-исторической реальности по

принципу восхождения от причины к следствиям. Ибо в любом из звеньев причинно-следственной цепочки, протянувшейся от социально-экономических условий к образам, представлениям и понятиям, составляющим нашу картину мира, может проявиться способность выбора, основанная на личном опыте. Поэтому в продуктах духовного творчества может присутствовать и содержание, не зависящее от наличных обстоятельств и образующее в силу этого достоинство всего человечества. И это давало Ленину основания считать, что в наследии Толстого, наряду со слабостями и противоречиями, «есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему» [3, 23].

Литература

1. История марксизма-ленинизма. Т. 2. М.: Политиздат, 1990.
2. *Ленин В.И.* Лев Толстой как зеркало русской революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. М.: Изд-во политич. лит., 1968. С. 206 — 213.
3. *Ленин В.И.* Л.Н. Толстой // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. М.: Изд-во политич. лит., 1973. С. 19 — 24.
4. *Ленин В.И.* Партийная организация и партийная литература // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. М.: Изд-во политич. лит., 1968. С. 99 — 105.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Изд-во политич. лит., 1955. С. 419 — 459.
6. *Ослон А.* Дух денег в России: очерк становления и могущества // Социальная реальность. Журнал социологических наблюдений и сообщений. 2006. № 1. С. 57 — 71.
7. Толстой и пролетарская борьба // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. М.: Изд-во политич. лит., 1973. С. 70 — 71.
8. *Хабермас Ю.* Отношение между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. 1993. Весна. Т. 1. Вып. 2. М.: Начала-пресс, 1993. С. 123-136.
9. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.

References

1. Istorija marksizma-leninizma. T. 2. M.: Politizdat, 1990.

2. *Lenin V.I. Lev Tolstoj kak zerkalo russkoj revoljucii* // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 17. M.: Izd. politich. lit., 1968. S. 206 — 213..
3. *Lenin V.I. L.N. Tolstoj* // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 20. M.: Izd. politich. lit., 1973. S. 19 — 24.
4. *Lenin V.I. Partijnaja organizacija i partijnaja literatura* // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 12. M.: Izd. politich. lit., 1968. S. 99 — 105.
5. *Tolstoj i proletarskaja bor'ba* // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 20. M.: Izd. politich. lit., 1973. S. 70 — 71. [In Russ.].
6. *Marks K., Jengel's F. Manifest kommunisticheskoy partii* // Marks K., Jengel's F. Soch., 2-e izd. T. 4. M.: Izd. politich. lit., 1955. S. 419 — 459.
7. *Oslon A. Duh deneg v Rossii: ocherk stanovlenija i mogushhestva* // Social'naja real'nost'. Zhurnal sociologicheskikh nabljudenij i soobshhenij. 2006. № 1. S. 57 — 71.
8. *Habermas Ju. Otnoshenie mezhdru sistemoy i zhiznennym mirom v uslovijah pozdnego kapitalizma* // THESIS. 1993. Vesna. T. 1. Vyp. 2. M.: Nachala-press, 1993. S. 123—136.
9. *Horkhajmer M., Adorno T. Dialektika Prosveshhenija. Filosofskie fragmenty*. M.; SPb: Medium, Juventa, 1997. 312 s.

Г.С. ШИРОКАЛОВА, О.К. ШИМАНСКАЯ

Историческая память & патриотизм*

Аннотация. В научной и публицистической литературе нередко патриотизм отождествляется с исторической памятью, чаще с памятью о Великой Отечественной войне. На основании уровня знаний об этом событии делаются выводы о высокой степени патриотизма россиян. В статье доказывается, что исследование социокультурного феномена патриотизма требует анализа причин и факторов его формирования, его эволюции и востребованности в современном обществе. Положительное/уважительное отношение к прошлому недостаточно для оценки уровня патриотизма респондентов.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Широкалова Г.С., Шиманская О.К. Историческая память & патриотизм // *Философия хозяйства*. 2020. № 1. С. 238—251.

Ключевые слова: патриотизм, историческая память, Великая Отечественная война, молодежь, студенты.

Abstract. In scientific and journalistic literature, patriotism is often identified with historical memory, often about the Great Patriotic War. The article proves that the study of the sociocultural phenomenon of patriotism requires an analysis of the causes and factors of its formation, its evolution and relevance in modern society. A positive/respectful attitude to the past is not enough to assess the level of respondents' patriotism.

Keywords: patriotism, historical memory, Great Patriotic War, youth, students.

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)

Обращение В.В. Путина к патриотизму как объединяющей идеологии еще в 2003 г. было единственно возможным ответом на классовый вызов: «дикие девяностые» дифференцировали граждан по всем социальным показателям, разрушив самоидентификацию россиян как единого народа, как граждан единого государства.

Эволюция понятия «патриотизм» в выступлениях В.В. Путина от идеологии к национальной идее хорошо прослежена К.С. Бакулевым [1, 17—18]. Здесь отметим, что государственный заказ на патриотическую идеологию, обеспечивающую национальную идентичность, — не новация в российской истории. Впервые он прозвучал в начале XIX в. с ориентацией на консервативность, патернализм, национализм [2, 314]. Затем был закреплён триадой «Православие, Самодержавие, Народность», которую в обновленном виде пытались/пытаются возродить с начала 1990-х гг. Попытка не стала успешной, и ставка была сделана на массовый героизм в Великой Отечественной войне: Победа «вернулась» как символ единства народов, проживавших на территории СССР, прежде всего в России.

В 2020 г. исполнится 75 лет Победе советского народа над фашизмом. В преддверии юбилея ряд депутатов Госдумы заявили о необходимости разработать закон о патриотическом воспитании, который будет способствовать формированию национального самосознания [5]. Поддержав идею, член комитета Совета Федерации по

социальной политике Э. Исаков предложил создать рейтинг регионов по патриотизму, используя анализ официальных данных Ростата, Минобрнауки, Минтруда, Минобороны, Минздрава, Минспорта, других министерств и ведомств, социологических исследований, а также с учетом анализа материалов СМИ регионов. И хотя идея была критически оценена специалистами [8], нет сомнения, что юбилейная дата будет стимулировать проведение исследований исторической памяти и патриотизма, что актуализирует проблему методологии и методики его изучения.

Чувство патриотизма — сложный социально-психологический феномен, и уже этот факт обязывает при разработке методологии и методики исследований уточнять демографические и социальные характеристики респондентов, социокультурные реалии времени их первичной и вторичной социализации.

Мировоззрение российской молодежи формировалось в атмосфере жесткого противоречия между реалиями жизни, жизненными приоритетами, нравственными ориентирами, традициями, согласно которым жили предыдущие поколения, и диаметрально противоположными оценками прошлого. Проблема осложняется тем, что множественность трактовок прошлого образовательными, культурными институтами и СМИ породила диссонанс между представлениями об исторических событиях и их оценками разными социальными группами. Поэтому некоторые исследователи выбрали путь «измерения» патриотизма через историческую память по принципу: если респонденты положительно относятся к официальной российской истории, знают об основных событиях и называют себя патриотами, следовательно, есть основания говорить об их патриотизме [3]. Так ли это? — покажем на сравнении данных разных исследований.

Доминирование СМИ как источника информации задало стереотипы «государственной памяти», отвечающей интересам власти предрекающих и поэтому избирательно сохраняющей события ушедшей эпохи нередко с целью дискредитации целых исторических периодов и живших в них поколений. Яркий пример: конец 1980-х — начало 1990-х гг. — формирование негативного отношения сначала к поколению прадедов, совершивших и поддержавших Октябрьскую социалистическую революцию, а затем — к поколению дедов и отцов, победителей в Великой Отечественной войне. Это легко сделать, поскольку память народа угасает в связи с ухо-

дом поколения победителей и сокращением общения между поколениями даже в рамках семьи. Жизненный и профессиональный опыт старших не востребован в современной России в силу объективных обстоятельств: резкого изменения всех элементов производительных сил — от предмета труда до работника — и общественных отношений. В обществе потребления предметом потребления становятся не только вещи, но даже те, кто входит в близкий круг «потребляющих». Максимализм, присущий молодости, нетерпимость к взглядам, противоречащим их убеждениям, увеличивает данный разрыв.

Конвенционально не конструируемая история формирует внеисторическую самоидентификацию личности в обществе, поскольку «размывает» и обесценивает понятие подвига/поступка ради других. Приведем мнение гуру советской интеллигенции времен перестройки А. Невзорова из его интервью 2017 г.: «Патриотизм — это великолепный наркотик, который можно закачивать нации в вену для безоговорочного послушания большого количества людей, готовых обеспечить войну, безумные стройки, мероприятия и шествия» [9].

Историческая память личности, как и всякая мировоззренческая система, становится фактором социальной активности, когда имеет поддержку единомышленников, а если таковых недостаточно, в рациональный век она не вербализируется и не визуализируется, т. е. утрачивает коммуникативную функцию. Лишние проблемы ради самопрезентации своих политических взглядов — слишком большая роскошь, когда нет надежного тыла в самом широком смысле этого слова.

Поэтому вопрос верификации ответов, полученных на прямолинейные вопросы в исследованиях социально-психологических и культурных феноменов, является первоочередным при их интерпретации. Прямолинейность вопросов дает статистически красивые показатели патриотизма, но степень их надежности можно определить только через комплексный сравнительный анализ.

Социальная идентификация/самоидентификация формируется под влиянием множества факторов. Как правило, в исследованиях на эту тему задаются вопросы о том, насколько респонденты разделяют те или иные ценности, раскрывающие содержание понятия/явления «патриотизм». Не отрицая определенной информативности таких ответов, заметим, что давно установлен факт их кор-

ректировки, часто не осознаваемой самими опрашиваемыми, под общепринятые в обществе или в социальной группе нравственные нормы, идеалы, традиции. «Ножницы» между декларируемым и реальным поведением, через которое только и можно установить глубину самоидентификации, нередко столь значимы, что фактически находятся на разных полюсах условной шкалы «допустимо — недопустимо».

После установки, заданной президентом, государственная политика формирования идентификации/самоидентификации россиян ориентировала на уважительное отношение к участникам и событиям Великой Отечественной войны. «Бессмертный полк», ставший международным событием, является символом данной политики. Но насколько отражается установка государства на актуализацию патриотизма через историческую память с ее бытованием в молодежной среде? Ведь по-прежнему существует противоположная позиция, проявляющаяся в системе образования, СМИ, практических решениях федеральной, региональной, муниципальной власти.

В определенной степени на этот вопрос можно ответить, основываясь на материалах социологического исследования мнений 238 студенток Нижегородского государственного *лингвистического университета* имени Н.А. Добролюбова. Эта социальная группа взята нами неслучайно: в современной российской семье матери в большей степени формируют личность ребенка, его нравственные ориентиры, передают историю семьи. Поэтому историческая память будущих поколений станет определенной репродукцией исторической памяти сегодняшней молодежи. Кроме того, студенты этого вуза традиционно космополитичны или ориентированы на приоритет западных ценностей, и этот факт для нас будет особо значимым при сопоставлении результатов разных по задачам исследований (в основу инструментария исследования положена анкета Российского общества социологов, по которой проводился всероссийский опрос студенческой молодежи в 2015—2016 гг.).

Заданные вопросы разделены на три блока: первый — оценка прошлого, второй — память о нем, третий — вплетенность прошлого в структуру семейных отношений.

Блок первый. Один из вариантов ответов на вопрос о том, какие чувства вызывает Победа в Великой Отечественной войне, был сформулирован как клише для торжественного доклада: «Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине

будут и в будущем примером для новых поколений». Его выбрало 58,4%. Наиболее адекватным реальности был вариант «Память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников» (18,1%).

Антипатриотизм ряда СМИ, начавшийся в 1990-х гг., не мог не породить сомнения в официальной версии Второй мировой войны и закономерно вызвал безразличие/отчуждение: «С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют новые события и проблемы» (11,3%); «Героизм и самопожертвование во время ВОВ становятся чуждыми значительной части молодежи» (4,6%).

Официальная политика по актуализации исторической памяти не отменила поливариантности оценок ВОВ. Приведем выдержки из интервью Ч. Хаматовой, опубликованного 30 апреля 2019 г.: «Я, например, ненавижу Великую Отечественную войну, я не могу ею гордиться. Для меня это боль, кровь и страдание не только русского народа, но и немецкого, солдат и мирного населения других стран. Я в принципе ненавижу войны и ни одну из них никогда не поддержу. А если она все-таки случится, то мне будет жалко все стороны конфликта»

И далее: «Я дважды жила вне Родины и просто подышала. Я настоящий патриот. Я люблю свою Родину и хочу, чтобы всем было хорошо, чтобы в ней не умирали дети, чтобы невинные люди не сидели в тюрьмах. Пройдет много времени, прежде чем наши люди поймут, что они ответственны за свою жизнь сами. Рабское сознание, которое нам так долго насаждала советская власть, — это такой посттравматический синдром, который нужно вылечить и забыть» [12]. Сделаем небольшую ремарку по поводу «рабского сознания»: родившаяся в 1975 г., актриса не училась читать по букварям времен ее мамы, в которых и в 1950-х гг. было: «Мы не ра-бы. Ра-бы не мы». Рабство имеет разные формы. Например, незнание истории страны делает человека рабом историкофобов.

Объективный тренд утраты эмоционального отношения к прошлому и следующего за ним забвения фиксируются в ответах студентов. Удовлетворены объемом своих знаний о ВОВ 7,6%, «не совсем, надо бы больше, но...» — 41,6%; «не совсем, но мне хватает» — 11,8%; «нет» — 34,5%. Обозначить свою позицию, противоположную большинству, способен только социально ак-

тивный человек со сформировавшимися убеждениями. Они никогда не составляют большинства, поэтому естественно, не согласились с утверждением, что «Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно», 93,7%, остальные предпочли ответ «не знаю». В целом же соотношение ответов на вопросы, заданные в лоб, не редко интерпретируются как показатель высокой степени патриотичности молодежи. Однако не будем торопиться с выводом.

Второй блок вопросов фиксировал характеристики семейной памяти респондентов и в некоторой степени прожекторные намерения. У 54% девушек прадедушка был участником ВОВ, у каждой десятой — дедушка. Из прабабушек и бабушек соответственно 15 и 13,4%. На момент опроса воевавшие на фронте были живы в семьях лишь 29,4% респонденток. Практически в каждой второй семье есть погибшие на фронте (48,3%).

К сожалению, не задавался вопрос, когда получены награды: во время боевых действий или после войны как памятные медали участника ВОВ. Но награждены прадедушки у 32,4% студенток, прабабушки — у 11,8%, дедушки — 20,2%, бабушки — 4,6%. В 25,6% семей живы те, кто трудился в тылу во время ВОВ, почти в половине семей (42,5%) есть награжденные за труд.

В каждом из вопросов был вариант «не знаю». Ответы на него, на наш взгляд, достаточно красноречивы, но не фатальны, если измерять патриотизм через глубину исторической памяти. Не интересовались, кто из членов семьи был участником Второй мировой и Великой Отечественной войн, 4,2%, есть ли погибшие на фронте родственники — 14,3%, были ли в семье награжденные среди участников войны — 28,2%, среди трудившихся в тылу — 38,7%, живы ли те, кто трудился в тылу во время ВОВ — 11,8%.

Распределение ответов значительной части респонденток свидетельствует об утрате интереса к истории семьи, низкой ценности в семье государственных наград, разрыве эмоциональных связей между поколениями.

Выразили желание восстановить сведения о родственниках — современниках войны в госархивах — 76,9%; поинтересовались, с чего надо начинать — 20,2%. Уже работавших в архивах мы не зафиксировали.

Третий блок вопросов раскрывал формы коммуникации в поддержании семейной исторической памяти. Простейшая из них — беседы о ВОВ (табл. 1).

Таблица 1

Беседуют о Великой Отечественной войне, %

	Чаще, чем раз в полгода	Раз в полгода	Раз в год, 9 мая	Практически никогда
С дедушкой, бабушкой	23,5	20,6	33,6	21,8
С родителями	28,6	23,5	27,3	20,6
С друзьями	19,3	22,3	38	20,4

Частота бесед респонденток в семье с представителями разных поколений отличается, возможно, в силу особенностей проживания, возраста, состояния здоровья, несклонности к откровенности стариков, но не столь существенно. Между ровесниками такие разговоры более ситуативны.

Сохраняется традиция посещения в День Победы захоронений родственников — ветеранов войны у 34,5%; у 47,4% ее нет, так как таковые либо неизвестны, либо далеко от места жительства. К Вечному огню возлагают цветы дедушка, бабушка (15,1%), родители (31,5%), сами студентки — 32,8%; участвовали в акции «Бесмертный полк» 60% семей.

Положительная статистика задает завышенные ожидания от ответов на вопрос «Можете ли вы назвать себя патриотом?». Фактическая же самооценка очень взвешенная: патриотом называли себя 18,1%, выбрали ответы «скорее да, чем нет» — 60,9%, «скорее нет, чем да» — 11,8%, «нет» — 8,4%. Конечно, некоторую корректировку внесло то, что контингент лингвистических вузов своеобразен по мировоззренческим приоритетам, но... На обыденном уровне осознано то, что не хотят признавать некоторые политики: историческая память не столь актуальна, чтобы быть фактором самоидентификации со страной рождения, если она не подкреплена возможностями повседневного удовлетворения актуальных потребностей. Такова реальность рыночной экономики.

Напомним, исследование, о котором шла речь, было специально посвящено анализу патриотического сознания респондентов через отношение к памяти о Великой Отечественной войне. Сопоставим, насколько это возможно, с результатами опроса о мировоззренческих предпочтениях студентов, где патриотизм рассматривался как один из элементов системы ценностей.

В исследовании 2017 г. М.Л. Ивлевой, С.Н. Курилова и В.И. Россмана на вопрос «Что из нижеперечисленного можно назвать предметом вашей гордости?» (разрешалось выбрать не более пяти вариантов ответа) на первое место вышло «наследие “золотого” и “серебряного” века русской культуры (XIX — нач. XX в.) (Пушкин, Достоевский, Толстой, Есенин, Глинка, Чайковский, Репин)» — 66,5%. «Победа СССР над нацистской Германией» собрала 60,7% голосов, «Космический полет Ю. Гагарина» — 56,5%. В конце списка из 24 альтернатив «борьба диссидентов против коммунистического режима» — 3,2%, «Создание Союзного государства России и Беларуси» — 3%, «Современная российская демократия» — 2,5% [6, 486].

Показательно, что почти 40% студентов не включили победу в ВОВ в число пяти исторических ценностей! Попутно заметим: есть основания считать, что первое место отдано «золотому веку» под влиянием школьной программы, но не в результате самостоятельного изучения творчества его представителей. Такой ответ также притягателен тем, что формально свидетельствует об одобряемом уровне культуры и политически нейтрален.

Из перечисленных исторических личностей, заслуживающих наибольшее уважение и благодарность потомков, 90,6% назвали «ученых, организаторов науки и промышленности советской эпохи». «Деятели “золотого” и “серебряного” веков русской культуры» вышли на второе место — 89,3%, «Советские маршалы-победители (Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский и др.)» — на третьем — 86,3% [6, 487].

Сравнение ответов на предыдущий и данный вопрос демонстрирует роль методики при исследовании: второй вопрос не предполагал выбора из списка, а давал оценку каждому варианту, что и дало больший процент положительных ответов, но при этом утрачивается верификация значимости ранга.

Из списка 28 наиболее ценимых в людях качеств (разрешалось выбрать не более пяти вариантов) первые места заняли чест-

ность (54,8%), доброта (38,4%), надежность (37%). Четвертое место поделили воспитанность и ум (по 36,6%). Четыре последних: патриотизм (2,8%), законопослушание (1,7%), послушание, смирение (1,7%), следование традициям (0,9%) [6, 490]. К сожалению, авторы ранжировали данные, и нам неизвестно, под каким номером в анкете был патриотизм. Длинный список, конечно, оказал влияние на распределение ответов, но насколько?

Следующим заданием было дать эмоциональную оценку 15 понятиям. Наиболее положительные эмоции вызывают слова: свобода (88,4%), прогресс (87,9%), права человека (72,3%), мораль (71,8%), сострадание (67,4%). Последние пять мест заняли: прошлое (39,5%), Запад (27,3%), либерализм (25,3%), церковь (19,5%), консерватизм (15%). Патриотизм набрал 44,7% голосов. Несмотря на то, то понятие «Запад» не вызывает у большинства положительных эмоций, в будущем предпочли бы уехать работать за границу, в другие страны — 45,3% [6, 488, 490]. Видимо, в сознании молодежи под влиянием личных контактов, СМИ и интернета сформировалось убеждение, что, хотя Запад враждебен России, но не каждому отдельному россиянину, поскольку там свободное, прогрессивное общество, в котором реализуются права человека. Кстати, разница между потенциальными мигрантами «гуманитариями» и «технарями» на уровне статистической погрешности.

В данном случае можно согласиться с выводом Н.Г. Баранец и А.Б. Верёвкина, что «патриотизм относится к уровню ценностей, определяющих принадлежность к социально-национальной общности, и не имеет отношения к системе ценностей профессионального мира [2, 309].

С вышеприведенными данными коррелируют результаты исследования саратовцев: лишь 46,7% респондентов посчитали, что патриотизм как убеждение важен, не уважают непатриотов 33,3%, а 17,8% разделяют их взгляды [7, 111].

И еще одно замечание: миграционные настроения молодежи подогревают регулярные публикации, особенно в интернете, о неизбежности перехода новой «холодной войны» между Западом и Россией в разные варианты «горячей войны». Умереть за спасение миллиардных состояний олигархов желающих нет, а цену «вечной славы погибшим» и реальное место в России инвалидов недавних войн молодежь хорошо знает.

Показательно в этом плане исследование «Левада-центра» 2017 г., зафиксировавшего падение интереса к истории ВОВ. Эксперты объясняют это тем, что «патриотизм стал настолько официальным и неискренним, что начал вызывать отторжение. К тому же накладывается он на не самый благоприятный фон: ухудшающееся социальное самочувствие людей и снижение уровня жизни. Это не может не раздражать по принципу: чего вы к нам со своим прошлым лезете, вы на наше настоящее посмотрите» [4].

Ностальгия по патерналистскому патриотизму со стороны государства заявляет о себе все четче: согласно исследованию «Левада-центра» 2019 г., «россияне относятся к советской власти конца 1970-х — начала 1980-х гг. лучше, чем к нынешнему руководству России. 29% респондентов считают, что советская власть в ту эпоху была близкой к народу, 25% — сильной, 22% — справедливой. Современную российскую власть 41% респондентов считают коррумпированной, 31% — далекой от народа и 24% — бюрократичной» [10].

Сопоставление результатов исследований подтверждает наш вывод, сделанный по итогам всероссийского исследования РОС 2015 г.: «Патриотическая самоидентификация россиян, фиксируемая в исследованиях, содержит в себе не столько установку на поступок, сколько вербальное выражение лояльности к общепринятому мнению» [11, 171].

Итак, как только исследователь «растворяет» тему патриотизма в мировоззренческом контексте, так его «привлекательность» уходит на последний план. Его историческое место, по мнению молодежи, в прошлом, где господствуют консерватизм, смирение и послушание, традиции и законопослушание. Следовательно, цель российской власти — превратить патриотизм в национальную идею — не только не достигнута, но не верен и выбор национальной идеи в обществе неравных возможностей. Ранее по той же причине неудачу потерпела ставка на социальный институт РПЦ.

Литература

1. Бакулев К.С. Патриотизм: «идеология» или «национальная идея»? // *Философия хозяйства*. 2016. Март. Специальный выпуск. С. 17 — 22.

2. *Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б.* Патриотизм и историческая память научного сообщества // Русский универсум в условиях глобализации: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (26—28 октября 2016 г.) / Науч. ред. Е.В. Валеева, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». Саров: Интерконтакт, 2016. 461 с.
3. *Беспалова Т.В., Малыгина К.Э.* Специфика формирования патриотизма в Российской молодежной среде // Интеллектуальная эстафета — 2015: Политология: Ежегодник. Вып. 1 / Под ред. М.С. Константинова, Р.А. Пупыкина. Ростов н/Д: Издательство Южного федерального университета, 2015. 114 с.
4. В России резко упал интерес к истории Великой Отечественной войны — «из-за официального патриотизма»: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rline.tv/news/2017-03-22-v-rossii-rezko-upal-interes-k-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny-iz-za-ofitsioznogo-patriotizma/> (дата обращения: 22.03.2017).
5. Госдума: Закон о патриотизме вытащит страну из идеологического вакуума: [Электронный ресурс]. URL: https://nsn.fm/society/society-gosduma-zakon-o-patriotizme-vytashchit-stranu-iz-ideologicheskogo-vakuuma?sphrase_id=51980 (дата обращения: 11.02.2019).
6. *Ивлева М.Л., Курилов С.Н., Россман В.И.* Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2018. Т. 18. № 3.
7. *Ивченков С.Г., Сайганова Е.В.* Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения: [Электронный ресурс]. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2019_28/Ivchenkov,Sayganova.pdf.
8. «Левада-центр»: Патриотизм измеряют только демагоги: [Электронный ресурс]. URL: <https://nsn.fm/society/society-levada-tsentr-patriotizm-izmeryayut-tolko-demagogi> (дата обращения: 09.04.2019 г.).
9. Невзоров А.: Патриотизм — это великолепный наркотик, который можно закачивать нации в вену для безоговорочного послушания большого количества людей, готовых обеспечить войну: [Электронный ресурс]. URL: <https://gordonua.com/news/war/nevzorov-patriotizm-eto-narkotik-kotoryy-zakachivaetsya-nacii-v-venudlya-bezogovorochnogo-poslushaniya-lyudey-gotovyh-obespechit-voynu-216723.html/> (дата обращения: 10.11.2017).

10. 1Россияне охарактеризовали правительство Брежнева лучше современного российского: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/671582> (дата обращения: 05.08.2019).

11. Широкалова Г.С. Историческая память и патриотизм повседневности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3/2. С. 161—174.

12. «Я ненавижу Великую Отечественную войну»: Чулпан Хаматова о патриотизме и сострадании: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kino-teatr.ru/lifestyle/news/y2019/4-30/17997/https>.

References

1. Bakulev K.S. Patriotizm: «ideologiya» ili «natsional'naya ideya»? // *Filosofiya khozyajstva*. 2016. Mart. Spetsial'nyj vypusk. S. 17 — 22.

2. Baranets N.G., Veryovkin A.B. Patriotizm i istoricheskaya pamyat' nauchnogo soobshhestva // *Russkij universum v usloviyakh globalizatsii: sbornik statej uchastnikov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (26—28 oktyabrya 2016 g.)* / Nauch. red. E.V. Valeeva, otv. red. S.V. Napalkov; Arzamasskij filial NNGU; Fond «Russkij mir». Sarov: Interkontakt, 2016. 461 s.

3. Beshpalova T.V., Malygina K.EH. Spetsifika formirovaniya patriotizma v Rossijskoj molodezhnoj srede // *Intellektual'naya ehstafeta* — 2015: Politologiya: Ezhegodnik. Vyp. 1 / Pod red. M.S. Konstantinova, R.A. Pupykina. Rostov n/D: Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2015. 114 s.

4. V Rossii rezko upal interes k istorii Velikoj Otechestvennoj vojny — «iz-za ofitsioznogo patriotizma»: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.rline.tv/news/2017-03-22-v-rossii-rezko-upal-interes-k-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny-iz-za-ofitsioznogo-patriotizma/> (data obrashheniya: 22.03.2017).

5. Gosduma: Zakon o patriotizme vytashhit stranu iz ideologicheskogo vakuuma: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://nsn.fm/society/society-gosduma-zakon-o-patriotizme-vytashchit-stranu-iz-ideologicheskogo-vakuuma?sphrase_id=51980 (data obrashheniya: 11.02.2019).

6. Ivleva M.L., Kurilov S.N., Rossman V.I. Religioznye tsennosti glazami molodezhi: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya // *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*. 2018. T. 18. № 3.

7. Ivchenkov S.G., Sajganova E.V. Patriotizm kak komponent obshchestvennogo soznaniya: pokolencheskij rakurs izmereniya: [EHlektronnyj resurs]. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2019_28/Ivchenkov,Sayganova.pdf.

8. «Levada-tsentr»: Patriotizm izmeryayut tol'ko demagogi: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://nsn.fm/society/society-levada-tsentr-patriotizm-izmeryayut-tolko-demagogi> (data obrashheniya: 09.04.2019 g.).

9. Nevzorov A.: Patriotizm — ehto velikolepnyj narkotik, kotoryj mozžno zakachivat' natsii v venu dlya bezogovorochnogo poslushaniya bol'shogo kolichestva lyudej, gotovykh obespechit' vojnu: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://gordonua.com/news/war/nevzorov-patriotizm-eto-narkotik-kotoryy-zakachivaetsya-nacii-v-venu-dlya-bezogovorochnogo-poslushaniya-lyudej-gotovyh-obespechit-voynu-216723.html/> (data obrashheniya: 10.11.2017).

10. Rossiyanе okharakterizovali pravitel'stvo Brezhneva luchshe sovremennogo rossijskogo: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/671582> (data obrashheniya: 05.08.2019).

11. SHirokalova G.S. Istoricheskaya pamyat' i patriotizm povsednevnosti // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2018. T. 10. № 3/2. S. 161—174.

12. «YA nenavizhu Velikuyu Otechestvennuyu vojnu»: CHulpan KHamatova o patriotizme i sostradanii: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.kino-teatr.ru/lifestyle/news/y2019/4-30/17997/https>.

А.А. ТАРАСОВ

Computare Nominis: к системам социального кредита (рейтингования)*

Аннотация. Сегодня всюду развиваются и используются (в первую очередь в таких странах, как Китай и Индия — но не только) так называемые системы социального кредита (рейтингования),

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00173.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Тарасов А.А. Computare Nominis: к системам социального кредита (рейтингования) // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 251—265.

основанные на внедрении в современное государственное управление и национальное хозяйствование новейших цифровых технологий обработки больших массивов данных. Прототипами здесь можно считать отечественную ОГАС и многочисленные неolibеральные технологии аудита, контроля и отчетности. В работе проводится анализ идеологических, а также правовых аспектов внедрения систем рейтингования. Делается вывод о конвергенции двух «мега-систем» социального рейтингования, одна из которых стремится стать «естественной» картиной мира для индивида (Китай и Индия), другая — самим индивидом — посредством биочипирования, биометрики и прочих трансгуманистических технологий (Запад), и об их совместной угрозе для человека.

Ключевые слова: системы социального кредита (рейтингования), неolibерализм, этическая революция, Паноптикон 2.0, логистический социализм, управление рисками, искусственный интеллект, системы биометрии второго поколения, конец права, мягкое право, информация, Aadhaar.

Abstract. We are witnessing the emergence of the so-called «social credit (scoring) systems», based on the introduction of the latest digital technologies for processing large massives of data, into modern public administration and national economy in countries such as China and India (first of all, but not only). As prototypes here should be considered the soviet «OGAS» and numerous neoliberal technologies of auditing, controlling, and accountability. The analysis of ideological and then legal aspects of the introduction of social credit (scoring) systems in public administration and national economy is carried out. The conclusion is made about the «convergence» of two «mega-systems» of social scoring, one of which aims to become a «natural» picture of the world for any individual (as in China and India), the other — to become the individual himself — through biochipping, biometrics, and other transhumanist technologies (in the West), and, finally, about their joint danger to humanity.

Keywords: social credit (scoring) systems, neoliberalism, ethical revolution, Panopticon 2.0, logistic socialism, risk management, artificial intelligence, second-generation biometrics, end of law, soft law, information, Aadhaar.

УДК 101.1
ББК 87.6, 67.0

На деле «хозяйство» заключает в себе не только «экономику»... но также и «технику»... Мы даже знаем, что экономика определяется техникой. Значит, «хозяйственный план» имеет экономическую и техническую стороны, причем именно вторая есть основная.

А.А. Богданов. Вопросы социализма

Не многие обратили внимание на Распоряжение Правительства РФ от 03.06.2019 № 1189-р «Об утверждении Концепции создания и функционирования национальной системы управления данными и плана мероприятий (дорожной карты) по созданию национальной системы управления данными на 2019—2021 годы». Речь идет о наследнице знаменитой (даже легендарной) ОГАС (общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации), разработкой которой еще с 1960-х гг. в Советском Союзе занимался академик В.М. Глушков. (Справедливости ради, следует отметить, что и у него были предшественники.) Но более актуальным источником данной идеи следует считать так называемые системы социального кредита (рейтингования), разрабатываемые и внедряемые наиболее последовательно и планомерно в Китае и Индии, которые являются одними из ближайших экономических партнеров Российской Федерации. Отдельные элементы системы социального кредита уже были внедрены в Эквадоре (система безопасности ECU-911, а также в США и в Германии (бюро кредитной оценки FICO и Schufa). Отличие в том, что на Западе системы рейтингования управляются не государством (как в Китае и Индии), а частными рейтинговыми агентствами, т. е. рынком (поскольку продавец хочет знать все о «своем» покупателе, даже то, что тот сам о себе не знает). И действуют они в интересах рынка, формируя — в бихевиористском стиле — определенное поведение, предпочтения, стереотипы. Впрочем, учитывая неолиберальный характер нынешней эпохи, граница между государством, рынком и их взаимным регулированием оказывается размытой. Чем и объясняется статус тех же Китая и Индии как самых успешных, т. е. добившихся наибольшего развития (прогресса?) в эту эру наций.

Итак, в 2014 г. китайское правительство объявило о революционных планах по созданию системы социального кредита к

2020 г. Данная система предполагает сбор, оценку данных о поведении всех субъектов на территории Китая и их агрегирование в единый итоговый рейтинговый показатель в рамках определенного алгоритма посредством технологий на базе искусственного интеллекта для принятия последующих законодательных или административных решений. Активность в интернете, структура и привычки потребления, соблюдение правил дорожного движения, занятость и трудовая дисциплина, оценки и баллы в школе или университете, характеристика с места работы или учебы, отзывы непосредственного руководителя, подчиненных и коллег, поведение и оценка воспитанности детей со стороны соседей или надзорных органов, банковская или кредитная история, лояльность/нелояльность политическим властям, поведение на улице, в общественном транспорте или соцсетях и многое другое — все, что составляет нашу повседневную жизнь, должно быть и может быть включено как фактор, влияющий на итоговый рейтинговый показатель. У каждого гражданина (в тейлористском духе) появляется личный рейтинг, который повышается или понижается автоматически. Никто не может избежать этой оценки — хочет он того или нет.

Исторически в Китае главной управленческой технологией всегда была этика — чаще всего конфуцианская. Например, в китайском хозяйстве и деловом мире исторически-культурно укоренен так называемый феномен Гуаньси (Guanxi) — по-русски — связей, только без отрицательных коннотаций, т. е. неформальной «теневой» системы, структуры, которая является важной подпоркой в том числе и плановой экономики. При переходе к рыночному социализму ее роль многократно возросла, так как теперь государственному управленцу недостаточно просто следовать (как роботу) указаниям и директивам сверху, но необходимо принимать решения, для чего требуется система поддержки принятия решений — своеобразная система координат, функции которой и приняла на себя Гуаньси. Система социального кредита берет свои корни из нее, но пытается ее «оцифровать», сделать более формальной и управляемой.

Система социального кредита является частью провозглашенной Си Цзиньпином в 2012 г. Этической революции (третьей по счету для Китая — после Коммунистической (социальной) и Культурной) [7]. Ее целями объявляются создание культуры большего взаимного доверия и достоинства в обществе в целом, поощрение

благих поступков посредством (!) тотального электронного «паноптического» контроля за поведением людей.

Высокие цели вызывают сомнения как раз тем, *как* этого хотят добиться — а именно, внеэтическими и внеморальными средствами. Посредством примитивного технологического детерминизма и редукционизма. А также под прикрытием популистских лозунгов о том, что якобы системы контроля и собираемая ими информация это есть «нефть XX в.», а их алгоритмическая аналитика — соответствующий «двигатель внутреннего сгорания»; или мифа о том, что «мы вступили в век тотального исчисления (ubiquitous computing) и логистического социализма».

Наивным было бы думать, что происходящее в Китае касается только Китая и остается внутри него. Это неверно хотя бы потому, что системы социального кредита уже распространяются на всех иностранцев, работающих в Китае, и на все иностранные организации, ведущие дела на его территории, в ближайшей же перспективе — на всех китайцев за границами самого Китая, на всех этнических китайцев, независимо от их места жительства и пребывания.

Кроме того, при анализе текущих мировых событий, например, в Эквадоре, Венесуэле и других южноамериканских странах, обычно упускается из вида тот факт, что Китай их использует как полигон обкатки новых беспрецедентных социальных технологий, пилотных проектов систем социального кредита. Разумеется, это не единственный капитал, который Китай отстаивает в противоборстве с США, но его значение не следует преуменьшать. Тем более что изначально неолиберализм с его технологиями, основанными на всевозможных рейтингах, баллах, подсчетах, балансах и других квазирыночных методах оцифровки и «приведения всего к общему знаменателю», изначально сформировался в 1970-х гг. в Чили и Аргентине, где и был «нащупан» работающий механизм реального воплощения данной идеологии и после этого распространен по всему миру. Нечто похожее может иметь место и в случае с развитием систем социального кредита.

Китай открыто провозглашает все это как часть реализации официальной глобальной стратегии «Единого пояса» и «Нового шелкового пути», уже сейчас жутко пугающих Европу и Северную Америку (но почему-то не Россию?!). Такая беспрецедентная инфраструктура может быть управляема только с помощью новых ло-

гистических технологий, частью которых и призвана стать система социального кредита с ее экстра-территориальным потенциалом контроля. Сюда же следует добавить и стратегию Китая по созданию специальных экономических зон по всему миру, на данный момент в первую очередь в Африке — ведь всем этим нужно как-то управлять, нужен некий механизм в обход других государств и их права. Системы социального кредита решают этот вопрос. Все это наряду с серьезными демографическими проблемами, с которыми столкнулся Китай (а также Индия), и с главным вопросом: как управлять такими гигантскими массами населения?

Таким образом, систему социального кредита можно рассматривать как попытку Китая оказывать «опосредованное» влияние на глобальные процессы, своеобразную «мягкую силу», имеющую тотальный характер, и одновременно заполучить такой инструмент внутреннего управления, который был бы эффективен в условиях, когда традиционные государственно-правовые и партийно-идеологические методы уже не работают. В частности, речь идет об участившихся инцидентах на производствах или полном отсутствии техники безопасности на становящихся гигантскими предприятиях; коммерческой недобросовестности или даже прямом обмане, аферах; продовольственной безопасности, отсутствии стандартов производства лекарств, оказания медицинских услуг, манипуляций с генетическим материалом и стволовыми клетками (вспомним хотя бы знаменитый «stem-cell туризм» в Китай и текущую вспышку коронавируса и методы борьбы с ним, в том числе как «тестирующего полигона» для системы социального кредита); неконтролируемом производстве «контрафакта»; несоблюдении экологических стандартов и стандартов землепользования (о практике «истощения» земель в результате «варварского» применения удобрений, результаты которой мы чувствуем уже и в России); уходе от налогов; недобросовестности или даже прямом обмане, подлоге со стороны псевдо-ученых и многом другом [2, 9].

Россия должна внимательно проанализировать возможные сценарии развития в этой сфере. Хотя бы по той причине, что, например, наиболее развитая и продвинутая протосистема социального контроля и мониторинга на территории самого Китая в настоящий момент воплощена на территории «пассионарного» Синьцзян-Уйгурского автономного района с его доминирующим мусульманским населением. Очевидно, что технология, адаптированная под

данное население, может быть легко и быстро распространена на другие сходные районы и территории как внутри Китая, так и по всей Азии, Северной Африке и, конечно же, юга и центра России. Это пока не очевидный, но важный кирпичик в основание стратегии «Единого пояса — Единого пути», а главное — контроля за ней. Тем более что Россия, например, уже пользуется «Великой Китайской стеной» (China's Great Firewall) — китайским брандмауэром для защиты своего интернета. Так что дорожка для транзита технологий уже проложена. Система социального кредита на очереди.

Цифровизация официально признана одним из главных направлений стратегии развития нашей страны до 2035 г. (Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»). Мы на этом фронте в чем-то отстаем, но где-то даже и опережаем другие страны. Безусловным протагонистом систем социального кредита в России следует считать Сбербанк. Здесь прослеживается следующая последовательность: все начинается с банковских карт (зарплатные уже есть практически у всех без исключения жителей страны), затем вводятся биометрические технологии доступа и контроля (сначала добровольные, затем, по мере массовизации, «неизбежно» появятся обязательно-поголовные), в результате чего к банку переходят совсем небанковские функции многофункциональных центров (МФЦ), владеющих всей информацией обо всех гражданах. Появляется в буквальном смысле «Банк данных». А ведь, как говорят, «владеть информацией — значит владеть миром», властью над всем населением.

Парадоксально, но дистанционные-соматические системы социального кредита приходят на выжженную деконструкцией традиционной для программ и проектов «государства всеобщего благосостояния» (welfare state) социальной защищенности/безопасности территорию для того, чтобы произвести трансфер: *от общественной безопасности к безопасности от общества*. Заявляемые в рамках различного рода систем социального кредита цели повышения качества жизни и экономического роста находятся в русле развития и воплощения концепций так называемого постиндустриального общества (post-industrial society), дискурса, непосредственно пришедшего на смену «welfare state». Например, индийский амбициозный биометрический проект — Аадхаар (Aadhaar), изначально объявленный добровольным, de facto превратился в обязательное и не-

обходимое условие для участия в любой, даже самой незначительной государственной программе поддержки и социального обеспечения населения [1].

До сих пор остаются невыясненными и неопределенными цели данных систем, которые даже не обсуждаются, а просто декларируются, хотя, по логике, первой ступенью любой государственной программы, тем более такой масштабной, должен быть общественный консенсус относительно целей, задач и стратегии. В действительности же единственным основанием оказывается «консенсус» относительно того, что «систему уже надо запускать, а то опоздаем в глобальной конкуренции» — т. е. внутренний консенсус узкой группы высшего политического руководства той или иной страны.

Когда же общественность просит показать экономическую эффективность данных систем, то ничего не может добиться, так как все скрывается под предлогом защиты государственной безопасности, сразу вызывая подозрения в том, что все это просто «завеса», скрывающая неэффективное (в лучшем случае) или даже прямо коррупционное поведение, причем организованное (обвинение, все чаще обращаемое ко всему информационно-технологическому прогрессу, который, видите ли, «не остановишь»).

И даже если подобные обвинения не подтверждаются, нельзя обойти вниманием тот факт, что, например, проект Аадхаар (Aadhaar) и другие, подобные ему, запускаются без серьезного понимания той проблемы, которую они призваны решить. А при появлении любых затруднений на пути их воплощения единственным способом решения оказывается резкое увеличение их масштабов и объемов финансирования. Не является ли это методом тушения пожара с помощью бензина?

Существуют многочисленные опасения (в основном, в оруэлловском стиле) относительно того, что под угрозой со стороны систем социального рейтингования оказываются права человека и демократия. При этом забывают, что всю техническо-технологическую инфраструктуру этих систем большинство людей уже используют, причем добровольно и охотно — речь идет о всевозможных датчиках, мониторах, камерах слежения, смартфонах и т. п. Системы социального рейтингования де-факто уже существуют и на Западе, который критикует Китай, но отличаются лишь тем,

что он (Запад) строит распределенные, а не централизованные их конфигурации, которые ориентированы не на декларируемые «ценности» (государственного единства и долга), а на «эффективное» управление рисками (risk management), в том числе и этическими.

Внедрение систем социального кредита является частью единого проекта наряду с созданием так называемых умных городов, которые иногда еще называют — безопасные, или города высокого доверия (safe, or credit city). И насколько системы социального кредита критикуются на Западе как тоталитарные и антидемократические, настолько же вызывают огромное желание и конкуренцию среди представителей бизнеса на все том же Западе поучаствовать в технической реализации умных городов на территории Китая или Индии, а потому на самом деле лоббируются ими. Китай и Индия с их гигантским населением рассматриваются как полигон для обучения новых поколений искусственного интеллекта (AI), которые, пройдя здесь апробацию, затем станут глобальными.

Сторонники систем социального кредита обычно приводят в защиту аргумент об их удобстве. Например, Аадхаар (Aadhaar) позволяет автоматически («безакцептно») списывать денежные средства со счетов в банке — будь то штраф, налог, госпошлина, оплата проезда. При этом не теряется ни секунды. Конечно, удобно, например, зайти русскому туристу в пекинский «Макдональдс» и деньги за «бургер» автоматически спишутся с его счета в банке биометрической системой распознавания лиц, установленной даже в забегаловках. Но стоит ли это мелкое, мещанское удобство даже не реальности пока, но даже потенциальной угрозы свободе личности со стороны функционирования все той же самой системы? Издержки явно непропорциональны выгодам. Элементарно нарушается принцип утилитарности. Почти каждый, хотя бы интуитивно, но многие и на практике, уже осознают, что любые попытки контроля социальной реальности создают значительно больше проблем, нежели в действительности решают.

Как уже было сказано, Китай вовсе не одинок в своих устремлениях построения системы социального кредита. Более того, нельзя однозначно утверждать, что он в этой сфере безусловный лидер. По форме он им является, по содержанию же нет. Например, несколько лет назад британская полиция ввела в действие как часть системы биометрии второго поколения (second-generation biometrics) так называемое превентивное картографирование пре-

ступлений (predictive crime mapping) для определения/предсказания будущих (ближайших) преступлений [6]. Помимо сегрегации, эта и подобные ей системы вызывают проявление эффекта «самоисполняющихся пророчеств» (self-fulfilling prophecies), феномена, наиболее остро на данный момент проявившегося в ходе глобального экономического кризиса 2008—2009 гг., который был обусловлен, помимо прочего, в том числе и неверными, не соответствующими действительности рейтинговыми показателями и основанными на них «предсказаниями» финансовых агентств [3, 18].

В связи с этим возникает вопрос о том, кто в этом и в подобном случаях принимает решения и несет за них ответственность? Это принципиальный вопрос для самого существования правовой системы, которая вводит любые ограничения только для того, чтобы увеличить, создать пространство выбора для индивида, а вовсе не свести его к минимуму, что является главным недостатком любой системы полностью автоматизированных решений. Кто и как будет нести ответственность за обман, подлог, дезинформацию, манипулирование? Поможет ли здесь блок-чейн (block-chain — система, напрямую использующая информацию вместо денег) и другие технологии — и так до бесконечности? Мы считаем, что без права и других гуманитарных технологий это невозможно. Ибо одно из важнейших достижений института права заключается в том, что он сделал власть подотчетной перед гражданами за принимаемые решения и гарантировал людям их базовые права. В том числе по этой причине философия права всегда являлась сферой развития мысли и формулирования свежих и критических идей даже в самые «застойные» и реакционные периоды истории.

В значительной степени наше понимание права является метафорой общества, в котором мы живем. Но верно и обратное — несмотря на то, что исследователи иногда называют системы социального рейтингования «правом (законодательством) нового (следующего) поколения» [2, 1], или «правом за пределами права» [2, 3], иницируемые системы «социального кредита» во многом отражают факт некоего принципиального сбоя в работе права и законодательства. Иногда в этой связи говорят даже о «конце права» [2, 5].

Балльно-рейтинговые системы обладают колоссальным потенциалом соблазна — их «простота» дарит иллюзию научной точности, строгости и надежности. Поэтому, намерен ли Китай создать систему тоталитарного контроля общества или нет — важный во-

прос, но еще важнее то, что вся инфраструктура для подобного «Паноптикона 2.0» уже есть. И здесь требуется правовой балансир, которым лучше обзавестись заранее. Ибо, на сколько мы продвинулись в технологической подготовке и знаниях, на столько же отстаем в правовом плане, что является тревожным сигналом на фоне того, что, повторим еще раз, право долгое время, по меньшей мере в течение всей эпохи Модерна, было одним из главных оплотов и последним бастионом, рубежом борьбы за человека, его права и свободу.

Итак, главные противоречия внедрения систем социального кредита в современную правовую систему обусловлены следующими факторами.

1. Право статично в сравнении со стремительно изменяющимися информационными и цифровыми технологиями.

2. Право является в основном национальным, тогда как технологии — глобальны.

3. Некоторые технологические сферы вообще пока не затронуты правом — например, не определено, кто (или что?) является собственником данных, содержащихся в рамках Интернета 2.0 и других технологий эпохи четвертой промышленной революции. Web 2.0, т. е. социальные медиа и software ориентированы, в отличие от глобальной сети 1-го поколения, не на информацию, но на коммуникацию и дизайн сообществ (community building).

4. Отдельному человеку «не по карману» защищать свои права в рамках существующей судебно-правовой системы, заточенной лишь номинально на отстаивание «прав человека», но в реальности ориентированной на нечто «иное», что порождает «отчуждение 2.0» (alienation 2.0).

5. Сама реализация хоть сколько-нибудь масштабных проектов по модернизации правовой системы, как правило, упирается в применение этих же самых информационно-дигитальных технологий, которые она и должна регулировать; здесь имеет место «замкнутый контур» (closed loop), «дурная бесконечность».

6. Официально-технологически детерминированное определение понятия доверия (credit) в рамках систем социального кредита размыто, чрезмерно изменчиво и идеологически конъюнктурно, что ослабляет роль и значение последовательных и предсказуемых правовых регуляторов как направляющих для социального и индивидуального поведения.

7. Системы социального кредита в их текущей форме «делают бедных (в том числе в смысле правовой защищенности) беднее, а богатых богаче», что противоречит принципу равенства перед законом.

8. Наказание в рамках систем социального кредита происходит не из одной инстанции (судебно-пенитенциарной) и не один только раз (дискретно), но из всего множества органов государственной власти одновременно и континуально, что накладывает на личность бесконечное и непропорциональное множество параллельных, дублирующих друг друга санкционных «слоев».

9. Системы социального кредита активизируют правоохранительную деятельность в тех областях жизни общества, где не работают никакие штрафы и прочие наказания из арсенала «классического» права, но которые необходимо контролировать и регулировать как критически важные для государственного управления.

10. Рациональность, лежащая в основании систем социального кредита, по сути, переносит бремя вины за коррупционное поведение в государственном управлении на общество, которое превращается из потерпевшего одновременно и в виновного.

11. Системы социального кредита еще на сегодняшней «пилотной» стадии своей реализации уже начали порождать «обходные пути» (например, появились брокеры, перепродающие транспортные билеты попавшим в «черные списки»), «теневую экономику» и в целом не менее чем прежде коррумпированную среду, что еще больше подрывает главенство закона.

12. В рамках систем социального кредита к обычной системе права и контроля за его соблюдением добавляется, как ни парадоксально, «качественная» составляющая, так как здесь простого факта соблюдения закона уже недостаточно — важно то, как каждый делает это. Таким образом, на первый план выходит «позитивная» составляющая права. Не пассивное поведение, но деятельность, активность. Мало не нарушать закон — нужно делать вклад в систему. При этом, впрочем, активность оказывается по сути приравнена к «лояльности» действующим властям, скрытой под модной ныне маской всего «партиципаторного». В рамках рейтинга недостаточно быть просто «хорошим человеком» — надо всегда быть «лучше» других. Речь идет не об «абсолютном благе», но «позициональном» [5, 45].

13. Системы социального кредита (рейтингования) сводят моральные регуляторы (мораль как «мягкое право», soft law) и «нормативную» составляющую права к простому понятию количественной меры: «Ценность — это то, что мы измеряем; то, что мы измеряем, и есть (истинная и единственная) ценность».

14. Передача решения ключевых социальных проблем системам, управляемым искусственным интеллектом не упрощает, но, напротив, еще более усложняет их, поскольку переводит на, по меньшей мере, еще один уровень абстракции выше.

15. Системы социального кредита приравнивают в правах и ответственности организации и индивидов, что беспрецедентно для правовой системы. Причем здесь не столько корпорация «становится» индивидом, сколь, наоборот, на первый план выходит «корпоративная» природа человека: как корпорация на рынке иногда «редуцируется» к своим финансовым показателям, так и индивид упрощается до простого набора численных (цифровых) параметров его деятельности/активности (чаще всего — потребления).

16. Системы социального кредита либо полностью редуцируют правовую систему к правоохранительной деятельности (полиции), либо, по меньшей мере, значительно (и сверх меры) повышают ее роль и значение.

17. *Ин-форма-ция* заменяет право. Право исходит от государства; информация производится рынком (алгоритмом). Системы социального кредита — шаг на пути к тотальному (и глобальному) рыночному (алгоритмическому) (не)обществу.

18. Системы социального кредита воплощают (чью-то?) до сих пор не достижимую технократическую мечту о государственном управлении «в режиме реального времени».

Считается, что в свое время проект академика В.М. Глушкова (ОГАС) не был реализован по меньшей мере по двум причинам: 1) советская бюрократия рассматривала его как непосредственную угрозу для себя (как здесь не вспомнить мысль Х. Саймона, одного из отцов-основателей «когнитивизма» о том, что «компьютер — это идеальный бюрократ» [4, 10]); 2) большинство все-таки (осознанно или не совсем) понимало, что это означало бы увековечивание правящего режима.

Если спроецировать эти аргументы на сегодняшний день и рассматриваемые нами системы социального кредита (рейтингования), то очевидно, что, во-первых, «под ударом», наряду с партийной бюрократией, оказываются и спецслужбы, а также в пределе и полиция, поскольку любая система социального кредита делает их также ненужными, избыточными и «неэффективными»; а во-вторых, «алгоритмическая форма власти» репрезентирует собой возврат (назад в будущее!) для «нового феодализма», т. е. «репутационной экономики», «*стат*-усного» государства (state) и «опосредованного хозяйства», новой кибер-дигитальной евгеники в рамках системы «социального кредита» (рейтингования) как технокармического варианта «социальной справедливости» на базе искусственного интеллекта и перехода от планирования к программированию социального поведения. И в совокупности это уже не просто вопрос о власти, но об угрозе для человека как такового и сфере его «хозяйства».

Системы социального кредита, а затем и единая (возможно глобальная) мега-система социального «долга» устраняют возможности людей удовлетворять их потребности (в первую очередь — в жизни!) так, как им самим хочется, спонтанно, но вынуждают полностью полагаться на них в доставляемых ими гарантированных благах, но и налагаемых ими ограничениях бытия. Мега-система всегда будет «стремиться» стать «естественной» картиной мира для индивида (на Востоке). Или самим индивидом — посредством биочипирования, биометрики и прочих трансгуманистических технологий (на Западе).

При любом из этих двух вариантов человек оказывается жертвой. Что на кону? *Actus hominis contra actus humanus...*¹

Литература

1. Aiyar S. *Aadhaar*. A Biometric History of India's 12-digit Revolution. New Delhi: Westland Publications Ltd., 2017. 164 p.
2. Backer L.C. Next Generation Law: Data Driven Governance and Accountability Based Regulatory Systems in the West, and Social Credit Regimes in China (July 7, 2018): [Электронный ресурс]. URL:

¹ Деяния человека против человека (с лат.).

<https://ssrn.com/abstract=3209997> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3209997>.

3. *Citron D.K., Pasquale F.* The Scored Society: Due Process for Automated Predictions // *Washington Law Review*. 2014. Vol. 89. P. 1—33: [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2376209>.

4. *Heyck H.* Age of Systems. Understanding the Development of Modern Social Science. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015. 257 p.

5. *Mau S.* The Metric Society. On the Quantification of the Social. Cambridge, UK: Polity Press, 2019. 205 p.

6. *Mordini E., Tzovaras D.* Second Generation Biometrics: The Ethical, Legal and Social Context. L.: Springer, 2012. 352 p.

7. *Zhang S., McGhee D.* China's Ethical Revolution and Regaining Legitimacy. Reforming the Communist Party through Its Public Servants. L.: Palgrave Macmillan, 2017. 320 p.

VI

**РЕЦЕНЗИИ
И ОТКЛИКИ**

Ю.М. ОСИПОВ

Ай, да Гузев, ай, да... сын степей!
(вместо рецензии)*

Аннотация. Очерк посвящен ученому, коллеге и другу Михаилу Михайловичу Гузеву.

Ключевые слова: Советский Союз, человечность, творчество, М.М. Гузев.

Abstract. The essay is dedicated to the scientist, colleague and friend Mikhail Mikhailovich Guzev.

Keywords: Soviet Union, youth, humanity, creativity, M.M. Guzev.

УДК 36
ББК 6/8

Наш коллега и друг, видный ученый и педагог, выдающийся организатор науки и высшего образования *Михаил Михайлович Гузев*, что из г. Волжского, встречая в расцвете лет, сил и творчества свой энский юбилей, решил не только подсобрать и издать свои ученые труды [1] — актуальные, злободневные, бьющие, вещие, что для учёного и профессора вполне понятно, но и представить Свету Божиему свои ранние (совсем давние!) и поздние (совсем недавние), скажем так, биографо-беллетристические сочинения, причем не так собственно мемуарного толка, сколько, я бы сказал, сказительного, ибо речь у Михаила Михайловича хоть и идет в той или иной мере о себе и своей незаурядной жизни, но как бы вскользь, ненароком, не акцентированно, а главное место в его оригинальных текстах занимают сказания о близких ему людях [2], о семье, родне, предках, как и о его малой родине — степной сельской деревне,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Ай, да Гузев, ай, да... сын степей! (вместо рецензии) // *Философия хозяйства*. 2020. № 1. С. 269—272.

родном доме, родной, я тут не оговорился — именно родной, юности [3].

Его совершенно неожиданное *«Молодо-зелено»* [3] меня особенно задело, ибо юность его, Михаила Михайловича, когда-то просто Миши, Мишани, Михаила — это и моя юность, — да-да, та самая — наша — советская, комсомольская, товарищеская, а еще и чистая, честная, благородная, полная вовсе не тщетных надежд и предвзятых упований, а неустанного личного самонасыщения, становления, старательства, собирательства, ну и откровенной уверенности — в себе, в близких, в товарищах, в людях, в стране, в жизни вообще.

О-о, это было воистину благодатное время: узнавания, постижения, обретения! Обретения разного рода знаний, родного языка, отеческих преданий, отечественной и мировой истории, высокой культуры, людской и личной мудрости, как, собственно, и самого Отечества. Не было никакого намека на аутизм, отстраненность, эгоизм, себялюбие, ибо все вокруг были «свои», «наши», «родные», а каждый из нас — всем вокруг был «наш», «свой», «родной»!

Нелёгкой была тогда жизнь у сельчан, очень нелёгкой, скорее даже — тяжкой, но это была всё-таки жизнь — людская, естественная, полноценная!

Как хорошо было находиться и быть среди полнокровных людей, а не вымученных киборгов, меж овеванных природой крестьян, а не мечущихся по замызанной прогрессом планете пустотелых «граждан мира», не в цепкой кощеевской сети, а в вольноопределяющемся Духе, не в отливающем мертвым светом компьютере, а в отдающей мягким загадочным теплом, пусть и под керосиновой лампой, неисчерпаемой смыслами, образами и переживаниями книге!

Да, так именно и было, а у Миши Гузева, помимо массы прочитанных, осмысленных и пережитых им книг, еще и первые литературные опыты — наброски, записи, затеси, миниатюры, рассказы — и все это у «простого деревенского парня», да еще и по его собственному желанию и по собственной воле! Ничего не мешало Михаилу быть добрым, внятным, контактным, задумчивым, наблюдательным, молчаливым, общительным, в общем — всяким: было кого ему послушать — взрослых, бывалых, настрадавшихся; с кем поговорить обо всем, что волновало — со сверстниками прежде всего; кому что-то важное сказать — закадычным друзьям, конечно; от кого что-то важное услышать — от старших товарищей, от роди-

телей, от учителей; с кем до хрипоты поспорить — с однолетками, одноклассниками, а то и с самими учителями, которые не одергивали юных спорщиков, а терпеливо им внимали, в меру, если надо, возражали, немало с «пацанами» и соглашались, в общем — учили!

Да, юность была у Миши-Михаила советская, комсомольская, товарищеская — факт!, но она была еще и сельская, земная, степная, вольная, но это вовсе не всё — она была и попросту *русская*: с русским образом деревенской жизни, с живым русским языком, русскими горестями и русским весельем, с русской неизъяснимой душой, даже с русской тайной, не говоря уже о русской избе-пятистенке с фотографиями предков на стене и потемневшими иконами в красном углу, о русской печи-универсалке с исходящим от неё животворящим запахом свежесдобитого русского хлеба, о русской завалинке-посиделке с ее бесконечными разговорами, метким остроумием, веселыми рассказами, добродушным смехом, да мало ли ещё с чем, воистину русским.

Да, состоялась юность нашего героя в гуще русского мира, как раз и зародившего, выпестовавшего и выдавшего себе в угоду и на радость всем нам замечательного русского человека — *Михаила Михайловича Гузева* — ученого, профессора, писателя, сумевшего сберечь свою юность и поделиться ею с нами — своими коллегами по ученому ремеслу и сотоварищами по тому уже прошедшему и сему настоящему времени.

Остается только искренне восхититься и проговорить не без большой толики белой зависти: «*Ай, да Гузев, ай, да... гром степной!*»¹.

Литература

1. *Гузев М.М.* 58/85: от неолиберальной утопии к практическому гуманизму. Волгоград: ВолГУ, 2018.
2. *Гузев М.М.* Семь (Я). Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2018.
3. *Гузев М.М.* Молодо-зелено. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2017.

¹См. актуальные писания М.М. Гузева [1—3].

References

1. Guzev M.M. 58/85: ot neoliberal'noj utopii k prakticheskomu gumanizmu. Volgograd: VolGU, 2018.
2. Guzev M.M. Sem' (YA). Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izd-vo, 2018.
3. Guzev M.M. Molodo-zeleno. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izd-vo, 2017.

Н.И. ЗЛЫГОСТЕВА

**«Россия есть — Россия будет»
(отклик на книгу Ю.М. Осипова «Обретение»)***

Аннотация. В статье поднимаются вопросы о России, о ее реальном существовании и метафизическом бытии, о месте и роли в мировой истории через призму прочтения книги Ю. М. Осипова «Обретение».

Ключевые слова: Россия, метафизика, парадоксы, история, инобытийность.

Abstract. The article raises questions about Russia, about its real existence and metaphysical being, about the place and role in world history through the prism of reading Yu. M. Osipov's book «Finding».

Keywords: Russia, metaphysics, paradoxes, history, otherness.

УДК 304
ББК 65в

Книги играют в нашем бытии удивительную роль, живя своей особой, независимой от нас жизнью, влияя на наше мышление, тревожа душу, заставляя искать, думать, сомневаться. Но сегодня такие книги, к сожалению, большая редкость, и если все же выпадает счастье с ними встретиться, то неизбежно возвращаешься к ним вновь и вновь.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Злыгостева Н.И «Россия есть — Россия будет» (отклик на книгу Ю.М. Осипова «Обретение») // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 272—276.

Творчество Ю.М. Осипова стало для меня в свое время и открытием, и откровением. Оно не определялось каким-то одним ограниченным понятием и не замыкалось на каких-то специфических проблемах. Ю.М. Осипов раскрывает себя в своих книгах как мыслитель — глубокий, тонкий и очень русский, выходящий за пределы обыденного миропонимания, обладающий не только всеобъемлющим умом, но и чуткой, поэтичной, проницательной душой. И это прослеживается во всем, о чем он пишет.

Читатель всегда выбирает в книге то, что близко и дорого именно ему, — то, к чему чаще всего он обращается. «Обретение» вышло в свет почти десятилетие назад. Но все, что сказано в этой книге, сегодня также значимо и актуально. Она поднимает целый круг глобальных проблем, но я чаще всего обращаюсь к одному из ее разделов: «Промысел». Он о России, о ее реальном и метафизическом бытии, о ее взлетах и падениях, о невозможности ее постижения через рациональное, о ее особом пути в мировой истории. В книге есть то, с чем ты соглашаешься, и то, с чем можно поспорить, но, главное, она многоассоциативна и дает возможность выйти на вопросы, интересные и значимые именно для тебя, и увидеть их в аспекте, прежде даже тобою не предполагаемом.

Юрий Михайлович размышляет над тем, что всегда волновало русскую мысль и, казалось бы, знакомо, но неожиданный поворот в решении выдвинутой проблемы — и прежде известное начинает видиться иначе.

К примеру, о метафизичности России писали многие русские философы, отмечая иррациональность ее внутреннего, потаенного, неосязаемого и неопределяемого бытия. А для Ю.М. Осипова «Россия сама тайна и есть! Любая метафизика неопределенна, конспиративна и таинственна, но здесь какой-то особый случай, когда метафизика прямо в тайне, а тайна — напрямую в метафизике, или, лучше сказать, вся метафизика из тайны и вокруг тайны — здесь не просто метафизическая тайна, а тайна самой метафизики» [4].

Для писателя Россия — не от мира сего, она устремлена в мир иной, страстно ею желаемый. Это стремление отражено в русских сказках: человек идет туда, не зная куда, и ищет то, не зная что. Для рационально организованного Запада даже на уровне мифологического сознания подобные искания абсурдны и нелепы, а для России они естественны и органичны.

Эту национальную особенность тонко подметил автор «Обретения», говоря о несбыточности для нас здесь и «сбыточности» там, в «Иномирии». Тоску по нему, с точки зрения автора, лучше всего отразила русская классическая музыка, более всего приблизившаяся к трансцендентному пониманию России, хотя, на мой взгляд, подобное утверждение небесспорно.

Русская литература, в лучших своих проявлениях, была способна к прорыву в надмирное — и в желании приблизиться к нему не было пределов. И это, кстати, подтверждается творчеством самого Ю.М. Осипова. Слово, особенно для нашего народа, всегда имело особое значение. Его духоподъемное влияние на человеческую душу было очевидным. Язык музыки, возможно, более близок к метафизике и к заложенной в ней тайне, но он внятен далеко не каждому человеку. И как тут не вспомнить слова апостола Павла из его первого послания к коринфянам: «Когда я молюсь на незнакомом языке, то, хотя дух мой молится, но ум остается без плода. Стану молиться духом, стану молиться и умом. Ты хорошо говоришь, но ум не надзедается» [1].

В размышлениях Ю.М. Осипова особое место занимает проблема русских и русскости. Она поднималась в нашем обществе еще в XIX в. В русском почвенничестве идея национальной идентичности была одной из главенствующих. В творчестве Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова понимание национального характера и самосознания вытекало из особенностей духовного и исторического становления русского человека, определившего как его внутреннюю целостность, так и внешнюю противоречивость. Но главное в нем, по убеждению наших мыслителей-писателей, искание высшей правды, не проговариваемой, не осязаемой, но вместе с тем живой и реальной. В «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский писал: «Никаким развратом, никаким давлением и никаким унижением не истребить, не замертвить и не искоренить в сердце народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего. Он может страшно упасть, но в моменты самого своего безобразия он всегда будет помнить, что он всего только безобразник и более ничего; но что есть где-то высшая правда и что эта правда выше всего» [2, 58].

Для Ю.М. Осипова парадоксальность русских не только в искании ими Иномирия, но и в том, что они крайне противоречивы, а главное, безмерны. Мысль, казалось бы, не новая, все помнят слова Ф.М. Достоевского «широк русский человек». У автора «Обрете-

ния», рассматривающего эту проблему в современных условиях, быть русским — это бремя. Для него Россия — страна парадоксов: будучи страной неблагополучия и не только физического, но и метафизического, она этим и держится. Россия — страна бездны и провала, и в то же время устремленная ввысь. Мотив, столь часто встречающийся в русской литературе, — как предчувствие грядущего. Образ крылатой гоголевской тройки, несущейся в неведомое, готовой сорваться в пропасть или взмыться ввысь. Или Медный всадник из романа А. Белого «Петербург»: Россия, вздыбленная Петром, готовая оторваться от держащей ее почвы. И что-то ждет ее тогда? Бездна, провал? Или же конь взмоет ввысь, совершив прыжок над пропастью?

Проблемы Отечества, поднятые Ю.М. Осиповым, рассматриваются в контексте реального и метафизического его существования. И вновь, несмотря на убедительную, хотя и парадоксальную логику автора, не могу согласиться с тем, что русский дух и русская страна не одно и то же. Да, есть разница между мятущимся, вечно куда-то стремящимся духом и «страной, которая стоически стоит». Наверное, только на наших пространствах, в душе наших людей земное и Небесное Отечество существовали как единое и неразделимое целое. Без принятия идеи беспредельного и его искания невозможно бытие русского человека, как невозможно оно и вне тех беспредельных просторов, на которых он жил и живет.

И все-таки для меня в «Обретении» главное — стремление автора открыть для читателей возможность размышлять о России, внимательно всматриваясь в ее иррациональную, сакральную сущность, заставляя думать, возражать, сомневаться и верить. Вспоминаются слова русского мыслителя П.И. Новгородцева: «Лик России, такой подчас пугающий и отвращающий, а в другое время трогательный и умиляющий есть для многих, своих и чужих, камень преткновения и загадка» [3, 576].

Для Ю.М. Осипова видение России как вечной загадки побуждает не к разгадке, а к стремлению в метафизическом, историческом, культурологическом аспектах осмыслить ее бытие и вывести читателя на новый уровень его понимания. И делает он это блистательно, интересно, хотя и не бесспорно. В книге живет не только живая мысль, но и живое чувство. А это для русского читателя всегда важно. Идеи, почерпнутые из прочитанного, определяли его ми-

ровоззрение, его жизненную позицию лишь в том случае, если они тревожили не только ум, но и сердце.

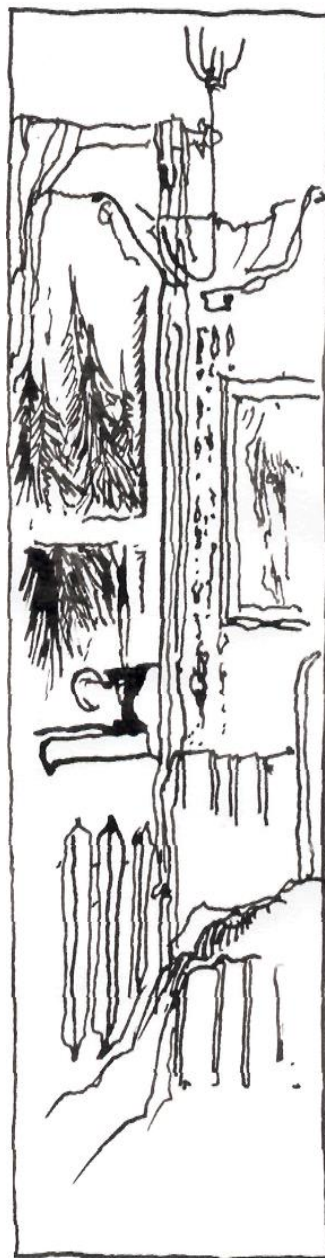
Литература

1. Библия. Первое послание к коринфянам. М., 1976.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 21. М., 1980.
3. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.
4. Осипов Ю.М. Обретение: метафизика бытия и мысли. М.: ТЕИС, 2011. 590 с.

References

1. Bibliya. Pervoe poslanie k korinfyanam. M., 1976.
2. Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch. T. 21. M., 1980.
3. Novgorodtsev P.I. Ob obshhestvennom ideale. M., 1991.
4. Osipov YU.M. Obretenie: metafizika bytiya i mysli. M.: TEIS, 2011. 590 s.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

20 января 2020 г. решением Ученого совета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова ведущему инженеру научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства экономического факультета **Т.Г. Трубицыной** присвоено почетное звание «Заслуженного работника Московского университета».

* * *

4 — 6 декабря 2019 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция «Россия в координатах ударных перемен: социум, экономика, техносфера». На конференции выступили 60 докладчиков — доктора наук Ю.М. Осипов, У.Ж. Алиев (Нур-Султан, Казахстан), М.Л. Альпидовская, А.Л. Андреев, А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), Л.А. Асланов, С.В. Бирюков (Шанхай, КНР), Д.В. Гарбузов (Волжский), Ф.И. Гиренок, М.М. Гусев (Волжский), В. Драшкович (Котор, Черногория), В.К. Захаров, С.Г. Ковалев (СПб.), А.В. Кузнецов, М.В. Кулаков, В.М. Кульков, П.С. Лемещенко (Минск, Белоруссия), К.В. Молчанов, Г.Р. Наумова, С.С. Носова, А.А. Олейников, М.Г. Покидченко, С.П. Рамазанов (Волжский), В.Т. Рязанов (СПб.), С.С. Слепаков (Пятигорск), В.В. Чекмарев (Кострома), Л.Г. Чередниченко, Н.А. Шапиро (СПб.), Н.Б. Шулевский, Т.Н. Юдина; кандидаты наук А.Г. Войтов, О.В. Доброчеев, С.А. Ермишина, П.П. Жуликов, Е.С. Зотова, С.В. Кайманаков, В.В. Кашицын (Новороссийск), Н.В. Кравчук (Киев, Украина), С.А. Марков, В.Ю. Маслихина (Йошкар-Ола), С.С. Мерзляков, Г.В. Михайлова (Ставрополь), Н.П. Недзвецкая, С.С. Нипа, Е.А. Починкова (Новороссийск), А.К. Рассадина, И.П. Смирнов, Н.Э. Соколинская, Д.П. Соколов, Р.Е. Соколов, И.Д. Спасский (Одесса, Украина), Г.В. Фадейчева, Е.Х. Хабибуллина, Вл.В. Чекмарев (Кострома), Е.В. Шелкопляс (Иваново), Т.Ю. Яковец, президент Фонда экономических исследований М.Л. Хазин, научные сотрудники А.В. Пиковер, Т.С. Сухина, преподаватели И.А. Горюнов, менеджер А.А. Гришко (Новороссийск), О.И. Гуленок (Ижевск).

6 декабря 2019 г. в рамках конференции состоялась панельная дискуссия «Россия: параметры разворота», в которой приняли участие доктор наук Ю.М. Осипов (ведущий), А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), М.В. Кулаков, А.З. Новак (Варшава, Польша), В.Т. Рязанов (СПб.), С.Н. Сильвестров, К.А. Хубиев; кандидат наук В.В. Кашицын (Новороссийск).

Е.С. ЗОТОВА

Концептуальная Россия в координатах мировых перемен*

Аннотация. В статье представлен обзор выступлений на секциях международной научной конференции «Россия в координатах ударных перемен: социум, экономика, техносфера» (экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 4—6 декабря 2019 г.).

Ключевые слова: российская экономика, Россия, разворот, мировые перемены, социум, технос, развитие.

Abstract. The article presents a reports overview at sections of the international scientific conference «Russia in Coordinates of Shock Changes: Society, Economy, Technosphere» (Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, December 4—6, 2019).

Keywords: the Russian economy, Russia, reversal, world changes, society, technos, development.

Научный совет «Центр общественных наук МГУ», лаборатория философии хозяйства экономического факультета МГУ и Академия философии хозяйства — организаторы международной научной конференции «Россия в координатах ударных перемен: социум, экономика, техносфера» — сформулировали темы для обсуждения следующим образом: «Перемены в мире и в России: общее и особенное. Вызревание перемен, их осознание, реальный ход и фактические итоги: что и как? Потребности, императивы, разрешения и неразрешения, риски, новейший социохозяйственный портрет России. Количественная и качественная динамика. Что же на повестке: перемены в России или перемена самой России, ее концепта — ради перемен в России, но чьих и для кого?».

Дискуссия, развернувшаяся на секциях конференции, была посвящена обсуждению актуальных концептуальных социоэкономических проблем России в условиях происходящих в мире процессов.

Говоря о кризисе экономических коммуникаций в социально-хозяйственной системе современной России, профессор **С.С. Слепаков** (Северо-Кавказский федеральный университет (филиал),

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Концептуальная Россия в координатах мировых перемен // Философия хозяйства. 2020. № 1. С. 280—291.

г. Пятигорск), отметил, что современная Россия отстает в развитии по критериям уровня и устойчивости экономического роста. Финансовые ресурсы в России значительны. Бюджетный профицит, неизрасходованные остатки бюджетных средств, фонд национального благосостояния, фонд развития, консолидированный бюджет регионов, бюджеты всех уровней; депозиты физических лиц, российских предприятий, наличные сбережения граждан — суммарно превосходят ВВП России 2018 г. Однако государство, бизнес, население отказываются инвестировать в развитие национальной экономики. Эта солидарная по сути санкционная позиция российского национального сообщества, дискриминирующая хозяйственное развитие собственной страны, требует осмысления. Хозяйственное развитие состоит из явлений и процессов, происходящих не только в материальном мире, но и в мире экономического сознания (отражение, осмысление, оценка, выработка жизненной позиции, принятие решений, деятельное участие и пр.). Типичное для современной науки исключение области экономического сознания из числа объектов исследования — путь к «обесчеловечиванию» экономики.

Социально-экономическая болезнь коммуникативного диссонанса между властью, бизнесом и населением протекает в условиях доминирующего индивидуализма на почве всеобщего истощения кредита взаимного доверия (экономико-социального недоверия). Реакции на данные состояния генерируют алгоритмы поведения социума, формирующие живую ткань, образы и качества экономики, природу и характер экономических коммуникаций в социально-хозяйственных системах, отметил профессор Слепаков.

Д.ф.н. **Д.В. Гарбузов** (Волжский филиал ВолГУ) в своем докладе «Современная Россия: концепт и реальность» отметил, что понятия реальной и концептуальной России подобны кантовским ноумену и феномену. Мы обречены всегда иметь дело именно с концептуальной Россией, поскольку в любом случае смотрим на мир сквозь сетку теоретических понятий. Но проблема заключается в том, что существует множество концептуальных моделей, и они зачастую противоположны друг другу. На взгляд докладчика, наиболее эвристичными моделями мировых изменений являются концепты «третьего пути» для глобального Востока и «второго Модерна» для глобального Запада. Возрождение Востока обеспечено синтезом элементов традиционной и технократической цивилизаций. При сохранении существующего status quo Запад, давно утративший свою традиционную культуру, обречен на поражение. По-

этому Запад направил все усилия на повторение успеха эпохи первой модернизации, когда в Европе впервые сформировалась первая технократическая цивилизация, добившаяся на несколько столетий глобального доминирования и первенства. «Второй модерн» должен осуществить очередную культурную революцию и создать новый тип общества, который опять сделает архаическими все остальные социумы и вернет глобальное первенство Западу. Что касается нашего отечества, то наиболее популярными являются концепты либеральной, патриотической (почвеннической) и коммунистической России. Все они создают весьма различные образы России, с разным набором характеристик и перспектив. Но существует одна важная особенность, которую нужно учитывать при любой концептуализации понятий: в истории России существует некое вневременное, устойчивое «ядро», некая матрица, которая постоянно воспроизводится в любые исторические эпохи, подчеркнул Д.В. Гарбузов.

Профессор **В.Я. Иохин** (Институт Европы РАН) остановился на внешних вызовах для России: столкновении традиционных идеологий с либерально-прогрессистской, смещении геополитического центра тяжести в Евразию, мегарегионализации мирового пространства, демонтаже современного капитализма. К внутренним вызовам он отнес: отсутствие государственной идеологии, сформировавшийся компрадорско-олигархический капитализм, проведение меркантильно-монетарной политики.

В качестве ответов на эти вызовы профессором Иохиним были предложены возрождение государственной идеологии с ее державно-имперской составляющей, превращение РФ в связующий центр евразийского пространства и формирование Большой Европы, а также соединение православных ценностей и принципов социалистической доктрины как основы нового общества, упразднение компрадорско-олигархического сословия, проведение суверенной мобилизационно-инвестиционной и денежно-кредитной политики.

В своем выступлении «Россия: новые вызовы, новый мир» **И.А. Горюнов** (Московский финансово-юридический университет) отметил, что Россию, если она не выйдет из активно создаваемой системы глобального социального и цифрового апартеида, ждет не роль мировой сырьевой периферии (бензоколонки мира), а аннигиляция в небытие.

Новая идея, способная дать человечеству новый мир и новых лидеров, есть русская идея. Русские ценности резонируют с ценностями тех людей на нашей планете, которые активно борются за сохранение человека как человека. Современный мир тянется к России как к провозвестнику мировой правды, спасения человека и человечества, считает И.А. Горюнов.

К.э.н., доцент **Д.П. Соколов** (Финансовый университет при Правительстве РФ) подчеркнул, что научно-технический прогресс оказывается вовсе не служителем прогресса общественного, а инструментом отчуждения человека от самого себя, от творческого труда, от природы, от другого человека, от общества в целом и от познания во имя компенсации выпадающих доходов крупного капитала. Гуманизация техносферы детерминирована вытеснением коллективным и общественным присвоением частного при реализации соответствующих групп интересов. Активное развитие в последнее время механизмов взаимодействия людей в воспроизводственном процессе, отличных от частнособственных, выступает средством сохранения и ретрансляции в будущее коллективного и общественного бытия человека, ищущего в современном мире реализации творческого труда и саморазвития, заметил Д.П. Соколов.

Говоря о российском лидерстве и ответственном оптимизме, к.мед.н. **Е.В. Шелкопляс** (Институт развития, изучения здоровья и адаптации человека, г. Иваново), отметил, что время наступивших кардинальных изменений в жизни общества неизбежно ставит перед ним ряд острых вопросов, касающихся содержания процессов, запускающих перемены, и сути новой формы социального бытия в среднесрочной перспективе. В такие переходные периоды общественного развития роль социальной науки резко возрастает. Любые исторические и даже просто масштабные перемены невозможны без их глубокого осмысления, прогнозирования будущих событий и разработки новых моделей социально-экономического и культурного развития духовными элитами общества, прежде всего мыслителями и учеными.

Прошедшая юбилейная конференция «Россия в координатах ударных перемен: социум, экономика, техносфера», заметил докладчик, показала, что Академия философии хозяйства является одним из ведущих научных центров России, где теоретически были разработаны многие аналитические и прогностические аспекты перемен, а также сформулированы вытекающие из них практические

подходы и модели гармоничного социально-экономического развития в среднесрочной перспективе, значимые в новых условиях для эффективной деятельности политических элит России. Участники конференции подчеркнули, что научное сообщество осознает суть основных испытаний в предстоящих переменах, но не видит причин для избыточной тревоги от обретения Россией в настоящее время роли глобального лидера развития. Этот процесс носит объективный характер. В период текущего культурно-цивилизационного сдвига здесь был разработан глубокий и комплексный междисциплинарный подход, объединяющий конструктивные направления современной теории и прикладных исследований, посвященных реализации основных смыслов бытия человека и общества — философско-метафизических, социально-нравственных и материально-биологических. Они отражены в концепции софиасофии Ю.М. Осипова. Разработанная нами теория оптимума развития социальных систем, отметил Е.В. Шелкопляс, которую можно применять как практическую перспективную модель гармоничного социально-экономического и культурного развития страны, может быть использована и другими странами мира, в том числе принадлежащими ныне к одряхлевшей либеральной цивилизации. Современная Россия способна взять на себя роль глобального лидера перемен и перехода к гармоничному развитию человечества, подчеркнул докладчик.

В докладе **И.Д. Спасского** (Открытый исследовательский университет имени А.А. Ухтомского, г. Одесса, Украина) «Рефлексия экономического мышления: онтологический и антропологический аспекты» было отмечено, что экономическое мышление направлено на осмысление воспроизводственных процессов. Рефлексия экономического мышления позволяет раскрыть дискурс, в котором оно протекает. Определив дискурс, можно осмыслить как связанные с ним возможности, так и аффекты, обусловленности с прочими парадигмальными ограничениями. Например, преодолевая антимирную направленность экономического мышления. От используемых в мыслительном процессе онтологии и антропологии зависят охватность и глубина осмысления экономических процессов. Эстетика мышления лежит в основе рефлексии качества мышления. Глубинную эстетику мысли докладчик предложил назвать софийной эстетикой, само же глубокое тонкое мышление — софийным мышлением. Это является ориентиром практик рефлексивного совершенствования мыслительного процесса. Опираясь на софий-

ное восполнение онтологии и антропологии, можно определить софийную онтологию и софийную антропологию, заметил И.Д. Спаский.

Глубинная историческая Россия, которую «вероятно разумеваем», заметила д.э.н. **Т.Н. Юдина** (экономический факультет МГУ), предстает и сегодня как Третий Рим. Действительно, Россия в XXI в. на метафизическом уровне живет в том же контексте Третьего Рима, что и в XVI в., когда была озвучена Филофеем, монахом Елизарова монастыря. Для того, чтобы в этом убедиться, следует овладеть интеллектологией и философией хозяйства. И тогда открывается триединство трех Римов, так как «Рим» един, но есть три его фазы. Единый Рим в триединстве трех Римов противопоставляется «миру, во зле лежащему» (согласно апостолу Павлу). I-й Рим выступил как «двор», инструмент собирания народов и Божественного правосудия, давший Римское право. II-й Рим (Ромейская держава) был «притвором», защитником правой веры (православия) против ересей, подарившим труды Вселенских Учителей (Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста), показавшим пример византийского домостроя. Москва (Россия) — III-й Рим — есть «храм», Дом молитвы, ее миссия — домостроительство спасения, Новый Домострой.

Необходимо целостно, с позиций междисциплинарного научного анализа раскрыть сущность Третьего Рима, создать научно-философско-теологическую концепцию единого Рима в триединстве трех его этапов. Это особенно важно современному миру в эпоху цифровизации и глобализации, подчеркнула Т.Н. Юдина.

Тема доклада д.социол. н., профессора **Л.И. Ростовцевой** (Тульский филиал РЭУ имени Г.В. Плеханова) «Ценностный разворот России» продолжила тезис, сформулированный Ю.М. Осиповым: «...ориентир для России — сама Россия...». На основе результатов социологических исследований студенчества Института социологии РАН и собственных она показала трансформацию ценностной системы за годы постсоветских реформ. Привела цифры, свидетельствующие о том, что уже через 10 лет после распада СССР студенты отметили среди присущих им главных человеческих качеств индивидуализм, практичность, рациональность, предприимчивость, оттеснившие на последние места бескорыстие и коллективизм. Правда, на первое место они поставили все-таки традиционную ценность — ответственность, долг, что позволило сделать

вывод о двух параллельных процессах: преемственности традиционных ценностей и заимствовании западных.

Результаты опроса студентов тульских вузов и трех факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова (n=400, 2018 г.) показали, что современное студенчество разделено примерно пополам в своей приверженности западным материалистическим и традиционным духовно-нравственным ценностям. Необходим более решительный разворот в духовно-нравственном воспитании — в противоположном гедонистическому принципу общества потребления направлении, заметила профессор Ростовцева.

В выступлении д.э.н., профессора **В.В. Чекмарева** «Стратегическая безучастность экономической политики» (г. Кострома) был изложен концептуальный взгляд на перспективы сближения экономической науки и хозяйственной практики. Рассмотрение экономической науки как триединства политической экономии (в чьих интересах?), экономики (как эффективнее?) и экономической политики (при каких условиях?) является посылом к конструктивным предложениям по отказу от стратегической безучастности экономической политики для России в координатах ударных перемен. Имеющееся у ряда экономистов понимание институциональной экономики как раздела экономической науки и отождествление ее с экономической политикой в рамках экономической теории затушевывают практику параллельности экономической науки и хозяйственной практики и рожают стратегическую безучастность экономической политики. Одним из путей преодоления существующего положения дел является философское осмысление путей формирования воспринятой экономической ответственности у хозяйствующих субъектов на всех уровнях экономического пространства, заметил профессор Чекмарев.

В выступлении к.э.н., проректора Академии труда и социальных отношений **Г.В. Фадейчевой** был сделан акцент на концептуальных вопросах, связанных с формированием общественной потребности развития России. Было подчеркнуто, что заявленная тема требует поиска ответов на ключевые вопросы: в каком именно социохозяйственном пространстве предполагается исследование, какие выбраны координаты, по каким параметрам оценивать движение по координатам ударных перемен? Прозвучал тезис о том, что постановка вопроса об ударных переменных — концептуально интересный вектор дискуссий для отечественных обществоведов. В выступлении Г.В. Фадейчевой также было отмечено, что общемиро-

вые траектории развития, задаваемые современной техносферой, являются определенным вызовом для России. С одной стороны, ясны задача-минимум (не отстать) и задача стратегическая (стать лидером в техносфере), с другой стороны — траектории развития общества экономического постмодерна, свойственные представителям глобализации по западному образцу, не соответствуют уникальной российской цивилизации, основанной на иных ценностях и мотивации. Осознание необходимости вектора движения, который даст пример альтернативного экономическому постмодерну пути, есть ничто иное, как источник формирования общественной потребности развития современной России, отметила Г.В. Фадейчева.

В своем выступлении «Рост российской цифровой экономики в режиме технологической безопасности страны» д.э.н., профессор **С.С. Носова** (Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ») подчеркнула, что цифровой бизнес имеет свои минусы: он приводит к структурным изменениям рынков труда, росту нового витка неопределенности в развитии экономики, а также к кибермошенничеству — мошенничеству, совершенному с использованием компьютерных сетей, информационно-коммуникационных систем и сети Интернет. Но в тоже время внедрение новых IT могут привести к качественному улучшению борьбы с кибермошенничеством. Поэтому необходимо внедрять современные цифровые технологии, которые будут способствовать реализации стратегии цифрового бизнеса как фактора роста экономики в режиме технологической безопасности страны. В этой связи необходимо активно включиться в работу международных институтов в области кибербезопасности, целью которых является недопущение киберконфликтов, а также в разработку на базе ООН инструментов по противодействию манипулированию информацией и разжиганию информационных войн, отметила профессор Носова.

В своем докладе «Транснациональные корпорации и роль прямых иностранных инвестиций в российской экономике» к.э.н. **А.К. Рассадина** (экономический факультет МГУ) отметила что, несмотря на некоторое уменьшение объемов деятельности транснациональных корпораций (ТНК), они по-прежнему остаются главным экономическим фактором, влияющим на структуру и объем международного разделения труда, объем мирового производства. В основе преобладающей роли ТНК в мировой экономике лежат прямые иностранные инвестиции, посредством которых осуществляется их экспансия в мире.

В настоящее время в российской экономике присутствуют отделения, дочерние фирмы или филиалы многих десятков ТНК. Эти компании захватили доминирующие позиции в ряде отраслей российской экономики, в основном работающих на потребительский рынок. Прямые иностранные инвестиции оказывают значительное влияние на экономическое развитие России. При этом факторы такого влияния носят как положительный, так и отрицательный характер.

В свете остро стоящих в настоящее время задач по модернизации российской экономики, прекращению экономической стагнации, а также в связи с необходимостью совершения технологического прорыва, необходимо грамотно использовать прямые иностранные инвестиции в качестве средства развития отечественного бизнеса на передовом технологическом уровне, повышения конкурентоспособности национальных компаний, роста их эффективности, заметила А.К. Рассадина.

В выступлении д.э.н., профессора **Л.Г. Чердниченко** (Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова) было отмечено, что наличие региональных диспропорций характерно для большого количества стран. Однако существование данного явления в экономике России во многом связывается с наличием внешнеэкономических санкций, уводящих проблему в плоскость обеспечения национальной безопасности. В этих условиях особое значение приобретает политика государственного регулирования социально-экономического развития регионов, направленного на преодоление региональных различий и повышение конкурентоспособности территорий.

Система экономических индикаторов конкурентоспособности должна быть способна выявить динамику показателей, дающих возможность проанализировать информацию о состоянии внешней среды, т. е. отразить влияние налоговой системы, ограничения в сфере тарифной политики, расчеты и платежи по поставкам и т. п.; выявить конкурентоспособность товаропроизводителей на внутренних или внешних рынках, которая определяется с учетом многообразия секторов этих рынков; раскрыть факторы конкурентных преимуществ и конкурентные позиции региона; состояние рыночной инфраструктуры.

«Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» позволяет осуществить анализ региональной социальной дифференциации с позиций угрозы нацио-

нальной безопасности государства и дает возможность анализировать ее уровень и динамику с использованием системы показателей состояния экономической безопасности, заметила профессор Чердниченко.

В выступлении д.э.н., профессора **Н.А. Шапиро** (совместный доклад с М.Ю. Курганской, РГПУ имени А.И. Герцена, СПб.) на тему «Концепции изучения гендерных неравенств на рынке труда» было отмечено, что методологическая рефлексия на словосочетание «ударные перемены» может быть разной. Это перемены срочные, т. е. проведенные в очень короткий временной период; это перемены, резко меняющие формальные институты; это мобилизация ресурсов под предельно конкретные цели и т. д. Но есть еще один актуальный взгляд на перемены — это обсуждение неравенств, и в данном случае докладчик обратила внимание на гендерные неравенства на рынке труда. Гендерные неравенства на рынке труда рассмотрены при этом как различия и как несправедливость. Если несправедливость следует устранять, то различия следует активно использовать как источник нового, заметила профессор Шапиро.

В своем выступлении **А.А. Гришко** (г. Новороссийск) обратила внимание на проблему мирового долга, его продолжающуюся эскалацию с закономерно вытекающими негативными последствиями как для мировой экономики в целом, так и для российской в частности. Она обозначила основные теоретико-методологические схемы управления государственной задолженностью и механизмы недопущения роста долга, выявила ключевые проблемы и противоречия российской долговой политики. А.А. Гришко сделала вывод о качественном изменении современных долговых отношений в российской экономике, отношений между государством и корпорациями, ставшими сегодня с точки зрения природы долга трансформационными, или гибридными. Также в ее докладе обращалось внимание на проблему диверсификации долга и долговых отношений. В качестве основного заключительного предложения докладчик обозначила необходимость смены парадигмы долговой политики РФ с ориентацией на внутренний рынок страны.

В докладе к.э.н. **Е.А. Починковой** (г. Новороссийск) на тему «Перемены или развитие: сложный ответ на простой вопрос» был сделан анализ перемен в мировой экономике и России через призму концепции национального богатства. В рамках этой концепции развитие определяется как расширенное воспроизводство общественного богатства. В мировой экономике происходят инвентаризация и

суверенизация элементов национального богатства, пересматривается содержание национального богатства, идет активный поиск новых механизмов расширенного воспроизводства и распределения результатов производства.

В России все эти процессы присутствуют, но имеют свои особенности. Анализ инвестиционной активности российских компаний позволяет судить о перспективных точках роста. Они есть в сфере транспорта, в переработке сырья, в нефтегазовой сфере. Однако продолжают сохраняться отраслевые диспропорции, инвестиции носят несистемный и невзаимосвязанный характер, отсутствует механизм устойчивого воспроизводства, в обществе нарастает недовольство существующей системой распределения конечного продукта. Все это свидетельствует о том, что происходящие в нашей стране перемены — еще не развитие, заметила Е.А. Починкова.

В докладе «Подходы к идентификации и позиционированию провинциального региона на основе компаративного анализа» к.э.н., доцент **В.Ю. Маслихина** (Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола) (в соавторстве с О.С. Белокур и Г.С. Цветковой) предложила методический подход к идентификации и позиционированию российского региона в мировом региональном пространстве. В качестве базового региона был взят провинциальный регион России Республика Марий Эл Приволжского федерального округа. Позиционирование данного региона производилось среди 297 еврорегионов уровня NUTS 2 по данным 2014 г. К еврорегионам, сходным с Республикой Марий Эл, были отнесены 2 региона Сербии, 2 региона Албании, 3 региона Болгарии, один регион Румынии и Северная Македония. Сходные российский и европейские регионы относятся к агроиндустриальному типу, характеризуются низким уровнем развития, средними темпами роста, высокими долями сельского населения и сельскохозяйственного производства, а также тенденцией к периферизации. Основными драйверами роста еврорегионов, отметила В.Ю. Маслихина, являются финансовая поддержка ЕС и преобразования институциональной среды.

К.э.н. **Вл.В. Чекмарев** (Кострома) рассмотрел проблему понимания и реализации квантовости экономической безопасности. Докладчик подчеркнул, что экономическая безопасность государства имеет структурные и смысловые границы, а цифровая эпоха делает возможным глубокое философское осмысление того, что

происходит и что произойдет в ближайшее время. Солидаризируясь с тезисом профессора Ю.М. Осипова о *россиизации России*, он обосновал ряд положений общей теории экономической безопасности государства как составной части философии хозяйства. Философское осмысление, на взгляд Вл.В. Чекмарева, является предпосылкой ударных перемен в развитии российского общества и государства.

На этом выводе можно завершить краткое изложение проблем, рассмотренных на заседаниях секций прошедшей конференции.

* * *

6 декабря 2019 г. состоялось ежегодное общее собрание Академии философии хозяйства, посвященное 10-летию Академии философии хозяйства и 20-летию журнала «Философия хозяйства», на котором был утвержден президиум АФХ в составе Ю.М. Осипов (президент), А.Ю. Архипов (вице-президент), В.Т. Рязанов (вице-президент), И.Р. Бугаян (академик-секретарь), Е.С. Зотова (академик-секретарь), В.А. Ушанков (академик-секретарь), М.Л. Альпидовская, Л.А. Асланов, М.М. Гузев, В.В. Смагина, К.А. Хубиев, В.В. Чекмарев.

* * *

В декабре 2019 г. в члены-корреспонденты АФХ были приняты к.э.н. Е.А. Починкова (г. Новороссийск) и к.э.н. Д.П. Соколов.

* * *

5 февраля 2020 г. в Москве в усадьбе Узкое в Храме Казанской иконы Божией Матери состоялась лития по случаю столетия со дня смерти великого русского философа Е.Н. Трубецкого.

Под председательством священника Георгия Белькинда прошел круглый стол, приуроченный к 100-летию со дня смерти Е.Н. Трубецкого, сподвижника и друга другого великого русского мыслителя — С.Н. Булгакова — основателя философии хозяйства. Организаторы конференции — Образовательный фонд им. братьев князей С.Н. и Е.Н. Трубецких и Философский клуб Первого мос-

ковского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова.

С основными докладами на темы: «Актуальность исторических воззрений Е.Н. Трубецкого с позиции сегодняшнего и завтрашнего дня» и «Непреходящая теоретическая значимость Метафизических предположений познания» выступил к.ф.н., доцент А.Р. Геворкян (Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова). В качестве содокладчиков приняли участие кандидаты наук В.Е. Дмитриев (философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова), И.Ю. Зая (Академии социального управления), П.В. Нестеров (Московская государственная академия физической культуры), Г.В. Хлебников (ИНИОН РАН), старший преподаватели И.Л. Алексеев и К.А. Кузнецов.

В завершение представляется уместным сообщить, что профессор МГУ имени М.В. Ломоносова Ю.М. Осипов и профессор Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова В.В. Кашицын систематически посещают и возлагают цветы на могилу Е.Н. Трубецкого в г. Новороссийске, где Е.Н. Трубецкой скончался от тифа в 1920 г. в военном госпитале, функционирующем и поныне.

* * *

18 февраля 2020 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему «Экономика: благие мифы и бесподобные реалии», на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, В.Я. Иохин, Г.Р. Наумова, Р.М. Нижегородцев, И.В. Пшеницын, И.Г. Шевченко, Т.Н. Юдина, кандидаты наук А.Р. Геворкян, О.В. Доброчеев, М.Ю. Павлов.

АНОНСЫ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

***«Иной мир как вовсю бытующая реальность
(человек — хаос — постчеловек)»***

Это только кажется, что иной — не наш, стало быть — мир где-то там, вне земли, вне человечества, стало быть, и вне нас, а он — такой-сякой — прямо... здесь, на земле, в человечестве, стало быть, и в нас, мало того — он вовсю действует и, кажется, делает свое дело похлеще мира этого, как бы и нашего, земного, да так такой-сякой делает, что впору заговорить о превращении человека зёмного в постчеловека незёмного, а мира человеческого в мир постчеловеческий, тоже неземный, иначе как тогда все это — ультрасовременное — понимать?

17 марта 2020 г., в 15.00
(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2020

Секция лаборатории философии хозяйства

***«Интригующая будущность: экономика с цифрой
или цифра без экономики»***

Пока вокруг не слишком еще интригующая и не очень-то задевающая воображение экономистов обыденная настоящность, когда экономика, полная до краев вездесущих экономических (стоимостных) цифр, весьма успешно (хоть и таинственно) ведущая свое сложное цифирное дело (деньги, цены, капиталы, инвестиции, кредиты, доходы и все подобное цифирно-экономическое). Но вот активно и безапелляционно наступает некая странная будущность, когда цифра хоть и продолжает обслуживать ненасытное экономическое чрево, но уже заявляет о себе — вполне и интригующе! — как о самой-себе-цифре, способной не только подчинить себе экономику, а и сделать из нее кое-

что другое — ту же цифромонику, то бишь учредить на месте экономики свое собственное, уже цифирно-технотропное, искусственное чрево. Что — разве не так?

21—22 апреля 2020 г., в 15.00
(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

* * *

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

«Техногенез как генератор перемен: цивилизация, управление, экономика»

Вот и пришла пора благодарно вспомнить о марксо-марксистском тезисе о непреходящей роли производительных сил, их развития, в переформатировании способов хозяйства, цивилизаций, культур, самого человека, его сознания! Во всяком случае что-то подобное явно происходит сейчас, в данный исторический момент, когда взрывоподобный техногенез, претендующий на статус искусственного разума, радикально меняет все вокруг — но вот как, в каком направлении и с каким возможным итогом?

Май 2020 г.
(Польша, Варшава,
Факультет управления Варшавского университета)

* * *

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

из цикла

«Россия: земля и люди»

на тему:

«Рассеянные будни пореформенной России: ожидания, миражи, реалии»

Разве будни российские ныне не рассеянные, а, наоборот, всюю определенные, стройные, проектные, надежные, понятные, наконец? То, что ожидания людские (хоть физических лиц, хоть юридических) неопределенны, а просматриваемые ими горизонты вполне себе миражны, то бишь то и другое и впрямь рассеянное — это более или менее попятно, но вот объективные, так сказать, реалии, еще и каждодневные, они-то что — разве не задеты необъятным, весьма уже и институциональным хаосом? Новые времена — новый мир — новая

реальность, ну и новая ее рассеянность, прямо-таки сетевая, в сети и сквозь сети, вполне себе тоже рассеянные. Надолго ли все это, а может, и навсегда?

Июнь 2020 г.

Совместно с администрацией Мучкапского района и Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина
(Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина)

* * *

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2020
Всероссийский научный симпозиум

«Что за времена, что за мир, что за хромос?»

Что есть вокруг, что происходит, что творится? Что? Интересно, не правда ли?

Сентябрь 2020 г.

(Краснодарский край, пос. Новомихайловский, ВДЦ «Орленок»)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Россия в перedelъе: цивилизация, техногенез, экономика»

Именно в перedelъе, а не просто в переменах, ибо перемены в России не только и не столько «самоходные», сколько — пусть и без единой, целостной и внятной программы — авторитарно, если не диктатно, перedelочные, даже и не перестроечные, и уж тем более не перестроенческие. Что, зачем, в каких координатах и по каким векторам, с какими результатами? По всему бытийному — историческому — фронту, включая и его глубокие тылы.

Секции:

1. Россия как цивилизация и цивилизация как Россия: суть и ход перемен.
2. Техногенез как главный мотор тотального перedelъя.
3. Российская экономика: состояние, тенденции, превращения.

2—4 декабря 2020 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

КУЛЬКОВ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*profvmk@mail.ru*).

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор, департамент мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*kuznetsov0572@mail.ru*).

ВОЙТОВ АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, Москва, Россия (*voitovag@yandex.ru*).

ВАСИЛЕНКО И.,

пс-м., Украина.

ИОХИН ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН, Москва, Россия (*iokhinan@mail.ru*).

КОПТЕЛОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, социологии и политологии, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Нижний Новгород, Россия (*koptelova2210@rambler.ru*).

СОКОЛОВ РОМАН ЕВГЕНЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории и мировой экономики, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия (*sokolov@yandex.ru*).

НОВАК АЛОЙЗЫ ЗБИГНЕВ,

доктор экономических наук, профессор, декан, факультет управления, Варшавский университет, Варшава, Польша (*ANowak@wz.uw.edu.pl*).

ПАРФЕНОВА ЛЮДМИЛА БОРИСОВНА,

доктор экономических наук, профессор, декан, экономический факультет, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, Ярославль, Россия (*decan@econom.uniyar.ac.ru*).

КОРОЛЕВА ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра финансов и кредита, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, Ярославль, Россия (*gotik@inbox.ru*).

КОРНЯКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (Ярославский филиал), Ярославль, Россия (*vikorn1@rambler.ru*).

БАХРУШЕВА НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, Ярославский государственный технический университет, Ярославль, Россия (*ashatan1985@mail.ru*).

ТЕНЯКОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, доцент, профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*itenyakov@mail.ru*).

ЧАЙКОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ,

кандидат технических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия (*dom2067@mail.ru*).

БИРЮКОВ ВИТАЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и управления персоналом, Омская гуманитарная академия, Омск, Россия (*sciencebv@gmail.com*).

ИСМОИЛОВ ГАЙРАТБЕК НУРИДИН УГЛИ,

студент магистратуры, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия (*gayratbec.ismoilov.gi@gmail.com*).

БУЛГАРОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ,

аспирант, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*bulgarov-333@mail.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор интернет-издания «Диалектика», Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,

старший преподаватель, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия (*sansanytch08@mail.ru*).

АНДРЕЕВ АНДРЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский центр РАН; Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», Москва, Россия (*sympathy_06@mail.ru*).

ШИРОКАЛОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА,

доктор социологических наук, старший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Приволжский филиал); заведующая кафедрой философии, социологии и политологии, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Нижний Новгород, Россия (*shirokalova@list.ru*).

ШИМАНСКАЯ ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт Европы РАН, Центр по изучению проблем религии и общества, Москва, Россия (*shimansk@mail.ru*).

ТАРАСОВ АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра философии, социологии и психологии управления, Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, Нижний Новгород, Россия (*alexey.an.tarasov@gmail.com*).

ЗЛЫГОСТЕВА НАТАЛЬЯ ИЛЬИНИЧНА,

кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский центр регионоведения, Кировская областная научная библиотека имени А.И. Герцена, Киров, Россия (*zamnauk@herzenlib.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

KULKOV VIKTOR MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*profvmk@mail.ru*).

KUZNETSOV ALEKSEI VLADIMIROVICH,

Doctor of Economics, Professor, Senior Researcher, Department of World Economy and World Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow Russia (*kuznetsov0572@mail.ru*).

VOITOV ALEKSANDR GEIRGIEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Moscow, Russia (*voitovag@yandex.ru*).

VASILENKO I.,

ps-m, Ukraine.

IOKHIN VIKTOR YAKOVLEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Europe RAS, Moscow, Russia (*iokhinan@mail.ru*).

KOPTELOVA TATYANA IVANOVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, Nizhny Novgorod, Russia (*koptelova2210@rambler.ru*).

SOKOLOV ROMAN EVGENIEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Chair of Economic Theory and World Economics, Moscow Financial-Industrial University «Synergy», Moscow, Russia (*sokolov@yandex.ru*).

NOVAK ALOIZE ZBIGNEV,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Management, University of Warsaw, Warsaw, Republic of Poland (*ANowak@wz.uw.edu.pl*).

PARFENOVA LYUDMILA BORISOVNA,

Doctor of Economics, Professor, Dean of the Faculty of Economics, Yaroslavl State University, Yaroslavl Russia (*decan@econom.uniyar.ac.ru*).

KOROLEVA GALINA ALEXANDROVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Finance and Credit, Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia (*gotik@inbox.ru*).

KORNIAKOV VASILY IVANOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Yaroslavl branch of Lenin-Grad State University, Yaroslavl, Russia (*vikorn1@rambler.ru*).

VAKHRUSHEVA NATALIA ANDREEVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia (*ashatan1985@mail.ru*).

TENYAKOV IVAN MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*itenyakov@mail.ru*).

CHAIKOV MIKHAIL YURIEVICH,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia (*dom2067@mail.ru*).

BIRYUKOV VITALY VASILIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, the Department of Economy and Personnel Management, Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russia (*sciencebv@gmail.com*).

ISMOILOV GAYRATBEK NURIDIN,

Master's Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia (*gayratbek.ismoilov.gi@gmail.com*).

BULGAROV ALEKSANDR ILIICH,

Graduate Student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*bulgarov-333@mail.ru*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Editor-in-Chief of «Dialectics», Moscow, Russia (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

GORBACHEV ALEKSANDR YURJEVICH,

Senior Lecturer, Faculty of Philologies, Belarusian State University, Minsk, Belarus (*sansanytch08@mail.ru*).

ANDREEV ANDREY LEONIDOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Chief Researcher, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; NRU MPEI, Moscow, Russia (*sympathy_06@mail.ru*).

SHIROKALOVA GALINA SERGEEVNA,

Doctor of Sociology, Senior Researcher, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (branch); Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, Nizhny Novgorod, Russia (*shirokalova@list.ru*).

SHIMANSKAYA OLGA KONSTANTINOVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Center for the Study of Religion and Society, Moscow, Russia (*shimansk@mail.ru*).

TARASOV ALEKSEY ANATOLYEVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Department of Philosophy, Sociology and Psychology of Management, Nizhny Novgorod Institute of Management (branch), Nizhny Novgorod, Russia (*alexey.an.tarasov@gmail.com*).

ZLIGOSTEVA NATALIA ILINICHNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher, Research Center for Regional Studies, Kirov Regional Scientific Library named after A.I. Herzen, Kirov, Russia (*zamnauk@herzenlib.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 40000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы); адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Таблицы выполняются табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул.

Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Рисунки и схемы, выполненные в Word, сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** по ширине не должен превышать 11 см. **Цвет рисунков — черно-белый**. Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все выпшедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.